

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

**ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Тема номера:
СОВЕТСКИЙ СОЮЗ:
ОТ ОБРАЗОВАНИЯ К РАСПАДУ

2023/ № 1

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2023 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2072-8360 (print)

2023 / № 1

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., МГОПУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., МГОПУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., МГОПУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д-р ист. наук, проф., МГОПУ;

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., МГОПУ;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., МГОПУ (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., МГОПУ

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Московского государственного областного университета (www.istpolitmgou.ru); www.vestnik-mgou.ru.

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. 156 с.

© МГОПУ, 2023.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSPU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSPU
Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., MRSPU
Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSPU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSPU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSPU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSPU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences, 2023, no. 1. 156 p.

© MRSPU, 2023.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ОТ ОБРАЗОВАНИЯ К РАСПАДУ

- Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И.* Советский Союз: от образования до распада (материалы круглого стола-презентации в центре социально-политической истории, Москва, 19 декабря 2022 г. Часть 1) 6

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Асонов Н. В.* К вопросу о генезисе православного Возрождения в XIII в. 22
- Искалиев А. К.* Развитие научной деятельности студентов в середине XIX – начале XX вв. (на примере Дерптского Императорского университета) 35
- Чемакин А. А.* Муниципальная политика правительства С. Сулькевича и выборы в городские думы Крыма (лето–осень 1918 г.) 42
- Никонов В. В.* Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. 55
- Петрик Л. С.* Постсоветское социокультурное пространство в теории и политике современной России 67

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Сазонова Т. А.* «Прусский Тацит» Бартольд Нибур: историческая политика Германии и Италии в начале XIX в. 75
- Нурисламов Р. Р.* Рурский кризис 1923 г. и основание бюро экономической информации Гамбург-Бремен. 83
- Козьякова Н. С.* Политическое положение Второй Австрийской республики после освобождения в 1945 г. 96
- Макеева С. Б.* История реализации региональной политики в китайских восточных провинциях в 1990-е гг. (на примере провинции Чжэцзян). 107

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Гресь Е. В.* Оценки трудов М. Н. Покровского в советской историографии второй половины 60-х – начала 90-х гг. XX в. 115
- Яковлев Н. А.* Феномен двоевластия в России в 1917 г. в англоязычной историографии .. 123

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Ковба Д. М.* Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы 135
- Телицын В. Л.* Рецензия на книгу: Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: Информационно-издательское управление Московского государственного управления, 2021. 309 с. 148

CONTENT

THEME OF THE ISSUE: THE SOVIET UNION: ON THE WAY TO DISINTEGRATION

- V. Zhuravlev, L. Lazareva, N. Sukhanova.** The Soviet Union: On the Way to Disintegration (Materials of the Round Table Presentation at the Center for Socio-Political History, Moscow, December 19, 2022. Part 1) 6

DOMESTIC HISTORY

- N. Asonov.** The Question of the Genesis of the Orthodox Christian Renaissance in the 13th Century 22
- A. Iskaliev.** Development of Scientific Activities of Students in the Mid 19th – Early 20th Centuries (Using the Example of Imperial University of Dorpat) 35
- A. Chemakin.** Municipal Policy of the Cabinet of S. Sulkevich and Elections to the Crimean City Dumas (Summer – Autumn 1918) 42
- V. Nikonov.** Creating a Positive Impression of Church-State Relations in the USSR as a Form of Interference in Church Life in 1940–1950 55
- L. Petrik.** Post-Soviet Socio-Cultural Space in Theory and Politics of Modern Russia 67

WORLD HISTORY

- T. Sazonova.** The «Prussian Tacitus» Barthold Niebuhr: historical policy in Germany and Italy in the early 19th century 75
- R. Nurislamov.** The Ruhr Crisis of 1923 and the Establishment of the Economic Information Bureau Hamburg-Bremen 83
- N. Kozyakova.** Political Situation of the Second Austrian Republic after the Liberation in 1945 .. 96
- S. Makeeva.** History of Regional Policy Implementation in Chinese Eastern Provinces in 1990s (Using the Example of Zhejiang Province) 107

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- E. Gres.** Evaluation of the Works of M. N. Pokrovsky in Soviet Historiography of the Second Half of the 60s – Early 90s of the 20th Century 115
- N. Yakovlev.** The Phenomenon of Dual Power in Russia 1917 in English-Language Historiography 123

POLITICAL SCIENCE

- D. Kovba.** Modern Humanitarian Diplomacy: Main Levels, Actors and Their Motivations ... 135
- V. Telitsyn.** Book Review: Lazareva L. N. Economic Reform of 1965: Prerequisites, Progress, Results. Moscow: Information and Publishing Department of Moscow Region State University, 2021. 309 p. 148

ТЕМА НОМЕРА: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ОТ ОБРАЗОВАНИЯ К РАСПАДУ

УДК 94(470)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-6-21

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: ОТ ОБРАЗОВАНИЯ ДО РАСПАДА (МАТЕРИАЛЫ КРУГЛОГО СТОЛА-ПРЕЗЕНТАЦИИ В ЦЕНТРЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ, МОСКВА, 19 ДЕКАБРЯ 2022 Г. ЧАСТЬ 1)

Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И.

Московский государственный областной педагогический университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. В контексте всей истории СССР проанализировать некоторые ключевые факторы, повлиявшие на эволюцию советского государства от его образования до распада.

Процедуры и методы. Представленные материалы основаны на экспертных оценках генезиса и значимости ряда ключевых факторов динамики Советского Союза. В рамках системного анализа изучены обстоятельства реализации указанных факторов по сферам общественной жизни.

Результаты. Авторы представленных материалов констатировали отсутствие предопределённости распада СССР. Изученные экономические и этнические факторы эволюции Советского Союза необходимо рассматривать в русле конкретно-исторического подхода, учитывая изменения в политике Коммунистической партии. На финальном этапе истории СССР его руководство не смогло дать адекватных ответов на новые вызовы модернизации, что содействовало краху СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого анализа могут быть использованы для выработки более глубокого представления о причинах распада СССР и использования его опыта для предотвращения в будущем подобных катаклизмов, а также в преподавательской деятельности по социально-гуманитарным дисциплинам.

Ключевые слова: СССР, распад, советский, кризис, реформы, причины

THE SOVIET UNION: ON THE WAY TO DISINTEGRATION (MATERIALS OF THE ROUND TABLE PRESENTATION AT THE CENTER FOR SOCIO-POLITICAL HISTORY, MOSCOW, DECEMBER 19, 2022. PART 1)

V. Zhuravlev, L. Lazareva, N. Sukhanova

Moscow Region State Pedagogical University

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. In the context of the entire history of the USSR, to analyze some key factors that influenced the evolution of the Soviet state from its formation to its collapse.

Methodology. The presented materials are based on expert assessments of the genesis and significance of a number of key factors in the dynamics of the Soviet Union. As part of the system analysis, the circumstances of the implementation of these factors in the spheres of public life are studied.

Results. The authors of the presented materials stated the absence of predetermination of the collapse of the USSR. The studied economic and ethnic factors of the evolution of the Soviet Union should be considered in line with a concrete historical approach, taking into account changes in the policy of the Communist Party. At the final stage of the USSR history, its leadership could not give adequate answers to the new challenges of modernization, which contributed to the collapse of the USSR.

Research implications. The results of the analysis can be used to develop a deeper understanding of the causes of the USSR collapse and use its experience to prevent similar cataclysms in the future. The presented materials can also be used in teaching social and humanitarian disciplines.

Keywords: USSR, collapse, Soviet, crisis, reforms, causes

Журавлёв В. В.

«Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?» – Проблема в назидание современникам и потомкам

Ровно 30 лет назад вышло в свет обширное документальное издание «Не состоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия?» [25], в создании которого мне пришлось участвовать в качестве одного из инициаторов и исполнителей. Уже тогда, по свежим следам распада СССР, мы пытались добраться до понимания того, почему великая страна, одержавшая беспримерную победу в смертельной схватке с фашизмом, «дрогнула», не выдержала социально-политических противоречий заката «перестройки».

Два с лишним десятилетия назад при создании кафедры новейшей истории России нашего вуза данный поиск был продолжен в творческом единении с ис-

следователями других кафедр и научных учреждений.

При этом мы исходили из того, что (как мне приходилось не раз говорить и писать) феномен советского реформирования с его успехами и поражениями трудно понять и оценить, не сориентировавшись предварительно в координатах того общества, которое бросило вызов цивилизационного масштаба и значения всему остальному миру. И в течение 70 с лишним лет пыталось отстаивать этот вызов на всех возможных «фронтах» жизнедеятельности социума: экономическом, социальном, политическом, мировоззренческом, идеологическом, духовном, культурном, нравственном... И, конечно же, на реальных фронтах

Гражданской, Великой Отечественной и сменившей её «холодной» войн.

Осуществляя работу в данном направлении, мы положили в основу наших изысканий основополагающий тезис о том, что по мере того, как события и явления советской истории всё более и более отдаляются от нас, а проблемы современности нарастают, становится очевидным, что данный феномен не заслуживает безоговорочного порицания в той же мере, как и в тотальной идеализации. Он нуждается в серьёзном, сбалансированном, политически и эмоционально не ангажированном изучении в качестве, хотя в итоге и не удавшейся, но исторически значимой заявки на некапиталистический тип модернизации общественных отношений. И сегодня это становится особенно важным в обстановке, когда глубинный и всеобъемлющий кризис мировой системы «классического» капитализма достаточно убедительно демонстрирует неизбежность его краха уже в обозримом будущем.

Определённый промежуточный итог данного долговременного поиска был озвучен 22 апреля 2022 г. в ходе работы проведённого при участии Государственной исторической библиотеки России и Российского государственного архива литературы и искусства Круглого стола – презентации «Советская экономическая модель и судьба союзного государства», на котором представлению и обсуждению подвергся цикл исследовательских и документальных публикаций, подготовленных при непосредственном участии сотрудников кафедры новейшей истории России МГОПУ.

Имеются все основания расширить диапазон подходов к данной проблеме на исторической дистанции от образования Советского Союза до его распада. Именно в таком диапазоне (и даже немного шире) мы попытались рассмотреть заявленную проблему в обобщающем труде [32], в подготовку которого принципиально значимый вклад внесли, наряду со специали-

стами других научных учреждений, такие преподаватели кафедры новейшей истории России, как Ю. В. Аксютин, В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева и Д. В. Маслов.

Параллельно специальному фундаментальному анализу были подвергнуты такие повлиявшие на судьбу СССР факторы, как русский и советский патриотизм и национализм в их диалектической противоречивой целостности и длительной исторической эволюции [29]. Взгляд на советскую действительность «с другого берега» стал предметом изучения на фоне широкого полотна эволюции многовековой общественной мысли нашей страны [26]. Профессор Д. В. Маслов, один из авторов этого труда, итожит: «Значение изучения общественной мысли русской эмиграции в рассматриваемом вопросе заключается и в том, чтобы не только попытаться понять мотивы наших соотечественников за рубежом в кровавой схватке 1940-х гг., но и понять то, что никто в мире – ни Англия, ни Германия, ни США – не собирались в условиях Второй мировой войны решать российские проблемы за самих россиян. И этот важный исторический урок, как представляется, вполне актуален и в наши дни» [26, с. 465].

Высокую оценку научной общественности получили документальные издания «Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии 1947–1953 гг.»¹ и «Социальная политика СССР в 1947–1953 гг.»². Впервые введённые в научный оборот содержащиеся в данных публикациях уникальные источники дают современным исследователям широкие возможности для дальнейшей, углубленной разработки широкого круга проблем послевоенной истории нашей страны.

Упомянутый круг публикаций органично дополнила монография доцента

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии 1947–1953 гг. / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 647 с.

² Социальная политика СССР в 1947–1953 гг. / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

кафедры Л. Н. Лазаревой «Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги» [19]. Итогом длительной и плодотворной работы Любови Николаевны над проблемой «сталинской» модели социально-экономического развития страны и попыток её преодоления стала её докторская диссертация, защищённая 25 мая 2022 г.

В первых числах декабря 2022 г. вышла в свет фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Д. В. Маслова «От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (середина 1980-х – 1990-е гг.)» [21]. Этот труд по праву можно считать одним из первых исследований в отечественной историографии, посвящённых трансформации сознания и поведения советского человека в условиях горбачёвских реформ и преобразований 1990-х гг.

Реалии дня сегодняшнего актуализировали проблематику советского прошлого. Что нашло отражение и в объявленном РФФИ специальном конкурсе, посвящённом 100-летию образования СССР, над реализацией отдельных сторон проблематики которого практически завершали работу два победивших в конкурсе коллектива преподавателей факультета истории, политологии и права МГОПУ, что нашло своё отражение в уже увидевших свет двух коллективных монографиях.

Впервые в научной литературе комплексный анализ причин распада СССР в аспекте теоретико-методологического исследования содержится в коллективной работе «Причины распада СССР: вопросы методологии исследования», подготовленной сотрудниками кафедры новейшей истории России [22].

Оригинальность подхода, междисциплинарный характер инструментария анализа отличает фундаментальный труд «Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов буду-

щего на постсоветском пространстве», подготовленный сотрудниками кафедры истории России Средних веков и нового времени, политологии и права, а также новейшей истории России [7]. В данной монографии выявлены и проанализированы узловые проблемы формирования мемориальных дискурсов об СССР на постсоветском пространстве. Рассмотрены особенности политики памяти постсоветских властных элит. Всесторонне изучен феномен исторического мифотворчества. Предложены инструменты для аргументированного опровержения деструктивных исторических мифов.

В итоге можно констатировать, что коллектив преподавателей факультета истории, политологии и права МГОПУ в целом достойно заявил о себе в ходе широкого «мозгового штурма», на эффективность которого и был рассчитан объявленный РФФИ конкурс, посвящённый 100-летию СССР.

Великий испанский писатель М. Сервантес ещё в начале XVII в. утверждал: «Правда иной раз гнётся, но никогда не ломается и всплывает поверх лжи, как масло – поверх воды».

Не отвергая правоты данного высказывания, хочу добавить, что в обстановке нашего сложного и быстротекущего времени мы не можем и не должны ждать самопроизвольной победы истины над ложью, в т. ч. и в трактовке реального, а не фейкового, как модно сегодня говорить, образа СССР.

При этом для учёных-историков речь может и должна идти именно об *истине* как о правде, опирающейся на систему строго выверенных фактов и доказательств. «Истина от земли, достояние разума человека», – как формулировал в своё время данное понятие В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка», – «а правда с небес, дар благостности». Вспомним: «Не в силе Бог, а в правде». Вот почему путь от *правды* к *истине* предполагает напряжение не только ума, но и души исследователя,

испытания его нравственности, приверженности действительным, а не ложным ценностям.

Наша прямая обязанность состоит в активном и непредвзятом познании исторического смысла и общецивилизационного предназначения советского общества как полноправного этапа драматического и великого прошлого страны.

Можно только приветствовать, что в круг изданий, вынесенных на настоящую презентацию, вошёл проект Росархива

«Казахстан в годы Великой Отечественной войны», подготовленный к. и. н. директором РГАЛИ О. А. Шашковой, а также информация к. и. н. зам директора РГАЭ Е. Р. Кураповой относительно публикации документов Министерства экономики и прогнозирования и сообщения сотрудников кафедры гуманитарных и социальных наук РГУ-МИЭРА.

Уверен, что настоящий Круглый стол-презентация послужит ещё одним знаковым шагом на избранном нами пути.

Лазарева Л. Н.

Анализ советской социально-экономической модели в контексте поиска причин распада СССР¹

Социологические исследования последних лет продолжают фиксировать незатишающую тоску наших соотечественников по СССР [7]. Свою лепту в общественное сознание вносит травма геополитической катастрофы, продолжается рефлексия советского прошлого и смены ценностных установок. В роли эффективного «доктора» национальной памяти и основой для консолидации может выступить лишь глубокое изучение «болевых» точек исторического пути, создающее научную базу для ответов на вечные вопросы: «Кто мы? Откуда? Куда мы идём?»².

Признание эффективности советской системы (при отрицании идеологической составляющей) фиксируются сегодня уже на уровне властного дискурса [3, с. 10]. К тому же современная геополитическая ситуация формирует тренд на изучение хозяйственных механизмов,

позволивших руководителям СССР не только обеспечить суверенитет страны, но и восстановить народное хозяйство под давлением внешних санкций [9].

Внимание ведущих мировых научных центров к отечественному опыту хозяйствования подтверждает развёрнутое Гуверовским институтом уже «по горячим следам» (в 1990-х гг.) масштабное интервьюирование советских плановиков и управленцев [23, с. 27]. Прослеживается феномен исследовательского интереса к попытке СССР реализовать альтернативу рыночному либерализму и в современной зарубежной историографии. Профессор Оксфордского университета Р. С. Аллен обозначил сущность социально-экономических процессов XX в. следующим образом: «...его началом стала русская революция 1917 г., а завершающим этапом – распад Советского Союза в декабре 1991 г.» [1, с. 8].

Ветка исследований, нацеленная на извлечение уроков из опыта СССР, усиливается запросом на поиск нового типа мировой экономической системы. В юбилейном докладе Римского клуба (2018) [11] предельно откровенно аргументирован тезис «дальнейшее развитие общества потребления невозможно». Выводы

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

² Эта надпись выставлена екатеринбургским художником Т. Радя на крыше бывшего Уральского приборостроительного завода. Она воспроизводит название известной картины французского художника П. Гогена «Кто мы? Откуда пришли? Куда мы идем?».

авторов о недопустимости использования ВВП в качестве оценочного критерия эффективности, о необходимости смены парадигмы производственных программ через установки на долговечность, ремонтпригодность, экономию – стимулируют анализ сильных и слабых сторон советского директивного планирования, в целеполагание которого входило требование: «...чтобы материальные, трудовые и финансовые ресурсы использовались наиболее разумно и эффективно» [28, с. 413].

Вместе с тем тезис об успешности и эффективности советской экономической модели наталкивается на справедливое возражение оппонентов – почему же тогда больше не существует «союз нерушимый республик свободных»? Причём вопрос корреляции экономической системы с территориальной целостностью имеет не только теоретическую, но и практическую составляющую для Российской Федерации, которая остаётся самой большой страной мира. Отсюда важность анализа воздействия хозяйственной модели на динамику развития процессов дезинтеграции СССР.

Попытки решить данный ребус начались по «горячим следам» – первые версии сформулировали уже «прорабы перестройки» и апологеты «шоковой терапии» [6; 8; 30–31 и др.]. Обобщённо и схематично их мнение можно свести к следующей «аксиоме»: альтернативы «невидимой руке рынка» нет, поэтому судьба СССР стала закономерным итогом управления народным хозяйством страны методом директивного планирования.

Параллельно с данными объяснительными моделями развивался научный поиск в парадигме принципов историзма и объективности, нацеленный на выявление всего многообразного комплекса факторов, приведших к распаду одной страны и рождению в муках новой [2; 5; 14–15; 27; 33–34].

Свою лепту в углубление понимания контекста происходивших в стране со-

бытий, комплекса факторов, прямо и косвенно влиявших на процесс распада Советского Союза, ключевых особенностей директивного планирования внесла «архивная революция». Благодаря ей историкам стали доступны важные комплексы документов, объективно характеризующие как достижения, так и просчёты в развитии народного хозяйства страны, механизмы плановой системы, геополитический аспект, обуславливающий решения советских лидеров. Были опубликованы материалы, выявляющие особенности функционирования экономической системы в условиях идеократического государства, оказавших влияние на целеполагание и формирующие ограничения в выборе методов достижения намеченного¹.

За минувшее 30-летие некоторые авторитетные советские управленцы сочли возможным поделиться в откровенных интервью своими оценками проблем народного хозяйства страны и предпринятых попыток его реформирования, к тому же важным дополнением складывающегося «пазла» стали источники личного происхождения: мемуары, дневники, записные книжки².

Анализ историографии позволяет констатировать: знания об особенностях советской модели хозяйствования и попытках её реформирования, накопленные в минувшее 30-летие, продвинули осмысление места экономической системы

¹ Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии, 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: РОССПЭН, 2017. 646 с.

² Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с рук. планирования СССР / Ю. Ольсевич, П. Прегори. М.: Теис, 2000. 159 с.; Министры советской эпохи о времени, о соратниках, о себе / ред.-сост. В. П. Лысенко. М.: Изд-во Патриот, 2010. 611 с.; Непорожний П. С. Энергетика страны глазами министра: Дневники 1935–1985 гг. М.: Энергоатомиздат, 2000. 782 с.; Леонид Брежнев. Рабочие и дневниковые записи: в 3 т. / сост. А. С. Степанов, А. В. Коротков. М.: ИстЛит, 2016.; Сафонов А. Работа Госплана СССР как искусство возможного. Беседа Алексея Сафонова с Владимиром Коссовым // Неприкосновенный запас. 2020. №5. С. 189–206.

как одного из факторов распада СССР на более глубокий уровень. К тому же междисциплинарный подход, находящийся в тренде современной методологии научного поиска, мотивирует историков прибегать к арсеналу экономистов (например, использование концепции институционализма, теории реформ и т. п.), получая новые доказательные способы экспертизы как ограничений плановой системы, так и эффективности стратегии её изменения. Большой эвристический потенциал показал антропологический метод, дополнивший методы исторического исследования (историко-генетический, историко-системный, ретроспективный, сравнительный и т. п.).

Благодаря данному тренду в изучении советской экономической модели удалось чётче вычислить социальную цену высоких темпов роста ВВП страны, а также углубить понимание предпосылок корректировки «сталинской» стратегии на следующем этапе развития¹. Отчётливее стала видна сложность выбора между возможностью инвестировать в долгосрочные проекты или в интенсивный рост уровня жизни населения. Результатом стали новые оценки, казалось бы, уже хрестоматийных фактов, мотивирующие дискуссии и продолжение поиска.

Вместе с тем отдаление от исследуемых событий и вызванное этим объективное затухание приращения новых эмпирических данных внушает уверенность в небольшой вероятности выявления фактов, способных в корне изменить наши представления об истории СССР. Отсюда следует необходимость инвентаризации существующего методологиче-

ского арсенала и возможность предложить на суд внимательного и думающего читателя свои объяснительные модели, изложенные в коллективной монографии «Причины распада СССР: вопросы методологии исследования» [22, с. 13].

Анализ влияния советской социально-экономической модели на дезинтеграцию Советского Союза базировался на концепции догоняющей модернизации. Несмотря на заслуженную критику данной концепции, сформулированной в годы холодной войны нашими геополитическими противниками [4, с. 30], тем не менее авторы уверены, что мастерство и профессионализм отечественных историков позволили отделить «зёрна от плевел», преодолеть ограничения данной методологии и вывести понимание советского «рывка» на новый уровень осмысления [18].

В. В. Журавлёв обозначил «ахиллесову пятю» отечественной модернизации: элита реализовывала свои представления о «лучшем будущем», не пытаясь найти модель, органичную для российского менталитета. Таким образом, получил объяснение «лихорадочный пульс» отечественной догоняющей модернизации [13, с. 670].

Научная новизна коллективной монографии состоит в попытке проследить генезис основных факторов распада СССР на протяжении всего исторического пути страны. Работа начинается с рассмотрения социально-экономической модели через призму её вклада в уравнивание центростремительных / центробежных тенденций, сопровождающих развитие любого государства [22, с. 15–98]. Проблема исследуется как дихотомия поиска методологии повышения эффективности хозяйствования и баланса горизонтальных и вертикальных связей. Авторами проведён анализ значения «родовых травм» народного хозяйства страны, комплекса объективных и субъективных причин формирования «сталинской» модели, хода и итогов «мозгового штурма» позднего сталинизма, направленного

¹ *Напр.*: публикация документов и материалов социальной политики позднего сталинизма позволяет выявить цену, заплаченную обществом за высокую динамику экономического роста, ёмко характеризует причины корректировки внутренней политики при новых руководителях страны. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953 гг.: документы и материалы / сост. В. В. Журавлёв, Л. Н. Лазарева. М.: Научно-политическая книга, 2020. 718 с.

на выработку долгосрочной стратегии развития, а также особенностей поиска методологии повышения эффективности хозяйствования новыми командами советских лидеров, вклада экономического фактора в усиление центробежных тенденций перестройки.

В ходе проведённого исследования авторы пришли к выводу, что в основе усиления центробежных тенденций обнаруживается клубок противоречий, порождённых несоответствием «сталинской» экономической модели новым вызовам модернизационного процесса. Ключевой особенностью плановой экономики СССР была её неразрывная связь с идеологией, поэтому ненайденные ответы на фундаментальные вопросы «мозгового штурма» вели к просчётам долгосрочной стратегии развития страны. Непонимание сущностных черт «сталинской» модели политической элитой предопределило неудачи реформ при деформации её хозяйственных механизмов. Итогом стало развитие по экстенсивному пути, рост денежного навеса не обеспеченного товарным покрытием, катализирующий увеличение сектора теневой экономики, перерождение элиты и формирование запроса на перемены. Нехватка ресурсов (нередко результат несбалансированности плановых заданий и бесхозяйственности) вела к обострению региональных противоречий: идея республиканского хозрасчёта изначально базировалась на проблеме обеспечения достойного уровня потребления местному населению. Динамика роста масштабов народнохозяйственного комплекса страны требовала качественного реформирования управленческих связей, исчерпывая возможность руководить из Москвы территорией, занимающей 1/6 часть планеты. Вместе с тем «сталинская» модель до окончательного демонтажа её «несущих» конструкций продолжала «сшивать» единым экономическим пространством союзное государство: даже в условиях рвущихся экономических свя-

зей, решительно настроенным на независимость, прибалтийским республикам потребовался переходный период для изменения структуры своих экономик.

Безусловно, авторы, представляя на суд читателя данное исследование роли экономических факторов в распаде СССР, далеки от мысли, что смогли найти ответы на все сложные и дискуссионные вопросы. Тем не менее высказать свою позицию на основании проделанной работы можно и нужно: проведённый анализ не даёт оснований для вывода о заведомой неэффективности плановой экономики и советской экономической модели. Проблема видится в неспособности руководителей страны найти ответы на вызовы нового этапа модернизации: своевременно переформатировать взаимоотношения Центра и регионов, решить противоречие роста масштабов народного хозяйства и возможностей эффективного управления в данных условиях. Но даже в сложившихся условиях экономический фактор не занимал лидирующего положения в комплексе причин распада государства. Отчёт об изучении политического и экономического аспектов массового сознания института философии и права Уральского отделения Академии Наук (февраль 1991 г.) свидетельствует: в отношении к экономическим преобразованиям жители столицы Урала были «...менее радикальны, чем в политике»¹.

Голоса разделились пополам: 50% опрошенных выступали за переход к рыночной экономике, тогда как их оппоненты (тоже 50%) отстаивали необходимость усиления централизованного планирования и материально-технического снабжения, укрепление государственной собственности. За «рынок» ратовали молодёжь и ИТР (29% от общего числа

¹ ЦДООСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 342. Оп. 1. Д. 44. Отчёт института философии и права УрОАН СССР о результатах социологического исследования по изучению политического и экономического аспектов массового сознания жителей г. Свердловска за февраль 1991 г. Л. 34. Л. 37. Л. 39.

опрошенных), в рабочей среде был популярен другой ответ: «заставить всех работать по-настоящему». Поменять политическое руководство страны требовала ¼ часть всех респондентов – именно его нерешительность раздражала и «рыночников» и «государственников».

Пророчеством звучат сегодня строки из предисловия к документальному сборнику «Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия»,

увидевшему свет в 1992 г.: «...история скроена так, что вслед за крупномасштабными катастрофами, потерями, неизбежно следуют обретения. Не стоит гадать, когда они придут к нам и какими будут. Важнее другое. Выходя на новую дорогу, не спотыкаться о старые булыжники...» [25, с. 16]. В решение задачи осмысления исторических уроков хотели внести свой посильный вклад и авторы презентуемой монографии.

Суханова Н. И.

Национальная политика большевиков в годы гражданской войны: теория и практика¹

Гражданская война в России стала судьбоносным явлением для большевиков. Сохранение власти, уничтожение или принуждение к конформизму её противников, превращение советской страны в центр мирового революционного движения для развития революции вширь – эти стратегические задачи требовали многоплановых решений. Одним из важнейших направлений деятельности большевиков была реализация национальной политики с целью вовлечения народов России в революционный процесс, обеспечения победы советской власти на окраинах страны и строительства нового социалистического государства. Будучи государственниками, большевики стремились к сохранению под своим влиянием традиционного российского пространства. Такой подход, сохраняя во многом особенности российской полиэтнической цивилизации, требовал выработки нового типа взаимоотношений центра и провинции.

Эффективность политики большевиков зависела не только от опоры на реализацию классового подхода. К этому времени в условиях системного кризиса

определённые элементы рыночных отношений проникли даже в крайне традиционалистские сообщества. Поэтому усиление вражды между «имущими» и «неимущими» было «общим местом» на всей территории страны. Помимо классовой борьбы большевики вносили в этническое сознание позитивный образ своей национальной политики. Главным её тезисом было право наций на самоопределение. Это программное требование было сформулировано ещё в «Манифесте РСДРП» в 1898 г. В нём были определены все важнейшие направления и задачи деятельности партии. Позже, в 1914 г., в работе «О праве наций на самоопределение» лидер большевиков писал: «Под самоопределением наций разумеется государственное отделение их от чуженациональных коллективов, разумеется образование самостоятельного национального государства»². Помимо самоопределения большевики выдвигали задачи полного равноправия наций, выравнивания уровней развития наций, проживавших в государстве, и в будущем интернациональное слияние всех трудящихся мира в едином надклассовом общественном образовании. При этом

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43005.

² Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч. Т. 25. С. 264.

большевистская концепция определяла нацию как этнонацию.

Поначалу В. И. Ленин категорически отрицал необходимость федеративного устройства пролетарского государства. Он считал, что следует иметь ввиду унитарное демократическое централизованное государство с широкой областной автономией. Большевизм отличался стремлением к централизации партийного и государственного устройства, унификации практически всех процессов, в т. ч. и национальных отношений, слабо учитывая крайне различные уровни развития населявших Россию народов. Ленин считал, что единое крупное государство выгодно всем¹.

Если до революции в большевистской идеологии делался акцент на самоопределение наций как стимул борьбы национальных окраин с самодержавием, то после Октября 1917 г. требование национального самоопределения стало регламентироваться новыми ограничениями, которые были уже прописаны в Конституции 1918 г. В. И. Ленин признал целесообразность федеративного устройства Советского государства. При сохранении интернационалистских задач новый подход к государственному устройству утверждал территориальную и социокультурную идентичность на основах этнического федерализма².

Между тем большевистский вождь всегда подчёркивал, что право на самоопределение не означает обязательности отделения. Он считал, что народ, получивший это право от советской власти, оценит и поймёт, что в составе такого государства стоит оставаться³.

В годы Первой мировой войны и особенно в годы революций и Гражданской войны в России национальный вопрос

ещё более актуализировался. Системный кризис и крайняя слабость центральной власти стали серьёзной провокацией для отрыва окраин и их выхода из состава Российского государства. Эта опасность усиливалась разраставшимся противоборством во всех сферах общественного существования, что грозило распадом государства. В наиболее сконцентрированном контексте все они проявлялись в противостоянии двух главных военно-политических сил: красных и белых. Победа одной из них напрямую зависела от проводимой ими политики.

Население иноязычных территорий в основном слабо разбиралось в идейных основах большевизма и белого движения, поэтому корневым признаком их поддержки местным населением был подход к решению национального вопроса. Следует подчеркнуть, что при этом определённая сложность взаимоотношений центра и национальных окраин существовала ещё и из-за того, что этнические сообщества, достаточно долго входившие в состав России и находившиеся в разной степени под её влиянием, сформировали двойное самосознание: этнонациональное и общероссийское. Общенациональное сознание не было сформировано в силу понятных причин. При этом этнонациональное – преобладало, что подтверждалось результатами выборов в Учредительное собрание: нерусские отдавали голоса национальным партиям [12, с. 153].

Так, в Средне-Терешанской волости Саратовской губернии, несмотря на активную работу первой большевистской ячейки, татарское население во время выборов в Учредительное собрание проголосовало за левых эсеров. Позже, во время проведения продразвёрстки, конфликтность стала нарастать, что приводило к расправам как со стороны местного населения с большевистскими лидерами, так и со стороны красноармейцев [24, с. 381–382].

С развитием революционного процесса народы Северного Кавказа на своих

¹ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167–168.

² Ленин В. И. Речь о войне 9 июня 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 286–287.

³ Ленин В. И. Резолюция летнего 1913 г. совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 63.

национальных съездах начали провозглашать собственные национально-государственные образования. В ноябре 1918 г. был образован Союз горцев Кавказа, объединивший несколько народов. Его политика была направлена против Советской власти и вообще против любой русской власти – тут действовала многолетняя социокультурная инерция. Сепаратизм стал защитной реакцией этнических сообществ в целях сохранения собственной идентичности в условиях всеобщей анархии.

Между тем в горской среде появились собственные большевики. Они принимали и понимали большевизм с учётом этнических особенностей: почитание ислама и его нравственно-правовых начал, бытовой традиционализм сохранялись в их миропонимании [10, с. 34–35].

Подобное имело место практически во всех национальных регионах страны. На этнических территориях нормой становился разгон местных советов, не согласных с созданием комбедов. Наряду с хозяйственными проблемами острым вопросом стал принудительный призыв в Красную армию. Война определяла приоритеты как местных сообществ, так и власти большевиков. Каждая из сторон отстаивала свои позиции, к сожалению, в основном силовыми методами. Большевики действовали быстро, зачастую жестоко, в интересах своей социальной базы, не задумываясь в сложные моменты о тонкостях теории [16, с. 407].

В сельских регионах с мусульманским населением формировались антибольшевистские организации во главе с исламским духовенством. Сепаратизм пресекался со стороны новой власти военными методами, но ликвидирован не был. Скорее, он был загнан вглубь этнического сознания. В этом проявлялась одна из главных черт российской цивилизации во взаимоотношениях центра и окраин – постоянная борьба центробежных и центростремительных сил. В таких условиях непросто было осуществлять ту

национальную политику, которая смогла бы устроить и центр, и окраины.

Большевики не имели пока ещё детально разработанной концепции национальной политики, формировали её, исходя из практики общения с населением. Кроме общих лозунгов, обозначенных ранее на утвердившем победу советской власти II съезде Советов, большевики не предложили ни одного декрета, касавшегося национального вопроса. Между тем там было принято решение о создании Наркомнаца, призванного разрабатывать и реализовывать национальную политику.

Первыми результатами большевистского подхода к практике самоопределения наций было получение Польшей и Финляндией независимости. Не во всём это был жест доброй воли большевистского правительства, но резонанс имел место. После этого независимость провозгласило правительство Эстонии и Литвы, несколько позже – Латвии.

Новая власть приняла немало законов, деклараций и правоустанавливающих документов, в которых достаточно пафосно описывались новые нормы строительства многонационального государства. Но следует отметить, что методы реализации национальной политики были представлены слишком расплывчато. Конечно, сложно было ожидать от молодой советской власти, ориентированной в первую очередь на классовую борьбу, детального понимания рецептов национальных преобразований в столь сложной, многокультурной, поликонфессиональной, к тому же расколотой по множеству признаков стране. Споров внутри руководства было немало. Известны многие прецеденты противоречий между лидерами центральных и местных партийных органов. При этом стратегические задачи понимались большинством из них практически одинаково – для создания сильного, единого многонационального государства, способного сплотить вокруг себя всё передовое человечество, необходимо ликвидировать разрозненность

национальных образований, объединив их под централизованным руководством партии большевиков.

«Декларация прав народов России», подтверждавшая право на самоопределение наций, и «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» заложили базовую основу советского государства в условиях переходного периода. Равенство народов и их объединение на основе федерации провозглашались в качестве главных принципов строительства многонационального государства. При этом указанные документы помогали решать задачу роста авторитета большевиков на иноязычных территориях. Практическое же самоопределение было возможно только на основе решения Всероссийского съезда трудящихся.

Что же касается регионов, оставшихся в составе Советской России, то новый республиканский порядок строился уже на принципах федерализма. Федерализм – одно из наиболее популярных слов в политическом языке Гражданской войны. В большинстве этнические элиты в это время за них и боролись. Апелляция к этническому чувству становилась основой политики [17, с. 352].

При этом определение задач в реализации национальной политики в решениях VIII и X съездов партии опиралось на утверждение, что национальные чувства трудящихся являются пережитком¹. Среди прочих причин итогом таких подходов стало постепенное усиление большевистского влияния и ограничение суверенитета образовавшихся во время войны независимых республик: Азербайджана, Армении, Грузии, Украины, Белоруссии, Бухары, Хивы.

В 1918 г. реакцией на демократические лозунги большевиков и сложное хозяйственно-политическое положение стало массовое образование республик и

в русских регионах. Создание значительного их количества осложняло позиции большевиков, поскольку местные органы власти самостоятельно решали свои задачи. Приведший к этому в значительной степени искусственный повод для их формирования, а также лежавший в основе территориальный принцип не соответствовали идее самоопределения на национальных основах [22, с. 111].

Трудности самостоятельного развития республик в условиях войны, а также централизующая политика большевиков в сторону бюрократической иерархии и директивных методов управления быстро «завершили» региональную самостоятельность. Красная армия тоже содействовала ускоренному процессу централизации и укреплению власти большевиков. Это в корне противоречило партийным идеалам и дававшимся в 1917 г. обещаниям. Между тем практика большевистских преобразований сохранила целостность государства, и была одержана победа в Гражданской войне.

После окончания войны национальная политика Советского государства повернулась в сторону выравнивания положения с национальными регионами. Началась политика коренизации, стала формироваться система советского федерализма. Но эти процессы тоже оказались несовершенными и достаточно запутанными. Политическая и хозяйственная централизация в государстве оставалась незыблемой. Это компенсировалось относительной самостоятельностью в культурном развитии и увеличении количества местной политической элиты. Надежды большевиков на то, что «притягательность надклассового национализма утратит свою силу в том случае, если нациям будут представлены определённые формы государственности», не оправдались [20, с. 35].

¹ Восьмой съезд РКП (б). Резолюции и постановления съезда // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2. М.: Политиздат, 1983. С. 79.

Дата поступления в редакцию 14.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Ален Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / пер. с англ. Е. Володиной. М.: РОССПЭН, 2013. 390 с.
2. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 254 с.
3. Багдасарян В. Э. Восприятие СССР в историческом сознании современного российского социума: тенденции ресоветизации (по материалам социологических опросов) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 7–19.
4. Багдасарян В. Э. Матрицы общественного сознания. М.: Наше завтра, 2021. 416 с.
5. Барсенков А. С. Введение в современную российскую историю, 1985–1991. М.: Аспект Пресс, 2002. 367 с.
6. Валовой Д. В. Экономика абсурдов и парадоксов: очерки-размышления. М.: Политиздат, 1991. 430 с.
7. Восприятие советского прошлого в контексте формирования новых идентичностей, войн памяти и образов будущего на постсоветском пространстве / В. Э. Багдасарян, В. В. Журавлёв, А. Э. Ларионов, С. Н. Федорченко, Э. Э. Шульц. М.: Проспект, 2022. 304 с.
8. Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 439 с.
9. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. Кристалл роста к русскому экономическому чуду. М.: Наше Завтра, 2021. 360 с.
10. Гасанов Б. К. Политические движения и партии на Северном Кавказе в 1917–1920 гг.: идеология, практика, исторические судьбы и уроки: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1997. 28 с.
11. Гигаури Е. Н. Юбилейный доклад Римского клуба: «Старый мир обречён. Новый мир неизбежен!» // Вопросы культурологии. 2018. № 2. С. 18–26.
12. д'Анкокс Э. К. Евразийская империя. История Российской империи с 1552 г. до наших дней. М.: РОССПЭН, 2007. 367 с.
13. Журавлёв В. В. Дихотомия реформ и революций в процессах модернизации России (некоторые итоговые суждения) // Реформы в России с древнейших времён до конца XX века. Т. 4 / отв. ред. И. Н. Данилевский. М.: РОССПЭН, 2016. С. 663–671.
14. Журавлёв В. В. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе. М.: Политиздат, 1990. 447 с.
15. Кара-Мурза С. Г. Крах СССР. Кто виноват. М.: Алгоритм, 2016. 446 с.
16. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра, Культура, 2004. 528 с.
17. Красовицкая Т. Ю. Этнокультурные идеалы в пространстве конфликтов Гражданской войны // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы Международной научной конференции (Москва, 1–3 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: ГЦМСИР, 2018. С. 351–356.
18. Лазарева Л. Н. Вклад архивных документов в формирование исторической памяти (из опыта публикации сборника документов и материалов «Социальная политика позднего сталинизма») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 52–61.
19. Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: ИИУ МГОУ, 2021. 310 с.
20. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011. 855 с.
21. Маслов Д. В. От советского человека к россиянину: реформы и социальная эволюция индивида (середина 1980-х – 1990-е гг.). М.: Научно-политическая книга, 2022. 359 с.
22. Маслов Д. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Причины распада СССР: вопросы методологии исследования. М.: Политическая энциклопедия, 2022. 399 с.
23. Митрохин Н. Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 504 с.
24. Мухамедов Р. А. Татарское население Поволжья при большевиках (1918–1920 гг.) // Падение империи, революция и Гражданская война в России / отв. ред. М. К. Мухарямов. М.: Социально-политическая мысль, 2010. С. 380–392.

25. Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? / сост. А. П. Нена-роков. М.: ТЕРРА, 1991. 560 с.
26. Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX в.: в 4 т. Т. 4: Общественная мысль Русского зарубежья / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 567 с.
27. Опенкин Л. А. Сила, не ставшая революционной: Исторический опыт разработки КПСС политики в сфере науки и технического прогресса. 1917–1982. Ростов н/Д., 1990. 253 с.
28. Островитянов К. В. Политическая экономия: учеб. М.: Госполитиздат, 1954. 640 с.
29. Патриотизм и национализм как факторы российской истории (конец XVIII в. – 1991 г.) / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 783 с.
30. Попов Г. Х. Реформирование неререформируемого. Попытка Алексея Косыгина. М.: Международ- ный ун-т в Москве, 2009. 528 с.
31. Приватизация по-русски / под ред. А. Б. Чубайса. М.: ВАГРИУС, 1999. 365 с.
32. Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 4: 1917–1991 гг. / отв. ред. В. В. Журавлёв. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 671 с.
33. Упущенный шанс или последний клапан? (к 50-летию косыгинских реформ 1965 г.) / ред. Р. М. Нуреева. М.: КНОРУС, 2017. 352 с.
34. Ханин Г. И. Экономическая история России в Новейшее время: в 2 т. Т. 1: Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 г. Новосибирск: НГТУ, 2008. 515 с.

REFERENCES

1. Alain R. S. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution (Rus. ed.: Volodina E., transl. *Ot fermy k fabrike: novaya interpretatsiya sovetskoy promyshlennoy revolyutsii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 390 p.)
2. Artemov E. T. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoy modeli pozdneindustrialnoy modernizatsii* [Scientific and technical policy in the Soviet model of late industrial modernization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 254 p.
3. Baghdasaryan V. E. [Perception of the USSR in the historical consciousness of modern Russian society: trends in re-Sovietization (based on sociological surveys)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences]. 2022, no. 1, pp. 7–19.
4. Baghdasaryan V. E. *Matritsy obshchestvennogo soznaniya* [Matrixes of social consciousness]. Moscow, Nashe Zavtra Publ., 2021. 416 p.
5. Barsenkov A. S. *Vvedeniye v sovremennuyu rossiyskuyu istoriyu, 1985–1991* [Introduction to modern Russian history, 1985–1991]. Moscow, Aspect Press Publ., 2002. 367 p.
6. Gross D. V. *Ekonomika absurdov i paradoksov: ocherki-razmyshleniya* [Economics of absurdities and paradoxes: essays-reflections]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 430 p.
7. Baghdasaryan V. E., Zhuravlev V. V., Larionov A. E., Fedorchenko S. N., Shults E. E. *Vospriyatiye sovetskogo proshlogo v kontekste formirovaniya novykh identichnostey, voyn pamyati i obrazov budushchego na postsovetskom prostranstve* [Perception of the Soviet past in the context of the formation of new identities, wars of memory and images of the future in the post-Soviet space]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 304 p.
8. Gaidar E. T. *Gibel imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [The death of the empire. Lessons for modern Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 439 p.
9. Galushka A. S., Niyazmetov A. K., Okulov M. O. *Kristall rosta k russkomu ekonomicheskomu chudu* [Growth Crystal to the Russian Economic Miracle]. Moscow, Nashe Zavtra Publ., 2021. 360 p.
10. Gasanov B. K. *Politicheskiye dvizheniya i partii na Severnom Kavkaze v 1917–1920 gg.: ideologiya, praktika, istoricheskiye sudby i uroki: avtoref. dis. ... dok. ist. nauk* [Political movements and parties in the North Caucasus in 1917–1920: ideology, practice, historical destinies and lessons: abstract of Dr. Sci. thesis in Historical Sciences]. Moscow, 1997. 28 p.
11. Gigaury E. N. [Anniversary report of the Club of Rome: «The old world is doomed. The new world is inevitable!». In: *Voprosy kulturologii* [Issues of cultural studies], 2018, no. 2, pp. 18–26.
12. d'Encosse E. K. *Yevraziyskaya imperiya. Istoriya Rossiyskoy imperii s 1552 g. do nashikh dney* [Eurasian Empire. History of the Russian Empire from 1552 to the present day]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 367 p.

13. Zhuravlev V.V. [Dichotomy of reforms and revolutions in the processes of modernization of Russia (some final judgments)]. In: Danilevsky I. N., ed. *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX veka. T. 4* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century. Vol. 4]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2016, pp. 663–671.
14. Zhuravlev V. V. *Na poroge krizisa: narastaniye zastoynykh yavleniy v partii i obshchestve* [On the verge of crisis: the growth of stagnant phenomena in the party and society]. Moscow, Politizdat Publ., 1990. 447 p.
15. Kara-Murza S. G. *Krakh SSSR. Kto vinovat* [The collapse of the USSR. Who's guilty]. Moscow, Algoritm Publ., 2016. 446 p.
16. Kagarlitsky B. *Periferiy'naya imperiya: Rossiya i mirosistema* [Peripheral empire: Russia and the world system]. Moscow, Ultra Publ., Culture Publ., 2004. 528 p.
17. Krasovitskaya T. Yu. [Ethnocultural ideals in the space of conflicts of the Civil War]. In: Petrov Yu. A., ed. *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast i obshchestvo po obe storony fronta: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 1–3 oktyabrya 2018 g.)* [Russia during the Civil War, 1917–1922: power and society on both sides of the front: materials of the International Scientific Conference (Moscow, October 1–3, 2018)]. Moscow, GTsMSIR Publ., 2018, pp. 351–356.
18. Lazareva L. N. [Contribution of archival documents to the formation of historical memory (from the experience of publishing a collection of documents and materials «Social policy of late Stalinism»)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2022, no. 1, pp. 52–61.
19. Lazareva L. N. *Ekonomicheskaya reforma 1965 goda: predposylki, khod, itogi* [Economic reform of 1965: background, course, results]. Moscow, MRSU Edd. off. Publ., 2021. 310 p.
20. Martin T. *Imperiya «polozhitel'noy deyatel'nosti». Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [“The positive action” Empire. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow, 2011. 855 p.
21. Maslov D. V. *Ot sovetskogo cheloveka k rossiyaninu: reformy i sotsial'naya evolyutsiya individua (seredina 1980-kh – 1990-ye gg.)* [From Soviet Man to Russian: Reforms and Social Evolution of the Individual (mid-1980s – 1990s)]. Moscow, Nauchno-politicheskaya kniga Publ., 2022. 359 p.
22. Maslov D. V., Lazareva L. N., Sukhanova N. I. *Prichiny raspada SSSR: voprosy metodologii issledovaniya* [Causes of the collapse of the USSR: questions of research methodology]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2022. 399 p.
23. Mitrokhin N. *Ocherki sovetskoy ekonomicheskoy politiki v 1965–1989 godakh. T. 1* [Essays on Soviet economic policy in 1965–1989. Vol. 1]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. 504 p.
24. Mukhamedov R. A. [The Tatar population of the Volga region under the Bolsheviks (1918–1920)]. In: Mukharyamov M. K., ed. *Padeniye imperii, revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii* [The fall of the empire, the revolution and the Civil War in Russia]. Moscow, Sotsialno-politicheskaya mysl Publ., 2010, pp. 380–392.
25. Nenarokov A. P., ed. *Nesostoyavshiysya yubiley. Pochemu SSSR ne otprazdnoval svoego 70-letiya?* [A failed anniversary. Why didn't the USSR celebrate its 70th anniversary?]. Moscow, TERRA Publ., 1991. 560 p.
26. Zhuravlev V. V., ed. *Obshchestvennaya mysl Rossii: s drevneyshikh vremen do serediny XX v.: v 4 t. T. 4: Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezhya* [Public thought of Russia: from ancient times to the middle of the 20th century: in 4 vols. Vol. 4: Public thought of Russian abroad]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2020. 567 p.
27. Openkin L. A. *Sila, ne stavshaya revolyutsionnoy: Istoricheskiy opyt razrabotki KPSS politiki v sfere nauki i tekhnicheskogo progressa. 1917–1982* [Force that did not become revolutionary: The historical experience of the development of the CPSU policy in the field of science and technical progress. 1917–1982]. Rostov n/D., 1990. 253 p.
28. Ostrovityanov K. V. *Politicheskaya ekonomiya* [Political economy]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1954. 640 p.
29. Zhuravlev V. V., ed. *Patriotizm i nacionalizm kak faktory rossijskoj istorii (konets XVIII v. – 1991 g.)* [Patriotism and nationalism as factors of Russian history (late 18th century – 1991)]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2015. 783 p.
30. Popov G. Kh. *Reformirovaniye nereformiruyemogo. Popytka Alekseya Kosygina* [Reforming the unreformed. An attempt by Alexei Kosygin]. Moscow, Mezhdunarodnyy un-t v Moskve Publ., 2009. 528 p.

31. Chubais A. B., ed. *Privatizatsiya po-rossiyski* [Privatization in Russian]. Moscow, VAGRIUS Publ., 1999. 365 p.
32. Zhuravlev V. V., ed. *Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v.: v 4 t. Vol. 4: 1917–1991 gg.* [Reforms in Russia from ancient times to the end of the 20th century: in 4 vols. Vol. 4: 1917–1991]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2016. 671 p.
33. Nureeva R. M., ed. *Upushchenny shans ili posledniy klapan? (k 50-letiyu kosyginских reform 1965 g.)* [Lost chance or last valve? (on the occasion of the 50th anniversary of the Kosygin reforms of 1965)]. Moscow, KNORUS Publ., 2017. 352 p.
34. Khanin G. I. *Ekonomicheskaya istoriya Rossii v Noveysheye vremya: v 2 t. T. 1: Ekonomika SSSR v kontse 30-kh godov – 1987 g.* [The economic history of Russia in modern times: in 2 vols. Vol. 1: The economy of the USSR in the late 30s – 1987]. Novosibirsk, NGTU Publ., 2008. 515 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Журавлёв Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: ya.vvzh@yandex.ru

Лазарева Любовь Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: laz_dom@mail.ru

Суханова Наталья Ивановна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета; e-mail: sukhanovani@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valeri V. Zhuravlev – Dr. Sci. (History), Prof., Department Head, Department of Recent History of Russia, Moscow Region State Pedagogical University; e-mail: ya.vvzh@yandex.ru

Lyubov N. Lazareva – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State Pedagogical University; e-mail: laz_dom@mail.ru

Natalya I. Suchanova – Dr. Sci. (History), Prof., Department of Recent History of Russia, Moscow Region State Pedagogical University; e-mail: sukhanovani@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Журавлёв В. В., Лазарева Л. Н., Суханова Н. И. Советский Союз: от образования до распада (материалы Круглого стола-презентации в Центре социально-политической истории, Москва, 19 декабря 2022 г. Часть 1) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 6–21.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-6-21

FOR CITATION

Zhuravlev V. V., Lazareva L. N., Sukhanova N. I. The Soviet Union: on the way to disintegration (Materials of the round table presentation at the center for socio-political history, Moscow, December 19, 2022. Part 1). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 6–21.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-6-21

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-22-34

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В XIII В.

Асонов Н. В.

Московский педагогический государственный университет

119991, г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Изучить историю возникновения православного Возрождения и установить его место появления, приблизительное время и причины закрепления в странах славяно-православной цивилизации.

Процедура и методы. Основное содержание исследования сводится к комплексному анализу письменных источников, отражающих прямые и косвенные сведения об изменениях ценностно-целевых установок средневекового общества, с привлечением историографического материала.

Результаты. Сделан ряд выводов, позволяющих выявить географический центр генезиса православного Возрождения и роль в этом процессе духовной и политической власти. Приблизительно определены время и причины закрепления православного Возрождения в странах славяно-православной цивилизации как нравственной альтернативы католическому Ренессансу.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование позволяет дополнить и исправить ряд значимых аспектов истории Средневековья в пользу Древней Руси и славяно-православной цивилизации, начиная с XIII в.

Ключевые слова: православное Возрождение, исихазм (молчалиничество), славяно-православная цивилизация, Древняя Русь, культура Руси

THE QUESTION OF THE GENESIS OF THE ORTHODOX CHRISTIAN RENAISSANCE IN THE 13TH CENTURY

N. Asonov

Moscow State Pedagogical University

ul. M. Pirogovskaya 1-1, Moscow 119991, Russian Federation

Abstract

Aim. To examine the history of the emergence of the Orthodox Christian Renaissance and establish the place of its appearance, the approximate time and the reasons for its consolidation in the countries of the Orthodox Christian Slavic Civilization.

Methodology. The main content of the study is a comprehensive analysis of the written historic sources that reflect direct and indirect information about changes in the values and attitudes of the medieval society, with the involvement of historiographic material.

Results. A number of conclusions has been made which identify the geographical center of the genesis of the Orthodox Christian Renaissance and the role in this process of spiritual and political authority. The study also presents the approximate time and reasons for the consolidation of the Orthodox Renaissance in the countries of the Orthodox Christian Slavic Civilization as a historic and moral alternative to Catholic Renaissance.

Research implications. This study allows to supply and correct a number of significant aspects of the Middle Ages history in favour of Ancient Rus' and the Orthodox Christian Slavic Civilization as a whole, starting from the thirteenth century.

Keywords: Christian Orthodox Renaissance, Hesychasm, Orthodox Christian Slavic Civilization, Ancient Rus', Culture of Ancient Rus'

Введение

В российской научной и учебной исторической литературе под влиянием идей западного Просвещения, начиная с XIX в., закрепился взгляд на католический Ренессанс как сугубо позитивный процесс расхристианивания социально-политической жизни средневекового общества, показывающего передовую роль рыночных отношений и самой романо-германской цивилизации как единственного успешного лидера всего мирового сообщества. Возвращение к античным образцам Греции и, особенно, императорского Рима, начавшееся в период проторенессанса, подавалось как положительная новация, направленная на борьбу с мракобесием мировых религий, где главный удар наносился по христианству и его ценностно-целевым установкам, тормозящим прогресс человечества. Этот прогресс виделся в последовательном переходе от Ренессанса к протестантизму, позволившему создать новую идеологическую среду. Она, в свою очередь, помогла перейти от Средневековья к Новому времени и раскрепостить не только человека, но и его сознание, дав ему возможность через просвещение познать подлинную сущность бытия и своего места в нём как главного хозяина и творца этого мира. Отсюда следовал несложный вывод, что всякая культура и содержащиеся в ней идейные установки, противоречащие подобной трактовке прогресса, создаваемого усилиями Запада, есть зло, которое надо подавлять, ибо оно мешает строить общество всеобщей гармонии.

Поскольку со времён Петра Великого Россия вписала себя в контекст протестантской модели организации государства и власти, отрёкшись от всех православных стандартов в этих сферах, она могла оправдывать подобные революционные перемены, только приняв Ренессанс и встроившись в общую схему государственных новаций, завершившихся крахом самодержавия. Либеральная идеология Временного правительства, как и сменившая её марксистская схема понимания истории, опиравшаяся в первую очередь на основные положения «классической немецкой философии» в лице Г.-В. Гегеля и его школы, не могла изменить своего пристрастного отношения к Ренессансу. Это только укрепляло в советском обществе взгляд на историю собственной страны и её народа как на отсталую в культурном и политическом отношениях часть европейского мира. Все крупные достижения по-прежнему увязывались с движением власти в сторону передового Запада и умением приспособлять его новации к российским условиям.

Только с активным развитием в России византологии, начавшимся в 50-е годы XX в., стала рассматриваться альтернативная точка зрения, требующая, применительно к истории Руси, уделять больше внимания жизни Ромейского царства (Византии) как законодателя религиозно-политической и правовой моды православного востока. Именно в среде специалистов, работающих в данном направлении, появились аргументи-

рованные разработки, указывающие на существование параллельного католическому Ренессансу православного Возрождения, начавшегося на Афоне почти в то же время, когда на западе стал складываться Проторенессанс, т. е. в последней четверти XIII в.

В 60-е гг. XX в. тема православного Возрождения прочно срослась с анализом идеологии исихазма и стала рассматриваться в качестве её производной как литературоведами [10], так и специалистами по истории общественной мысли Руси [14]. Чуть раньше аналогичная оценка появилась в трудах православных византинистов, представлявших «русское зарубежье» [21]. Она подавалась как подлинное «духовное пробуждение» христианского общества и не встретила возражений на родине, получив поддержку со стороны богословов [6]. Таким образом, светские и церковные аналитики в этом увидели возвращение к нравственным идеалам раннего христианства, а не к языческим ценностям античности с их меркантилизмом и культом плоти.

Между тем характер дошедших до нас источников позволяет говорить о том, что истоки православного Возрождения следует искать не на Балканах, а у нас, на территории северо-восточной Руси, ставшей политическим и духовным центром будущего Московского государства. Попробуем разобраться в этой проблеме.

Православное Возрождение в XIII в.

Поскольку культурно-идеологическая сфера является структурным элементом политической системы общества и потому тесно связана с её институциональной подсистемой, у нас нет оснований анализировать русскую культуру XIII в., в рамках которой началась генерация православного Возрождения, вне контекста ценностно-целевых установок власти и того пути, что она прошла в означенный период времени. Следовательно, видя главную причину резкого упадка русской культуры в монголо-татарском

нашествии, мы как бы вычёркиваем влияние на эту социальную сферу русского епископата и князей, которые сохранили широкую автономию и не были притесняемы «царём ордынским» в вопросах культурного строительства. Такое осмысление проблемы даёт основание пересмотреть устоявшиеся стереотипы и по-новому взглянуть на их содержание, увидев в «иге» монголов не причину, а следствие духовно-нравственной перестройки Руси.

Здесь стоит начать с понимания самой культуры как двойственного явления общественной жизни, представленного в материальном и духовном выражениях, где первое создано руками человека, а второе отражает его систему ценностей и целей. Если учесть стремление исследователей вывести нашу власть за скобки происходящих событий как отражения идейных исканий и учитывать только материальное выражение культуры, отодвинув на второй план её духовное проявление, тогда результат будет таким, каким он нам подаётся со времён Н. М. Карамзина. Исследуя ту эпоху, он увидел в нашествии «монголов», которые как «огненная река промчались» [5] по Руси, единственную серьёзную причину упадка отечественной культуры. Это не позволяет нам говорить о приоритете нашей страны перед ромеями и вынуждает без всяких споров отдать им «пальму первенства» в деле православного Возрождения, хотя их положение под властью латинян, установивших с 1204 г. своё господство во всех главных культурных центрах распавшейся ромейской державы, было более тяжёлым. Не будем забывать, что начавшееся затем стремление к унии могло только препятствовать православному Возрождению.

Мысль Н. М. Карамзина была воспринята досоветскими и советскими историками и культурологами. Причём, если мнение советских учёных по этому поводу ещё как-то можно объяснить приématом классового подхода и сопутству-

ющей ему формационной парадигмой, связанной с принципом экономического детерминизма, требующих считать дальнейший взлёт русской культуры следствием начавшихся процессов централизации и постепенного освобождения от ордынского ига, то в настоящих условиях такая логика уже устарела. Между тем она продолжает пользоваться спросом и в качестве бездоказательной аксиомы составляет методологическую основу целого ряда исторических [4] и культурологических исследований [12]. Главный исходный посыл, выдвигаемый этими авторами, сводится к тому, что «дальновидные монголы хорошо понимали, что во время войны побеждает тот из противников, который располагает не только армией воинов, но и армией ремесленников» [17]. Этим, якобы, был нанесён решающий удар по русскому искусству, ибо «вторжение батыевых орд оборвало его развитие» [18].

Если дело обстоит именно так, то возникает 2 закономерных вопроса:

1. Почему в наших письменных источниках нет известий о выводе ремесленников в Орду в ходе очередных набегов?

2. Куда так быстро пропала «дальновидность» монголов?

Ведь развитие материальной культуры, наблюдающееся в ряде русских земель, сохранивших зависимость от Орды, явно указывает на рост количества специалистов, имеющих творческие контакты не только с православными Балканами, но и католическим миром, что не позволяет вычёркивать нашу страну из круга строителей православного Возрождения.

Чтобы найти ответы на эти вопросы, надо изменить вектор научного поиска и не приписывать решающую вину в том, что случилось в XIII в. с культурой Руси, одним только агрессорам.

Не будем забывать, что любой интеллеktуал, а к ним относились исихасты, лидеры которых обладали широким кругозором и блестящим для того времени образованием, отрекаясь от мира, в пер-

вую очередь рвёт свои связи с его материальной, а не духовной сферой. Это было характерно для древнегреческих киников, типа Диогена Синопского, видевших цель жизни в добродетели, а добродетель – в аскетизме. Это стало отличительной чертой духовной культуры ранних христиан. Их стремление к аскетизму особо ярко вспыхивало в кризисные периоды истории, когда эсхатологические метания духовной и светской власти до предела обостряли общее чувство вины перед Богом и порождали массовое желание искупить эту вину. Тогда задача развития материальной культуры не просто отодвигалась на задний план, с ней начинали борьбу как с проявлением языческих страстей, уводящих от спасения души. Звучал призыв «прекратить привязанность даже к безразличным вещам» и «подняться над наслаждениями»¹.

Согласимся, что переживания наших историков и культурологов по поводу пришедшей в упадок тонкой перегородчатой эмали, ювелирных технологий зерни и скани в первую очередь должны быть связаны с этой православной установкой, начавшей активно внедряться в массовое сознание со второго десятилетия XIII в., а не с «дальновидными» монголами, забравшими мастеров. Беря за основу научного анализа некий набор исследовательских парадигм, мы редко задумываемся о степени их «привязанности» к ценностно-целевым установкам изучаемой нами эпохи. Особо ярко это противоречие даёт о себе знать, когда вместо цивилизационной парадигмы, которая «отрицает такую однолинейную схему» [1], начинает применяться формационная, а политическую парадигму, требующую возлагать главную ответственность за все большие события на государственную власть, подменяет социологическая или натуралистическая парадигма. В этом случае поиск ответа может ещё больше запутать канву исследовательских приёмов и привести к

¹ Палама Григорий. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1995. С. 163.

ложным результатам, противоречащим той или иной частной истине.

Приняв за основу означенную позицию, попробуем исправить имеющуюся методологическую ошибку, используя в данном исследовании теологическую и политическую парадигмы. Первая требует пересмотра стандартного понимания исторического процесса и учёта того, что падение «Нового Рима» создавало благоприятную среду для рождения царства Антихриста. Популярное тогда толкование Ипполита Римского на Книгу пророка Даниила деградацию рода человеческого вписывало в эсхатологическую концепцию 4 периодов истории. Это время Вавилонского, Мидийско-Персидского, Греко-Македонского и Римского царств. Смена каждого из перечисленных периодов связана с качественным и количественным ростом зла, пока Римское царство не произведёт на свет Антихриста, «который и восстановит царство Иудейское»¹. В замыкающемся круге исторических событий противостоять ему должен «Новый Израиль» и «по Божественному крещению» стать «умом, взирающим на Бога»². И пока он будет стоять, Антихрист в мир не явится.

Казалось, что после падения «нового Иерусалима Константина града»³ и открывшихся в 1232 г. переговоров никейского василевса с папой об унии, эта роль должна перейти к Болгарии или Сербии. Но и они обратили свои взоры на Запад, рассчитывая на выгодных условиях подчиниться престолу святого Петра [20]. Аналогичным путём решило пойти Галицко-Волынское княжество, отличающееся наибольшим могуществом. Ведь

на его территории уже к концу XII в. насчитывалось до 150 городов [16]. В 1214 г. венгерский король в письме к папе отмечал, что «бояре и народ галицкие, нам подвластные, униженно просили дать им в цари сына нашего Коломана, обещаясь пребывать навсегда в повиновении святой Церкви Римской» [11]. Вскоре на некоторое время место русского духовенства здесь заняли католические священники. А в 1230 г. папе даже удалось учредить в Галиче латинскую архиепископию. Кстати, если мы откроем Ипатьевскую летопись, то обнаружим характерную для южнорусского летописания специфику, упорно игнорирующую «знамения» скорого конца света, в избытке отмеченные летописанием северной и северо-восточной Руси, где власть митрополита, перебравшегося во Владимир, была весьма велика. Это вовсе не означает, что на юге Руси стояла благоприятная погода. Её здесь не было, просто сознание светских и духовных лиц не видело в эксцессах природы симптомы грядущей гибели.

Прочные контакты с католическим миром, надо полагать, способствовали проникновению на эти земли антиправославных установок, идущих с Запада и содержащих идейные основы появляющегося Ренессанса с его ориентацией на будущий «телесный рай», предписывающий аскетизм и уход от мира только монахам. Данная тема была востребована в Европе благодаря сочинениям Иоахима Флорского, давшего свой комментарий на «Апокалипсис». Согласно его прогнозу человечество должно пройти через 3 периода, связанных с царствами (господством) Бога Отца, Бога Сына и Духа Святого. Последнее Царство началось при святом Бернарде, скончавшемся в 1153 г., но свои плоды оно сможет дать, начиная с 1200 г., когда придёт время «полуденного сияния и лилий», как он выражался. Распространению этого благостного состояния общества не будет предела, а его существованию не настанет конец. Носителем нового мира окажется новый

¹ Ипполит Римский. О Христе и Антихристе // Учение об Антихристе в древности и средневековье / сост. Б. Г. Деревенский. СПб., 2000. С. 213.

² Кантакузин Иоанн. Диалог с евреем Ксеном // Кантакузин Иоанн. Беседа с папским легатом. Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб. 1997. С. 109.

³ Митрополит Илларион. Слово о Законе и Благодати // Памятники литературы Древней Руси: XVII в. Кн. 3. (далее – ПЛДР). М.: Худ. литература, 1994. С. 594.

орден. С середины XIII столетия учение Иоахима получило популярность у католиков, хотя и не было целиком принято римской курией.

И хотя тяготение к западной церкви у ромеев, южных славян и в Галиче имело неустойчивый характер, православные ортодоксы не могли смотреть на них как на оплот истинной веры и «Новый Израиль». Не годились для этой роли Киев и Новгород, светские власти которых позволили на своих землях укрепиться католикам, получившим возможность с 1228 г. строить в южной и северо-западной Руси не только свои крхи, но и монастыри, прельщая православных граждан своей верой.

Единственным претендентом на право считать себя «Новым Израилем» оставался северо-восток Руси. Неслучайно сюда в 1250 г. переехал новый митрополит Кирилл II, сделав Владимир духовной столицей Руси и усилив его статус как политического центра. Но путь добровольной «богоизбранности» требовал предельного напряжения нравственных сил всего общества, формируя особое «оцерковлённое» государство, в котором не светская, а духовная власть должна определять все стороны жизни, «требуя, чтобы каждый был монахом или аскетом в сердце своём» [3]. Главными лидерами этого политического пути со стороны светской власти были Ярослав II Всеволодович и его сын Александр Невский, а со стороны духовной власти – митрополит Кирилл II и епископ ростовский Кирилл II.

В предложенной схеме рассуждений нетрудно заметить методологическую связь теологической парадигмы с политической, которая в основу любого научного анализа ставит изучение специфики власти как центральной категории политики, замыкающей на себя решающую полноту ресурсов и методов управления, что позволяет ей влиять на характер всех сторон жизни общества, включая материальную и духовную культуры. Ведь

деятельность государственной власти не может вестись вне принятых ею ценностно-целевых установок, навязываемых обществу с помощью утилитарных, идеологических, нормативных и силовых ресурсов, контактирующих с методами принуждения, убеждения и стимулирования.

Теперь остаётся понять специфику самих ценностно-целевых установок духовной власти Руси, занявшей лидирующие позиции во Владимирской земле и заставившей великого князя «митрополиты и епископы чтяше акы самого творца»¹. Её представители были проникнуты православным эсхатологическим пониманием истории. По этой причине они не могли пропустить мимо себя резко участвовавшие природные аномалии. В них видели не предвестников распускающихся лилий, вошедших в геральдику Запада, а знаки скорого конца света и грядущего Страшного Суда, который наступит вместе со вторым пришествием Христа после кратковременного царства Антихриста. Тогда будет положен конец роду человеческому, завершив круг преходящих, а не проходящих «временных лет». На это нам прямо указывает, ссылаясь на Евангелие, Серапион Владимирский: «въ последняя лета будет знаменья въ солнци, и в луне, и в звездахъ, и труси по местомъ, и глади». Тогда реченное Господомъ нашимъ ныня сбыться – при нас, при последнихъ людехъ»². Согласимся, что ощущение скорого наступления конца истории, когда всё должно рухнуть и уйти в небытие, никак не может способствовать развитию материальной культуры, связанной с появлением банков и оживлением рыночных отношений, возведением фундаментальных построек и поощрением ювелирных промыслов.

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 305.

² «Слова» Серапиона Владимирского // ПЛДР. М.: Худ. Литература, 1981. С. 440.

На первое место выходит та часть духовной культуры, которая заставляет думать только о спасении души и строго следовать евангельским заповедям. В практику общественной жизни проникает тон раскаяния, требующий массового покаяния, происходящего при помощи подвижнической жизни. Смирение и борьба с внутренними недостатками, заставляющими тяготеть к материальным прелестям жизни и уводящими от нравственного совершенства, становятся главной ценностно-целевой установкой власти, а вслед за ней и общества. Добровольно нищие по велению своего Духа, плачущие, кроткие, милостивые, чистые сердцем и миротворцы начинают восприниматься как «соль земли» и «свет мира» сего. Возрастает роль этических требований, призывающих не гневаться, мириться с соперником и любить врагов своих, не собирать сокровищ и творить добро тайно, не заботясь о том, что есть и пить, но искать, прежде всего, Царствия Небесного, объявив войну пережиткам язычества.

В этом северо-восток Руси явно опережал не только земли, находящиеся под властью Рюриковичей, но и, пожалуй, все православные страны. Владимирское княжество задавало тон ухода от мира сего, который, согласно Иоанну Богослову, нельзя любить, «ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца»¹. Недаром у нас возрос интерес к переводам сочинений Симеона Нового Богослова, жившего на рубеже X–XI вв. и ставшего апологетом движения к «мысленному» раю, заставляющему нас закрыть глаза на «мрачный свет этого мира», который «есть смерть». Так «ненавидь же весь мир сей»², призывал Симеон.

Подобная перестройка общественного сознания привела к тому, что только в XIII в. в северо-восточных землях было основано порядка 27 известных нам монастырей, что соответствует числу открытых обителей на территории остальной Руси за тот же период. Идеиное обоснование запустения городов и ухода в пустыни содержится в легенде о граде Китеже, ставшей литературным продолжением воззрений Нового Богослова. Первоначальный вариант легенды, согласно анализу Д. С. Лихачёва, был составлен во второй половине XIII в. Данное произведение, ссылаясь на Иллариона Великого, отмечает, что люди «в последнее время ... побегут в горы и в вертепы, и в пропасти земныя». Человеколюбивый Бог не оставит «хотящего спастися»³. Поэтому каждому, кто желает спастись, «подобает бежати мира и сласти его»³.

Однако не следует думать, что всё это началось под влиянием нашествия восточных кочевников. Первые шаги в сторону «нищеты христово смирения» и отказа от развития материальной культуры на Руси стали наблюдаться ещё с конца XII в. Тогда в ювелирном искусстве наметилась непривычная для развитой ремесленной промышленности стандартизация форм и некоторое упрощение изделий, выразившееся в замене чернью сложной техники перегородчатой эмали, и в сокращении изготовления золотых украшений. «Исчезли характерные наборы украшений (в т. ч. диалектные «племенные» – височные кольца), упростился княжеский и боярский убор». Если бы это касалось только опустошённых захватчиками земель, тогда вина за случившееся ложилась исключительно на них, но подобный упадок наблюдался по всей Руси, охватив даже внешне благополучную Новгородскую землю [9].

¹ Первое соборное послание святого апостола Иоанна Богослова. Гл. 2:16.

² Преподобный Симеон Новый Богослов. Прииди, Свет Истинный. Избранные гимны. СПб.: Алетейя. С. 101, 163.

³ Книга, глаголемая летописец, писана в лето 6646 сентября в 5 день // ПЛДР: XIII в. М.: Худ. лит-ра, 1981. С. 218, 220, 222.

С начала XIII в. под удар была поставлена архитектура страны, являвшаяся главным видом искусства, подчинявшим и включавшим в себя его другие виды, в первую очередь, живопись и скульптуру. Теперь не только на севере Руси, но и в других городах, отличающихся богатством и входящих в перечень наиболее развитых культурных центров, пропадает характерная для последней четверти XII столетия роскошь сооружений [15]. Традиционная в этом случае ссылка на Георгиевский собор Юрьева-Польского, выстроенный в романском стиле за 3 года до монголо-татарского нашествия и сплошь покрытый белокаменной резьбой, содержит в себе важный изъян. Зададимся вопросом: почему самый богато украшенный собор воздвигли в бедном княжестве полисного типа, а власти крупных духовно-политических центров предпочли ограничиться скромными узорами, уступающими по своей яркости не только Георгиевскому, но и Дмитровскому собору, избрав вместо объёмной резьбы плоскостной декор аркатурного пояса и сопутствующих ему элементов?

Если признать тот факт, что русская культура в первой трети XIII в. была на подъёме, тогда самые вычурные постройки должны появиться в городах с населением в десятки тысяч жителей. Между тем даже в Киеве, сохранившем широкие культурные связи с Западом и Востоком христианского мира, рухнувший при землетрясении в 1230 г. пятиглавый храм восстанавливают в виде одноглавой упрощённой постройки без всяких изысков [16]. И это при том, что тезис о запустении «матери городов русских» и её окружи в означенный период решительно опровергается данными археологии. Эта наука отмечает ещё одну интересную особенность. Интенсивный рост городов на юге и юго-востоке Руси, достигнув своего апогея в конце XII столетия, останавливается и начинает замедляться со второго десятилетия XIII в. [19], когда угроза набегов с юга перестала быть такой острой, как раньше.

Не дожидаясь монголо-татарской агрессии, вместе с архитектурой угасает скульптура. Искусствоведы обращают внимание, что именно с этого периода «все объёмно выполненные изображения стали восприниматься с долей опаски». «В них усматривали не искоренённый грех идолопоклонства. С XIII в. мы уже не встретим ни одного скульптурного портрета домового или языческого божка» [13]. Согласимся, что винить в этом язычников, вторгшихся на Русь, было бы просто ненаучно. Нельзя им ставить в вину исчезновение к концу данного столетия внецерковной молитвы по умершему как пережитка языческих похоронных обрядов, «в последний раз засвидетельствованную летописью в 1294 г.» [7].

Одновременно с исчезновением «личин на палочках», идолов и полужаических обрядов, пробудилась «тяга к простым и примитивным формам» в живописи, ушедшей от монументальности и торжественности константинопольского стиля. Этим был положен предел развитию первого этапа русской иконописи, сохранившей полную зависимость от «ромейской» школы и мало чем отличающейся от неё по стилю, отражающему «относительно объёмную ... трактовку форм» [8].

Надо полагать, те же причины, вытекающие из ужесточившихся ценностно-целевых установок власти, повлияли на изменение имён собственных у нашей политической элиты. Прежний обычай давать новорождённому князю два, а то и три имени, делившихся на «княжии» и «мирские», совершенно исчез всего за несколько десятилетий. Например, мы знаем отца Александра Невского и его мать под двумя именами как Ярослава-Фёдора и Ростиславу-Федосью, но у нас нет никакой информации о том, какие языческие имена получили их сыновья до крещения. Обычно мальчиков нарекали в честь деда. Возможно, Александр мог зваться Всеволодом до тех пор, пока его духовные наставники в лице митрополи-

та и епископа Ростовского не положили этому конец, оставив за каждым представителем светской власти только одно церковное имя.

Но самым ярким аргументом, снимающим с монголов значительную долю вины за случившийся на Руси упадок материальной культуры и позволяющим увидеть в этом начало православного Возрождения, следует считать появление у нас со второй половины XIII в. сложной техники колокольного литья. С одной стороны, такая техника указывала на усилившуюся религиозность в обществе, а с другой стороны, выявляла расширившиеся культурные контакты с Европой, быстро сделав эти изделия популярными во многих княжествах. Первое достоверное упоминание о производстве собственных колоколов относится к 1259 г., когда Даниил Галицкий часть их вместе с иконами привёз для своего храма из Киева (!), а «дрюгия тоу соль»¹. Колокола, заменившие ручные «бильца», стали доставлять даже в дальние уголки Руси, обойдённые нашествием врагов. Так, в 1290 г. вместе с иконой Одигитрии из Ростова в Великий Устюг для храма Успения тоже был привезён колокол. Введение подобной новинки при церквях потребовало строительства колоколен и звонниц, постепенно придав отечественной культовой архитектуре неповторимый национальный колорит.

И последнее. Главным проявлением развития духовной культуры всегда была литература. Мы можем наблюдать не только сохранившееся летописание с присущей ему поэтической вдохновенностью, глубиной размышления о судьбах мира и своей страны, но и появление ярких памятников древнерусской письменности, составленных в разных жанрах. Это эпистолярные сочинения, поучения, жития, слова, сказания, наставления, повести и похвалы. Продолжает расти переводная литература, знакомя отечественного читателя в первую

очередь с богословскими и юридическими документами Ромейской державы и Болгарии, давшими начало «Мерилу праведному» и «Кормчей книге», принятой в качестве главного нормативного сборника в 1274 г. на Владимирском Соборе. Объём документов, запущенных в деловой оборот со второй половины XIII в. настолько вырос, что пришлось переходить от «медленного» раннего уставного письма к позднему уставу, вскоре ставшему основой «быстрого» полуустава. Меняется и характер украшений рукописей. На смену ромейским заставкам приходит свой «чудовищный» стиль и мотив человеческой фигуры. В скобках заметим, что широкое летописание исчезает не там, где утвердились ордынцы, а там, где им на смену пришли католики.

Получается, что «дальновидные» монголы не всех перебили мастеров и не всех вывели в свои владения, не всё в завоеванных городах разрушили и сожгли, особенно, если учесть, что «христианская компонента была значительной в войсках Джучидов» [2]. Главным разрушителем материальной культуры Киевской Руси, заставившим духовную и светскую власть круто изменить свою культурную политику в сторону исихазма и вместе с ним православного Возрождения, стал «малый ледниковый период». Именно он спровоцировал резкое усиление эсхатологических ожиданий среди высшего священства и заразил ими княжеско-боярскую аристократию на севере и северо-востоке Руси, чуть ли не каждый год наблюдавшую сбывающиеся предсказания Апокалипсиса. Если во второй половине XII в. новгородская летопись зафиксировала только 4 аномальных явления природы, 2 из которых были связаны с затмением солнца, а 2 – с сильной засухой и жестоким морозом, то с 1201 по 1237 гг. отмечено уже 12 «знамений великих», которые не имели себе аналога по масштабу катастрофических последствий.

Помимо лютых морозов, землетрясений, страшных половодий, явления пяти

¹ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1998. Стб. 844.

солнц, летящих по небу змей и массового падежа скота, новые «казни» привели к жуткому голоду, заставив людей разойтись «в чужии граде и стране», «а останокъ почаша изъмирати». Новгородский источник говорит о смерти «на Прусской улици» более 3 000 человек¹. Смоленский летописец исчисляет количество умерших земляков с 1230 по 1231 гг. от голода и болезней в 52 тысячи². И лежали «неубране мертвицы по улицамъ ... якоже бо не можаху погребати их». И «беаше туга и печаль, ... и нужда велика». «Се же горе бысть не в нашей одной области, нь во всей Руской земли». Только «кыевского града богъ съблюде». И тогда «отъялъ господь от нас силу и храбрость, а недоумение и грозу и страхъ и трепеть вложи»³.

Таким образом, с одной стороны, легко понять соотношение сил, почему «един бьяшеся с тысящеи, а два со тмою»⁴. А с другой стороны, придя на Русь, монголо-татары столкнулись с начавшимся запустением и огромной массой людей, находящихся в состоянии сильного психологического надлома. Народ ждал прихода «ис пустыня Етривьския, сущи межи востоком и севером»⁵, «безбожных Моавитян» в качестве последней «казни» «цесаря небесного»⁶, которой надо покориться. Тут, как говорится, не до развития материальной культуры с её роскошью и блеском.

Из всего случившего священство сделало общий вывод: согрешившую землю «казнить богъ смерью или гладомъ или наведениемъ поганных или ведром или дождёмъ сильным или казнми иными». Если

же покается «всем сердцемъ вашимъ, постомъ и плачемъ,.. всехъ грехъ прощенье будемъ»⁷. Единственно верным направлением здесь виделось только возвращение к суровым истокам христианства, изложенным в учении раннего исихазма, процветавшего на востоке средиземноморья до нашествия арабов.

Заключение

Рассмотренные в статье вопросы привели к следующим выводам. Во-первых, можно утверждать, что изменения, случившиеся в разных областях русской культуры, начиная со второго десятилетия XIII в., стали отражением перестройки ценностно-целевых установок духовной и светской власти на северо-востоке, а затем и в других землях Руси. Их главная цель сводилась к усилению роли церкви, без решающего участия которой нельзя было вымолить прощение у Бога и спасти грешные души «последних людей» накануне «Страшного Суда». Катализатором этих изменений стал «малый ледниковый период», начало которого на востоке Европы выпало на последнюю четверть XII в., тогда как на западе он дал о себе знать только 100 лет спустя и не отличался избыточной суровостью климата и многообразием аномальных явлений. На юге Европы он носил ещё более мягкий характер, не приводя общество в состояние массового эсхатологического волнения.

Между тем на Руси оно приобрело подлинно революционный характер, реализуемый в двух главных направлениях. Одно из них было направлено на подавление остатков язычества и культуры «латинян», проникшей на её территорию и давно искавшей истинную суть христианства в пользу мирских слабостей человека. Другое направление требовало возвращения к истокам веры и базовым принципам поведения, что содержались помимо евангельских текстов в поучениях отцов церкви и положениях Вселен-

¹ Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. Т. XLIII. М., 2004. С. 88.

² Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки // ПСРЛ. Т. XVI. М., 2000. Стб. 50.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 277. 279, 286.

⁴ Повесть о разорении Рязани Батыем // ПЛДР: XIII в. С. 188.

⁵ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 503.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов... С. 282.

⁷ Там же. С. 289.

ских Соборов. Их наиболее радикальное аскетическое направление получило название «исихазм» (молчальничество). Видя в спасении души главную функцию власти, он стремился к «оцерковлению» государства и подчинению светской элиты общества иерархам церкви, не принимая развитие наук, ремёсел и торговли как полезной для души деятельности. Признавался только каждодневный труд на благо общества, уводящий от греховных соблазнов и не преследующий материальной выгоды. При этом приветствовался уход от мира, лежащего во зле, в «пустыни», что резко подтолкнуло колонизацию русскими людьми северных и восточных областей Европы и постепенному включению их в сферу религиозного и политического влияния Руси, открыв ей путь в Сибирь.

Во-вторых, утвердившееся среди византистов мнение о том, что исихазм как общественно-политическое движение сложился к концу XIII в. среди монастырской братии на Афоне и на первом этапе носил «келейный характер», тре-

бует серьёзного уточнения. Если учесть, что русские иноки там составляли значительную долю насельников, и связь их с родиной никогда не прерывалась, можно предположить, что именно они стали главными проводниками православного Возрождения среди ромеев, усилив почти заглохший там исихазм. На это обстоятельство указывают и даты начала второго и третьего этапов эволюции исихазма на Балканах. Если там только в 20-е гг. XIV в. был сделан переход в более активную фазу идеологической борьбы, завершившейся в 40-е гг. того же столетия открытым вооружённым столкновением с «западниками», сумевшими через 30 лет добиться победы, то у нас начало означенных событий зафиксировано в источниках уже с середины XIII в. Следовательно, именно из Руси, ставшей в ту пору воспринимать себя в качестве «Нового Израиля» и спасителя веры, а не из «ромеев» ведёт своё начало православное Возрождение.

Дата поступления в редакцию 16.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Асонов Н. В. Парадигмальная составляющая исторической науки // *Власть*. 2022. № 4. С. 25–28.
2. Багдасарян В. Э., Сильвестр (Лукашенко), архимандрит. Стратегия Александра Невского и цивилизационные трансформации XIII века. М.: Отчий дом, 2022. 272 с.
3. Жизнь и житие Сергия Радонежского: сб. / сост. В. В. Колесова. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.
4. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм; Эксмо, 2009. 577 с.
5. Карамзин Н. М. История государства российского. Т. 4. М.: Наука, 1991. 480 с.
6. Климков О. Опыт безмолвия. Человек в мирозерцании византийских исихастов. СПб.: Алетейя, 2001. 285 с.
7. Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // *Из истории русской культуры*. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 84–104.
8. Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. М.: Искусство, 1994. 540 с.
9. Лесман Ю. М. Монгольское завоевание в зеркале ювелирных украшений Новгородской земли // *Славяне и их соседи. Тезисы 17-й конференции. Славяне и кочевой мир* / сост. Г. Г. Литаврин. М., 1998. С. 78–81.
10. Лихачёв Д. С. Предвозрождение на Руси в конце XIV – первой половине XV века // *Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы* / под ред. Н. И. Балашов и др. М.: Наука, 1967. С. 136–182.
11. Митрополит Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. Кн. 2. История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриарха (988–1240). М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского м-ря, 1995. 704 с.

12. Петрухин В. Я. Заключение. «Погибель русской земли» и идея возрождения Руси // Из истории русской культуры. Т. 1. Древняя Русь / сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М.: Языки русской культуры, 2000. 760 с.
13. Померанцев Н. П., Масленицын С. И. Русская деревянная скульптура. М.: Советский художник, 1994. 135 с.
14. Прохоров Г. М. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV веке. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 23 / под ред. Д. С. Лихачёва. Л., 1968. С. 86–108.
15. Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л.: Наука, 1986. 153 с.
16. Русское градостроительное искусство. Древнерусское градостроительство / под ред. Н. Ф. Гудляницкого. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.
17. Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 803 с.
18. Сарабьянов Д. В. История русского и советского искусства: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1979. 383 с.
19. Толочко П. П. Киев и Киевская земля в XII–XIII столетиях. Киев: Наукова думка, 1980. 223 с.
20. Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2007. 861 с.
21. Meyendorff J. Introduction a l'ŷtude de Grġgory Palamas. Paris: Editions du Seuil, 1959. 431 p.

REFERENCES

1. Asonov N. V. [Paradigm as a Component of History as a Science]. In: *Vlast* [Power], 2022, no. 4, pp. 25–28.
2. Baghdasaryan V. E., Sylvester (Lukashenko), Archimandrite. *Strategija Aleksandra Nevskogo I civilizatsionnyie transformacii trinadcatogo veka* [Strategy of the Alexander Nevsky and the Civilizational transformations of the XIII century]. Moscow, Otchei Dom Publ., 2022. 272 p.
3. Kolesova V. V., ed. *Zhizn i zhitiye Sergiya Radonezhskogo* [Life of St. Sergius of Radonezh]. Moscow, Sovetskaya Russia Publ., 1991. 368 p.
4. Kagarlitsky B. Y. *Perefereinaya imperia: ciclyu russkoi istorii* [Peripheral Empire: The Cycles of Russian History]. Moscow, Algorithm Publ., Eksmo Publ., 2009. 577 p.
5. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva rosseiskogo v dvenadcati tomah tom chetvertuji. T. 4* [The History of the Russian state. Vol. 4]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 480 p.
6. Klimkov O. *Opuġt besmolviyja. Chelovek v mirosozercanyii vizantiyskih isikhastov* [The Experience of Silence and the Man in the Worldview of Byzantine Hesychasmism]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2001. 285 p.
7. Komarov V. L. [The cult of the Clan and the Land in Ancient Rus' of the Eleventh and Thirteenth centuries]. In: Litvina A. F., Uspensky F. B., eds. *Iz istorii russkoy kul'tury. T. II. Kniga 1. Kiyevskaya i Moskovskaya Rus* [From the History of Russian culture. Vol. 2. Book 1. The Kievan and the Moscovite Rus]. Moscow, Yaziki slovyanskoi kulturi Publ., 2002, pp. 84–104.
8. Lazarev V. N. *Russkaya iconopish ot istokov do nachala shestnadcatogo veka* [Russian iconography from the origins to the beginning of the Sixteenth Century]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 540 p.
9. Lesman Y. M. [The Mongol Conquest in the Mirror of Jewelry of the Novgorod Republic]. In: Litavrin G. G., ed. *Slavyane i ikh sosedi. Tezisy 17-y konferentsii. Slavyane i kochevoy mir* [Slavic peoples and their neighbors. 17th theses of the Conference. Slavic peoples and the Nomad World]. Moscow, 1998, pp. 78–81.
10. Likhachev D. S. [Early Modernity in Russia at the end of Fourteenth Century and the first half of the Fifteenth Century]. In: Balashov N. I. et al., eds. *Literatura epokhi Vozrozhdeniya i problemy vsemirnoy literatury* [Literature of the Renaissance Era and the questions of the World Literature]. Moscow, Nauka Publ., 1967, pp. 136–182.
11. Metropolitan Makarii (Bulgakov). *Istoriya Russkoi cerkvi. Kn. 2. Istoriya Russkoi cerkvi v period jeyue sovershennoi zavisimosti ot konstantinopolskogo patriarckha devjatsot vosemdesjat vosemogo – tisachya dvesti sorokovogo goda* [The History of the Russian Church. Vol. 2. The History of the Russian Orthodox Church during the period of complete dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240)]. Moscow, Izd-vo «Preobrazhensky Valaam monastir» Publ., 1995. 704 p.
12. Petrukhin V. Y. Zakluchenije. [The Conclusion: “The Perdition of the Russian Land” and the idea Revival in Russia]. In: Litvina A. F., Uspensky F. B., eds. *Iz istorii russkoy kul'tury. T. 1. Drevnyaya Rus*

- [From the history of Russian culture. Vol. 1. Ancient Rus]. Moscow, Yaziki russkoi kulturi Publ., 2000. 760 p.
13. Pomerantsev N. P., Maslenitsyn S. I. *Rossiskaya derevjannaya skulptura* [Russian wooden sculpture]. Moscow, Sovetskiy khuzhzhnik Publ., 1994. 135 p.
 14. Prokhorov G. M. [Hesychasm and public thought in the Eastern Europe in the Fourteenth Century]. In: Likhachev D. S., ed. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 23* [Proceedings of the department of ancient Russian literature. Vol. 23.]. Leningrad, 1968, pp. 86–108.
 15. Rappoport P. A. *Zodchestvo Drevnyei Rusi* [The architecture of Ancient Russia]. Leningrad, Nauka Publ., 1986. 153 p.
 16. Gulyanitsky N. F. *Russkoye gradostroitelnoye iskusstvo. Drevnerusskoye gradostroitelstvo* [Russian urban planning art. Old Russian urban planning]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1993. 392 p.
 17. Rybakov B. A. *Remeslo drevnei Rusi* [The Crafts of the Ancient Rus]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1948. 803 p.
 18. Sarabyanov D. V. *Istoriya Russkogo i Sovetskogo Iskusstva* [The History of the Russian and Soviet Art]. Moscow, Vishaya Skola Publ., 1979, 383 p.
 19. Tolochko P. P. *Kiev i Kievskaya Zemlya v XII–XIII stoletiyah* [Kiev and Kiev land in the 12th–13th Centuries]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1980, 223 p.
 20. Florya B. N. *Issledovaniya po istorii Cerkvi. Drevnerusskoye i slavyanskoye srednevekovye* [The Research of the history of the Church. Old Russian and Slavic Middle Ages]. Moscow, Cerkovno-Naychnyui Centr «Pravoslavnaia Enciklopediya» Publ., 2007, 861 p.
 21. Meyendorff J. *Introduction a l'étude de Grégory Palamas*. Paris, Editions du Seuil, 1959. 431 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Асонов Николай Васильевич – доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai V. Asonov – Dr. Sci. (Political Sciences), Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Political Science of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University;
e-mail: nbassonov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Асонов Н. В. К вопросу о генезисе православного возрождения в XIII веке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 22–34.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-22-34

FOR CITATION

Asonov N. V. The question of the genesis of the orthodox Christian renaissance in the 13th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 22–34.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-22-34

УДК 433

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-35-41

РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В СЕРЕДИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ДЕРПТСКОГО ИМПЕРАТОРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Искалиев А. К.

*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ и выявление факторов и условий, созданных в пореформенный период в Дерптском университете для развития научной деятельности.

Процедура и методы. В статье рассмотрены нормативно-правовые акты, которые оказывали влияние на становление и развитие студенческих самостоятельных организаций. Основное содержание исследования составляет анализ деятельности научных студенческих обществ, возникших в середине XIX – начале XX вв. в Дерптском Императорском университете, а также условий, которые являлись факторами для развития научной деятельности студентов. При проведении исследования применены методы: хронологический, проблемно-аналитический и сравнительно-исторический.

Результаты. Установлено, что в период проведения реформирования системы государственного и социально-экономического устройства в середине XIX в. в университете были созданы благоприятные условия для становления научного потенциала студентов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлено проблематика по развитию студенческих корпораций в истории высшего образования в России.

Ключевые слова: российское студенчество, Дерптский университет, корпоративный дух, научные кружки, историко-филологический кружок

DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITIES OF STUDENTS IN THE MID 19TH – EARLY 20TH CENTURIES (USING THE EXAMPLE OF IMPERIAL UNIVERSITY OF DORPAT)

A. Iskaliev

*Moscow State Regional Pedagogical University
ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze and reveal the factors and conditions created in the post-reform period at the Imperial University of Dorpat for the development of scientific activity.

Methodology. The article examines the normative legal acts that influenced the formation and development of student independent organizations. The main content of the study is the analysis of the activities of scientific student societies that appeared in the middle of 19th – beginning of the 20th centuries at the Imperial University of Dorpat, as well as the conditions that were factors for the development of scientific activity of students. During the research, special historical methods

were used, namely the chronological method, the problem-analytical method and the comparative historical method.

Results. As a result of the study of the development of scientific societies at the Imperial University of Dorpat, it was discovered that during the reform of the system of state and socio-economic structure in the middle of the 19th century, favorable conditions were created at the Imperial University of Dorpat for the formation of students' scientific potential.

Research implications. The author updated the problems of the development of student corporations in the history of higher education in Russia.

Keywords: Russian students, Imperial University of Dorpat, corporate spirit, scientific circles, historical and philological circle

Введение

Одной из задач университетов является развитие научных знаний и просвещение учащихся. Знаменитый исследователь истории московского студенчества В. И. Орлов писал, что университет отличается от других учебных заведений именно всецелостностью и глубиной изучаемых наук, а также повышением эрудированности в различных областях человеческого знания [8, с. 41]. В Российской империи эта задача особенно стала актуальной в пореформенный период, т. к. её осуществление стало напрямую зависеть от реформ в образовании, намеченных правительством императора Александра II. Интерес к Дерптскому университету обусловлен существовавшими здесь корпоративными традициями студенчества.

Особенности развития научной деятельности студентов в России в XIX в.

Основополагающие исследования в области студенческой корпорации сделал А. Е. Иванов. Его работы «Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX вв.: опыт культурной и политической самоорганизации» [3, с. 215] и «Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века» [4, с. 340] были посвящены различным сторонам студенческой жизни, в т. ч. и студенческим корпорациям, землячествам, научным и культурным организациям.

В середине XIX в. университеты заняли место цитадели развития научных

знаний. Научные съезды в университетах стали по настоящему главным фактором развития науки. К примеру, «Первый все-русский съезд естествоиспытателей и медиков» состоялся в 1867 г. в Санкт-Петербургском университете. В конце XIX в. происходит структуризация естественнонаучного знания в университетах Российской империи [1]. Это приводит к тому, что в университетах создаются институты физики: в Санкт-Петербурге – в 1901 г., в Москве – в 1903 г.

В Дерптском Императорском университете научная деятельность студентов рассматривалась как важная часть образования студентов. В университете допускались легальные студенческие литературные сообщества, разнообразные формы самоорганизации [5].

Создание научных сообществ при императорских университетах в XIX в. можно рассматривать как попытку развития гражданского общества, которое зарождалось в рамках политики контроля за сферой высшего образования. Научные сообщества часто были оторваны от правительственных структур и финансировались за счёт самих участников сообществ. Популяризация науки и обсуждение актуальных проблем страны на страницах научных журналов и собраниях обществ, которые были открыты для студентов и заинтересованных людей, позволяло обеспечить коммуникацию между активными гражданами и представителями науки [8, с. 143–147].

Развитие просветительской деятельности в Дерптском университете

Одним из примеров развития научно-просветительской деятельности являлся учреждённый в 1802 г. Александром I в г. Тарту Дерптский Императорский университет (1893–1918 гг. – Юрьевский, с 1919 г. – Тартуский) [12].

К середине XIX в. Дерптский университет стал одним из центров российской и европейской науки. От других университетов Российской империи он отличался давними традициями. Студенты обладали большой академической свободой, что позволяло им чувствовать себя свободными в научной и просветительской деятельности. В 1803 г. был принят устав Дерптского университета¹, в котором обозначилась довольно широкая автономия. В ст. 4 Устава говорилось, что университет занимается внутренними делами без внешнего вмешательства: «...университет имеет право сам располагать касающийся до внутреннего его устройства нужные перемены...». Университет обладал собственной цензурой над печатью внутри университета, а также собственным судом и администрацией, которая контролировала деятельность профессорского состава (ст.ст. 6–7 Устава).

Среди профессоров, которые своими научными открытиями прославили Дерптский университет, можно выделить И. А. Бодуэн де Куртэне, В. Я. Струве, Ф. В. Оствальда и т. д. Иван Александрович Бодуэн де Куртэне – знаменитый лингвист, который впервые предложил изучать языки не только по письменным источникам, но и по диалектам и так называемым живым языкам. Василий Яковлевич Струве был знаменитым основоположником звёздной астрономии. Вильгельм Фридрих Оствальд (физик-

химик) в 1909 г. получил Нобелевскую премию по химии.

Согласно Уставу Дерптский университет имел свой «Университетский совет», состоявший из ординарных профессоров. Совет избирал ректора, занимался управлением делами факультетов, вопросами цензуры, судебными делами внутри университета, избирал учителей и чиновников, а также принимал решения об их увольнении. Университетский совет также рассматривал отчисление студентов, которые совершили противоправные действия². Важной особенностью Дерптского университета было преподавание на немецком языке, на русский язык университет стал переходить только в конце XIX в.³

Для развития научных сообществ, духовного и физического развития студентов в университете были созданы все условия. Функционировала библиотека, во главе которого стоял библиотекарь-директор, избиравшийся из числа профессоров. Согласно правилам от 14 января 1838 г. студенты могли посещать библиотеку 2 дня в неделю с 14:00 до 16:00, при этом в вакационное время библиотека была открыта каждый день. 12 сентября 1863 г. были приняты новые правила, согласно которым время для пользования библиотекой для студентов и профессоров стало одинаковым. Библиотека получала пожертвования от организаций и именитых людей, поэтому располагала богатой коллекцией исторической и художественной литературы. В 1833 г. флигель-адъютант Александров подарил библиотеке 1660 ценных собраний по историческим и юридическим наукам XVII–XVIII вв. В 1852 г. вдова бывшего ректора университета К. С. Моргенштерна отдала в пользование библиотеке огромную коллекцию книг мужа. Это

¹ Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1. Царствование императора Александра I. СПб.: Тип. им. Академии наук, 1864. С. 125–135.

² Там же.

³ Манифест «Об учреждении Министерств» [Электронный ресурс]. URL: <https://doc.histrf.ru/19/manifest-ob-uchrezhdenii-ministerstv/> (дата обращения: 09.11.21).

было выполнено по условиям завещания от 9 июня 1851 г. Данная коллекция книг включала в себя около 7000 экземпляров по филологии, эстетике, археологии, истории, статистике, педагогике, географии и богословию.

Для занятий фехтованием и верховой ездой существовал манеж, для занятий плаванием – купальня, для музицирования – специальный кружок, где преподавание музыкой велось университетскими учителями музыки.

С середины XIX в. в университете стала активно развиваться научная деятельность студентов. Этому способствовали наличие преподавателей, способных привлечь студентов к научной деятельности, общее развитие в общественной жизни, культуре и образовании. Одним из способов поощрения за научную деятельность являлись материальные выплаты. Так, по Уставу 1820 г., наиболее отличившиеся научные сочинения студентов было положено поощрять золотыми медалями стоимостью 200 руб.¹ Вполне возможно, что данные медали студенты могли обменивать на настоящие деньги. 18 сентября 1861 г. была учреждена медаль в память 50-летия службы попечителя Дерптского учебного округа сенатора фон-Брадке, стоимость которой составляла 18 червонных. В период 1820–1864 гг. в университете было присуждено 194 медали, при этом на историко-филологическом отделении – 34.

В студенческой среде активно были развиты научные кружки, которые открывались под руководством преподавателей. Например, кружок студентов-юристов, существовавший в 1837–1853 гг. Это общество периодически публиковало свои работы, обладало собственной библиотекой, которая была открыта на средства самих студентов. В конце 1830-х гг. в Дерптском университете возникают специальные кружки, которые организовывали профессора юридического, фи-

лософского, медицинского факультетов, например, «Учёное эстонское общество в Дерпте» и «Дерптское общество естествоиспытателей», целью которых было научное изучение края, истории, культуры и т. д. [9, с. 525–555].

8 марта 1857 г. при Дерптском университете была основана организация «Академическая Мусса», целями которой были «...общественная беседа, чтение повременных изданий, лекции об избранных наук и искусств»². Участники «Академической Муссы» подвергались баллотировке при вступлении в число членов общества, а также обязаны были делать взносы в размере 3 руб. в семестр.

В 1905 г. под руководством профессора Н. К. Грунского был открыт Педагогический кружок, в котором заседали студенты историко-филологического факультета Дерптского университета. Целью общества являлись научные исследования педагогических методов воспитания, проведение научных диспутов и заслушивание докладов³.

Под руководством профессоров университета студенты участвовали и в научных экспедициях. В 1829 г. профессор Ф. Паррот в сопровождении 4 студентов совершил подъём на Арарат, а в 1849 г. под руководством профессора Озенбрюггена вышел сборник статей студентов юридического факультета «Dorpaten juristische Studien».

Корпоративный дух студенчества Дерптского университета оказывал позитивное влияние на развитие научных знаний. На каждом факультете существовали студенческие кружки, которые занимались научными исследованиями. Примером такого научного сообщества

¹ Устав Императорского Дерптского университета. Дерпт. 1820. С. 82

² Правила для учрежденной при Дерптском университете Академической Муссы (Academische Musse) [Электронный ресурс]. URL: <http://russianuniversityhistory.tsu.ru/uhistory/library/30> (дата обращения: 27.01.23).

³ Грунский Н. К. Об основах педагогической деятельности. Речь об открытии студенческого Педагогического кружка при Императорском Юрьевском университете. Юрьев. 1905. С. 18–25

был кружок студентов историко-филологического отделения, созданный в 1889 г. по инициативе студентов Н. Буша, А. фон Гернета и П. Рорбаха. В рамках работы данного кружка печатались литературные рефераты о новых исторических сочинениях, проводились публичные чтения исторических источников, организация докладов и публичных диспутов, на которых обсуждались актуальные исторические темы. Во главе этого кружка стояла научная комиссия, которая проводила анализ научных работ общества. Историко-филологический кружок выпускал работы, которые не были открыты для широкой публики. О научных изысканиях кружка может свидетельствовать темы исследований студентов: «Развитие папства», «Норманнский вопрос», «Литература балтийской истории за последние 25 лет», «Генрих Латыш и чтение избранных мест из его хроники», «Архив князя Воронцова» и т. д. Другими словами, исследования кружка охватывали широкий пласт исторических сочинений разной по своей направленности тематик [10].

Таким образом, корпоративный дух дерптского студенчества, а также условия, которые были созданы в университете, способствовали развитию научной деятельности студентов. Была выработана модель взаимодействия различных механизмов, которые способствовали развитию научного потенциала: создание библиотек, читальни, музеев, а также легализация научных обществ студентов.

Заключение

С начала правления Александра II, со второй половины XIX в., в университетах развивалась академическая свобода, которая выражалась в создании условий для саморазвития студентов. Преподаватели и профессора университетов поощряли научные изыскания своих студентов. Как писал в своих мемуарах профессор Е. Деген, «...отношение немецких про-

фессоров¹ к своим слушателям носил тот особенный характер взаимного свободного уважения и симпатии, который так привлекает иностранцев в германские университеты...» [2].

В Дерптском университете в период второй половины XIX в. – начала XX в. была распространена кружковая деятельность студентов. В пореформенный период в университетах были созданы условия для развития научной деятельности студентов. К ним относятся демократические и либеральные преобразования в университетах, смягчение жёсткого контроля над студентами, развитие подконтрольных министерству научных обществ, которые открывались под руководством преподавателей [6–7; 11].

В Дерптском университете факторами к развитию научной деятельности студенческих объединений служили давние корпоративные традиции внутри университета, а также отсутствие строгого контроля над деятельностью студентов. Стоит отметить, что во второй половине XIX в. безуспешными были попытки правительства поставить под запрет научные и культурные объединения студентов в университетах, т. к. корпоративный характер жизни был традиционной чертой местного студенчества. При этом историко-филологический кружок и аналогичные ему объединения студентов играли важную роль в развитии и популяризации научной и учебной деятельности среди молодых людей.

Подводя итог научной студенческой деятельности, которую мы проследили на примере функционирования Дерптского университета, можно констатировать постоянное «движение» научной жизни студентов, которое наиболее активную фазу получает при изменении государственного регулирования, когда руководители министерства способствуют раз-

¹ Прим. автора: В своих воспоминаниях профессор Е. Деген писал только о своих немецких коллегах, которые вели свою научную и преподавательскую деятельность в Дерптском университете.

витию научного потенциала студентов. С начала правления Александра II (1855–1881 гг.) государство было заинтересовано в развитии научных знаний, т. к. для закрепления успехов в промышленности и государственных учреждениях нужны были образованные кадры. На примере

Дерптского университета, в частности, в функционировании историко-филологического кружка, модель развития студенческого научного потенциала имеет интересный фактографический срез.

Дата поступления в редакцию 05.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзюв А. Р. Высшая школа как социальный институт общественного воспроизводства // Научная электронная библиотека. URL: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=5116> (дата обращения: 12.04.2021).
2. Деген Е. Воспоминания дерптского студента. (Из недавнего прошлого) // Мир Божий. 1902. № 3. С. 87–98.
3. Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М.: РОССПЭН, 1999. 414 с.
4. Иванов А. Е. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века: очерки. М.: Новый хронограф, 2010. 331 с.
5. Казакова К. С., Жуковская Т. Н. Университетские связи Петербурга и Дерпта в первой половине XIX в. и проблема единства академического пространства российской империи // Запад-Восток. 2018. № 11. С. 83–99.
6. Некоторые особенности устройства Юрьевского (бывшего Дерптского) университета. (К вопросу об университетской реформе). Рига, 1904. 140 с.
7. Петухов Е. В. Императорский Юрьевский Бывший Дерптский университет. За сто лет его существования (1802–1902). Т. 1. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1902. С. 525–555.
8. Попович Е. О. Научные сообщества в социальной структуре поздней Российской империи // Казанский Вестник молодых учёных. 2021. № 5 (2). С. 143–147.
9. Рудаков В. Студенческие научные общества. Исторический очерк. // Исторический Вестник. 1899. № 12. С. 1143–1156.
10. Томсинов В. А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 г. М.: Зерцало, 2012. С. 30–31.
11. Чурилов Л. П., Коровин А. Е. Дерптский (Юрьевский, Тартуский) университет в истории отечественной науки: международная сокровищница знаний // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 855–889.
12. Шестакова Е. В. Воспоминания вольнослушательницы // Тартуский государственный университет. 1978. № 18. С. 44–65.

REFERENCES

1. Dziov A. R. [Higher education as a social institution of social reproduction]. In: *Nauchnaya elektronnyaya biblioteka* [Scientific electronic library]. Abstract at: <https://monographies.ru/ru/book/section?id=5116> (accessed: 04.12.2021).
2. Degen E. [Memoirs of a Dorpat student. (From the recent past)]. In: *Mir Bozhiy* [World of God], 1902, no. 3, pp. 87–98.
3. Ivanov A. E. *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka. Sotsialno-istoricheskaya sudba* [Students in Russia in the late 19th – early 20th century. Socio-historical destiny]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1999. 414 p.
4. Ivanov A. E. *Mir rossiyskogo studenchestva. Konets XIX – nachalo XX veka: ocherki* [The world of Russian students. The end of the 19th – the beginning of the 20th century: essays]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2010. 331 p.
5. Kazakova K. S., Zhukovskaya T. N. [University links of St. Petersburg and Dorpat in the first half of the 19th century and the problem of the unity of the academic space of the Russian Empire]. In: *Zapad-Vostok* [West-East], 2018, no. 11, pp. 83–99.

6. Krasovsky P. *Yuryev i Yuryevskiy universitet. Ocherki, zametki i vospominaniya yuryevskogo studenta* [Yuryev and Yuryev University. Essays, notes and memoirs of a student from Yuryev]. Riga, Tip. V. P. Matveeva Publ., 1904. 230 p.
7. Petukhov E. V. *Imperatorskiy Yuryevskiy Byvshiy Derptskiy universitet. Za sto let yego sushchestvovaniya (1802–1902). T. 1* [Imperial Yuryevsky Former Dorpat University. During a hundred years of its existence (1802–1902). Vol. 1]. Yuryev, Yip. K. Mattisen Publ., 1902. P. 525–555.
8. Popovich E. O. [Scientific communities in the social structure of the late Russian Empire]. In: *Kazanskiy Vestnik molodykh uchonykh* [Kazan Bulletin of Young Scientists], 2021, no. 5 (2) pp. 143–147.
9. Rudakov V. [Student scientific societies. Historical essay]. In: *Istoricheskiy Vestnik* [Historical Bulletin], 1899, no. 12, pp. 1143–1156.
10. Tomsinov V. A. *Podgotovka i provedeniye universitetskoy reformy 1863 g.* [Preparation and implementation of the university reform of 1863]. Moscow, Zertsalo Publ., 2012. P. 30–31.
11. Churilov L. P., Korovin A. E. [Dorpat (Yuryevsky, Tartu) University in the history of domestic science: an international treasure trove of knowledge]. In: *Zdorovye – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniya* [Health is the basis of human potential: problems and ways to solve them], 2016, no. 1, pp. 855–889.
12. Shestakova E. V. [Memoirs of a volunteer]. In: *Tartusskiy gosudarstvennyy universitet* [Tartu State University], 1978, no. 18, pp. 44–65.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Искалиев Арман Канатпаевич – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного педагогического университета
e-mail: armaniskaliev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arman K. Iskaliev – Postgraduate Student, Department of Russian History of the Middle Ages and Modern Times, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: armaniskaliev@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Искалиев А. К. Развитие научной деятельности студентов в середине XIX – начале XX вв. (на примере Дерптского императорского университета) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 35–41.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-35-41

FOR CITATION

Iskaliev A. K. Development of scientific activities of students in the mid 19th – early 20th centuries (using the example of Imperial University of Dorpat). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 35–41.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-35-41

УДК 342.25:324

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-42-54

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА С. СУЛЬКЕВИЧА И ВЫБОРЫ В ГОРОДСКИЕ ДУМЫ КРЫМА (ЛЕТО–ОСЕНЬ 1918 Г.)

Чемакин А. А.*Санкт-Петербургский государственный университет**199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть политику Крымского краевого правительства С. Сулькевича по отношению к органам местного самоуправления, а также принятый им новый избирательный закон и результаты выборов в городские думы Крыма в 1918 г.

Процедура и методы. Опираясь на материалы прессы, сделана попытка исследовать конфликт между правительством и городскими самоуправлениями Крыма. Подробно изучено новое избирательное законодательство, которое должно было поспособствовать избранию дум, лояльных Сулькевичу. В работе использованы проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы.

Результаты. Сделан вывод о том, что новая курриальная система выборов помогла ослабить влияние социалистов в городских думах, но при этом обострила конфликт правительства практически со всеми политическими силами Крыма и сыграла важную роль в его падении.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут использоваться как историками при изучении Гражданской войны, так и политологами при исследовании электоральной инженерии и её влияния на ход политических процессов.

Ключевые слова: городские думы, выборы, Гражданская война, Крым, С. Сулькевич, электоральная инженерия

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда № 21-78-00015 «Электоральные процессы в условиях Гражданской войны: на примере антибольшевистских государственных образований европейской части России (1918–1920 гг.)».

MUNICIPAL POLICY OF THE CABINET OF S. SULKEVICH AND ELECTIONS TO THE CRIMEAN CITY DUMAS (SUMMER – AUTUMN 1918)

A. Chemakin*St. Petersburg State University**Universitetskaya naberezhnaya 7/9, Saint Petersburg 199034, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the policy of the Crimean Regional Government of S. Sulkevich in relation to the local self-governance bodies, the new electoral law adopted by him and the results of the elections to the city dumas of Crimea in 1918.

Methodology. Based on the materials of the press, the author makes an attempt to investigate the conflict between the government and the city municipalities of the Crimea. The new electoral legislation, which was supposed to contribute to the election of dumas loyal to Sulkevich, was studied in detail. The problem-chronological and comparative-historical methods were used in the work.

Results. The author concluded that the new curial system of elections helped to weaken the influence of socialists in the city dumas, but at the same time exacerbated the conflict of the government with almost all political forces of the Crimea and played an important role in its downfall.

Research implications. The research materials can be used both by historians in the study of the Civil War and by political scientists in the study of electoral engineering and its influence on the course of political processes.

Keywords: city dumas, elections, Civil War, Crimea, S. Sulkevich, electoral engineering

Acknowledgments. The study was funded by the Russian Science Foundation, project № 21-78-00015 «Electoral processes during the Civil War by the example of anti-Bolshevik quasi-states in European Russia (1918–1920)».

Введение

Недолгое – с июня по ноябрь 1918 г. – правление в Крыму немецкого ставленника генерал-лейтенанта Сулеймана Сулькевича осталось в памяти современников и потомков как время своеобразной реставрации, попытки «отменить» результаты революции 1917 г. Одним из самых известных мероприятий Сулькевича стал роспуск «демократических» городских дум образца 1917 г., созыв «цензовых» дум, избранных ещё при монархии и действовавших до революции, и разработка избирательного закона, предполагавшего проведение новых выборов по куриальной системе. Планы по воссозданию «цензовых» и «куриальных» дум существовали и в других государственных образованиях, возникших на развалинах Российской империи (в частности, в Украинской державе гетмана П. П. Скоропадского), но лишь в Крыму все эти начинания удалось хоть в какой-то мере реализовать. Таким образом, муниципальная политика правительства Сулькевича представляет несомненный интерес как единственная попытка реставрации одного из важных институтов монархической России в новых революционных условиях.

В работах как советских авторов [1], так и в современных исследованиях [2] имеются упоминания о роспуске «демократических» дум и введении нового избирательного законодательства, но о том, что выборы по новым правилам всё же состоялись, говорится лишь в монографии братьев А. Г. и В. Г. Зарубиных [4] и

статье В. В. Ракова [8], да и то вскользь. Хотя выборы в «куриальные» думы при Сулькевиче прошли в Севастополе, Карасубазаре и Алуште, никаких подробностей о них нет ни в одном известном нам исследовании. В недавно вышедшей трёхтомной истории Севастополя выборы 1918 г. никак не освещены [5]. Впрочем, и «революционный» городской голова Севастополя эсер С. А. Никонов в своих воспоминаниях ошибочно полагал, что после роспуска «демократических» земств и городских дум «новых выборов назначено не было»¹. Кадет Д. С. Пасманик утверждал, что во многих крымских городах отказались применять новый избирательный закон². Другой кадет, В. Д. Набоков, вспоминал, что куриальные выборы там, где они осуществились, «не дали хороших результатов»³. Напротив, левый журнал «Местное самоуправление на Северном Кавказе» год спустя после выборов писал: «Махинация сорвалась. В думы всюду прошли демократы»⁴.

Как видим, обращение к воспоминаниям современников не проясняет картину. Исследование муниципальной политики первого Крымского краевого правительства осложняется тем, что

¹ Никонов С. А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности. В 3 т. Т. 3: 1917–1938. М., 2018. С. 210.

² Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму (Приложение: Письмо Н. И. Петрункевича о русской интеллигенции). Paris, 1926. С. 102.

³ Набоков В. Д. «Крым в 1918/19 гг.» // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 228.

⁴ Страхов Д. В Крыму. Перманентное «волеизъявление» // Местное самоуправление на Северном Кавказе. 1919. № 13. С. 38.

практически не сохранились местные газеты за лето–осень 1918 г., что вынуждает обращаться к одесским, московским, киевским, екатеринодарским изданиям и к архивным фондам, также весьма неполным. Несмотря на скудность и фрагментарность источников, мы попытаемся реконструировать муниципальную политику Сулькевича и ход избирательных кампаний в крымских городах во время немецкой оккупации.

Политика правительства Сулькевича по отношению к «демократическим» думам

Во второй половине апреля 1918 г. немецкие войска вторглись в Крым и в течение нескольких недель заняли его. Долгое время никакой местной власти на полуострове не было, хотя велись переговоры о формировании коалиционного кабинета между разными национальными и политическими группами. Наконец, в начале июня формированием правительства согласился заняться генерал С. Сулькевич. Сформированный им Совет министров был одним из наиболее консервативных антибольшевистских правительств периода Гражданской войны и отличался, с одной стороны, реставраторско-монархическими тенденциями, с другой – татарско-сепаратистскими. Вся противоречивость курса правительства, опиравшегося одновременно на бывших октябристов и татар-националистов¹, нашла отражение в новом флаге Крыма, сочетавшем чёрного византийского двуглавого орла на золотом щите (герб Таврической губернии) и голубое поле (крымскотатарские национальные цвета)².

Первые месяцы оккупации органы самоуправления, восстановленные после ухода большевиков, были, по сути, предоставлены сами себе. В некоторых городах постановлениями дум были на-

значены перевыборы, которые должны были пройти на основе закона Временного правительства, т. е. по пропорциональной системе и с возрастным цензом равным 20 годам. Немцы, относившиеся к действующим социалистическим думам с подозрением и недоверием, но первое время дел местного самоуправления не касавшиеся, не стали мешать проведению перевыборов по избирательному закону 1917 г.³ Выборы прошли в Старом Крыму, Ялте, Феодосии, но большая часть кампаний даже не успела начаться из-за действий нового кабинета.

Ведущую роль в политике правительства по отношению к местному самоуправлению сыграл помещик Владимир Сергеевич Налбандов (1874 – не ранее 1929), занимавший посты краевого контролёра, краевого секретаря и временно управляющего министерством исповеданий и народного просвещения. Налбандов, по воспоминаниям Пасманика, был «полуармянин и полунемец по крови, но чисто русский человек по культуре, старый земский деятель, умный и способный человек»⁴. До революции Налбандов был видным местным общественным деятелем, гласным Таврического губернского и Симферопольского уездного земских собраний, гласным Симферопольской городской думы, членом губернской земской управы, губернского по водным делам присутствия, губернского по земским и городским делам присутствия⁵. В 1896 г., во время учёбы на естественном факультете Московского университета, он даже был выслан в Симферополь на 2 месяца из-за подозрений в политической неблагонадёжности (в это время проходила коронация Николая II, так что власти боялись возможных

¹ Никонов С. А. Мои воспоминания. Т. 3. С. 209.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10073. Оп. 2. Д. 318. Л. 20б.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 35. Д. 952. Л. 88, 90.

⁴ Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. С. 102.

⁵ Крымское краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 147.

провокаций)¹, но затем заметно сдвинулся вправо. Эсер С. А. Никонов именoval его «заядлым октябристом»², а «Одесские новости» – «трудовым помещиком»³. Советский историк А. И. Гуковский писал, что новый краевой контролёр был стопроцентным монархистом, политический идеал которого «состоял в полном восстановлении дореволюционного царского режима», впрочем тут же оговаривался, что среди «черносотенцев правый октябрист Налбандов слыл за “левого”» [3, с. 25]. Действительно, в предреволюционные годы он, как и все октябристы, поддерживал Прогрессивный блок [6, с. 155].

Летом 1917 г. Налбандов переизбрался гласным симферопольской думы от «немецко-эстонского» списка, набравшего 1,06% голосов⁴, осенью 1917 г. на выборах во Всероссийское Учредительное собрание возглавлял наиболее правый список в Таврическом округе – «Земельные собственники и хлеборобы», получивший 1,34% голосов⁵, а в 1918 г. выступал в качестве представителя Союза немцев в Крыму. «В. С. Налбандов был несомненно самым умным, дельным и культурным из министров правительства Сулькевича, а потому, хотя занимал пост министра народного просвещения, сразу сделался руководителем его внутренней политики. Я бы не назвал её прямо реакционной», – писал кадет В. А. Оболенский. Впрочем, он тут же добавлял, что «демократические самоуправления со своим социалистическим большинством были предметом ненависти Налбандова, старого цензового гласного и лидера местных аграриев», и именно поэтому «одним из первых актов краевого правительства

был роспуск земских собраний и городских дум»⁶. Ему вторил Пасманик, вспоминая, что Сулькевич был игрушкой в руках Налбандова, который «глубоко ненавидел все левые партии», а органы самоуправления, созданные в 1917 г., называл «базарными митингами»⁷.

25 июня 1918 г. Сулькевичем было издано правительственное сообщение «К населению Крыма», согласно которому действующие городские думы объявлялись распущенными. Назначенные в ближайшем будущем или уже произведённые выборы отменялись. Городские управы сохраняли свои полномочия впредь до производства новых выборов на основаниях, которые должны были быть выработаны правительством при участии съезда городских гласных состава начала 1917 г.⁸

Обращение к населению вызвало повсюду брожение и открытое недовольство. Правительство, оказавшееся в замешательстве, долгое время не могло решиться на роспуск дум, и дело чуть не дошло до министерского кризиса⁹. Городские головы Крыма, желавшие обменяться мнениями о произошедшем, собрались на съезд, но Сулькевич самолично по телефону запретил им обсуждать декларацию правительства¹⁰. Лишь 2,5 недели спустя после опубликования декларации власти на местах перешли от слов к делам – так, например, начальник Севастопольского округа контр-адмирал С. И. Бурлей разослал городским управам циркуляр с извещением о том, что правительство распорядилось впредь до особых распоряжений не допускать созыва городских дум¹¹. В знак протеста

¹ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 16. Д. 296. Л. 1–5.

² Никонов С. А. Мои воспоминания. Т. 3. С. 208.

³ А. С. Организация власти // Одесские новости. 1918. 19 июня.

⁴ Выборы в городскую думу // Южные ведомости. 1917. 19 июля.

⁵ Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / сост. Л. Г. Протасов. М., 2014. С. 146, 424–425.

⁶ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 600–601.

⁷ Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. С. 102.

⁸ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 318. Л. 1.

⁹ О декларации Сулькевича // Одесские новости. 1918. 7 июля.

¹⁰ Съезд гор. голов // Одесские новости. 1918. 9 июля.

¹¹ Местное самоуправление в Крыму // Одесские новости. 1918. 12 июля.

севастопольская управа, заявившая о невозможности ни с моральной, ни с юридической точек зрения оставаться на своём посту в то время, когда нет органа – городской думы, – перед которым она ответственна и который её уполномочил, ушла в отставку¹. К ней присоединились управы Ялты, Феодосии, Евпатории и Симферополя. В Керчи управа подала прошение о выходе в отставку всем составом, но фактически осталась на месте, хотя и уклонялась от участия в делах. Продолжали работать управы Балаклавы и Старого Крыма². Из-за резких и непродуманных шагов правительства многие города Крыма остались вообще без какой-либо местной власти.

Новый избирательный закон

20–21 июля 1918 г. в Симферополе в помещении бывшего офицерского собрания Литовского полка состоялся съезд гласных «цензовых» дум, распущенных после Февральской революции. Роль представителя властей и закулисного руководителя играл сам Налбандов, хотя в интервью для прессы он заявил, что правительство воздерживается от давления на участников съезда³. На съезде обозначились 2 партии: во главе первой, условно «умеренной», стоял бывший симферопольский городской голова В. А. Иванов, во главе второй, «реакционной», – бывшие городские головы Бахчисарая С. М. Крымтаев и Севастополя А. Ф. Еранцев. К «умеренной» группе относились кадеты, выступавшие за сохранение закона Временного правительства с двумя изменениями: введением ценза оседлости (не свыше года) и возрастного ценза. «Реакционеры», в свою очередь, громили «демократические» думы и требовали введения пятилетнего ценза оседлости, чтобы «иностранцы» не принима-

ли участия в городской жизни, однако комиссия, занимавшаяся рассмотрением этих вопросов, отвергла наиболее радикальные предложения⁴.

Заключение комиссии сводилось к следующему: выборы проводятся по двум куриям по мажоритарной системе; избирательным правом пользуются лишь граждане Крыма; устанавливается возрастная ценз в 25 лет и ценз оседлости 2 года; не допускаются к выборам военнослужащие. «Умеренная» группа выступала против того, чтобы избирательное право предоставлялось только крымским гражданам, и в итоге съезд 33 голосами против 18 отверг данный пункт, посчитав, что право голоса должны иметь все жители Крыма. Зато остальные предложения комиссии были приняты без прений⁵.

23 июля 1918 г. Совет министров, заслушав доклад министра внутренних дел о выходе ряда городских управ в отставку и приняв во внимание мнение съезда, решил во избежание расстройств хозяйства в городах, оставшихся без управ, немедленно созвать думы, действовавшие до революции. Созыв их считался действительным при наличии 1/3 числа гласных, числившихся в списках соответствующей думы по состоянию на 1 января 1917 г. Если первое собрание думы не состоялось за неприбытием требуемого числа гласных, немедленно созывалось второе заседание, действительное при всяком числе собравшихся⁶. Старые «цензовые» думы удалось собрать далеко не везде: так, в Керчи на первое заседание пришло всего 9 бывших гласных (из 68), на второе – 8. После долгих прений «цензовики» единогласно приняли резолюцию о том, что их полномочия

¹ Уход севастопольской управы // Крымский вестник. 1918. 9 июля.

² Краевой съезд «цензовых» городских гласных // Крымский вестник. 1918. 26 июля.

³ В Крыму // Киевская мысль. 1918. 16 июля.

⁴ Съезд «цензовиков» в Симферополе // Крымский вестник. 1918. 24 июля; Съезд думских гласных-цензовиков // Одесский листок. 1918. 24 июля.

⁵ Краевой съезд «цензовых» городских гласных // Крымский вестник. 1918. 26 июля.

⁶ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1614. Оп. 1. Д. 18. Л. 5; Созыв городских дум начала 1917 г. // Крымский вестник. 1918. 26 июля.

кончились, вследствие чего они не могут взять на себя управление городским хозяйством¹. Балаклавская «цензовая» дума практически сразу же сложила свои полномочия². Собравшаяся в Феодосии «цензовая» дума осудила роспуск «демократических» дум и заявила, что вступает в обязанности единственно для спасения населения³.

Параллельно с созывом дореволюционных дум шла разработка нового избирательного закона. 31 июля 1918 г. Совет министров, рассмотрев заключения съезда и высказанные на нём различные соображения, установил новые «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум», избираемых на срок до 1 января 1921 г. За основу был взят проект, выработанный на съезде, но с рядом принципиальных изменений: власти решили, что право голоса должны иметь только крымские граждане, но при этом снизили ценз оседлости до 1 года.

Право участия в выборах получили крымские граждане вне зависимости от пола, национальности и вероисповедания, достигшие ко времени составления избирательных списков возраста 25 лет и проживающие в данном городе не менее 1 года или имеющие в нём недвижимую собственность. Лишались права голоса лица, состоящие на действительной военной службе и на службе в местной полиции; высшие представители административной власти, их заместители и помощники; монашествующие; признанные в установленном законом порядке безумными, сумасшедшими и глухонемыми; находящиеся под следствием по обвинению в преступлениях, влекущих за собой лишение или ограничение прав состояния или же приговорённые судом к наказаниям, соединённым с теми же правоограничениями; осуждённые по суду за преступные деяния против из-

бирательного права; принятые краевыми и общественными учреждениями на попечение, а также находящиеся на общественном иждивении в домах призрения и богаделнях.

Все избиратели разделялись на 2 курии: в первую попадали лица, уплачивающие в пользу города оценочный сбор или выбирающие промысловые свидетельства на торговые или промышленные предприятия, кроме свидетельств на личные промысловые занятия, во вторую – все остальные. Каждая курия избирала половину от установленного числа гласных. Город по постановлению управы разделялся на участки с приблизительно равным числом избирателей (не более 5000 в каждом), причём расчёт применялся для каждой курии отдельно. Для каждого участка устанавливалось количество гласных пропорционально числу лиц, имеющих избирательное право по этому участку. Избираться можно было по нескольким участкам. Лица, не внесённые в списки избирателей, баллотироваться не могли. Так как процесс выдвижения кандидатов никак не был оговорён, не совсем ясно, было ли возможно самовыдвижение. При этом особо отмечалось, что для удобства избирателей отдельные группы частным образом могли рекомендовать своих кандидатов путём печати особых объявлений и расклейки их в публичных местах, на улицах и площадях, а также раздачи избирателям заготовленных избирательных записок.

Выборы назначались постановлением городской управы, но не позже срока, указанного министром внутренних дел, и проводились раздельно для каждой курии в один из воскресных или праздничных дней с 9.00 утра до 9 часов вечера. Голосование производилось путём подачи избирательных записок с именами, отчествами и фамилиями кандидатов. Записка писалась на одной стороне бумаги величиной не более четверти листа и могла быть заполнена от руки, чернилами или карандашом, на пишущей машине, типо-

¹ Ценовики против Сулькевича // Одесские новости. 1918. 29 августа.

² В Крыму // Киевская мысль. 1918. 23 августа.

³ В Крыму // Киевская мысль. 1918. 14 августа.

графским или литографским способом. В записке можно было вычёркивать одних кандидатов и вписывать вместо них других, но иные исправления и поправки не допускались.

Избранными считались лица, получившие более половины всех голосов, поданных по данному участку. В том случае, если первоначальные выборы не давали положенного числа гласных, через неделю назначались дополнительные выборы, причём теперь для избрания достаточно было относительного большинства голосов. Таким образом, использовалась мажоритарная система абсолютного большинства в многомандатных округах с перебаллотировкой. Если одно лицо избиралось по нескольким участкам, ему предоставлялось право в течение 3 суток принять избрание по любому участку, в случае же неподачи заявления в установленный срок данный кандидат считался избранным по тому участку, где получил большее число голосов¹.

На первый взгляд кажется, что изменения были относительно умеренными: сохранялось всеобщее, прямое и тайное голосование, да и само деление на курии не создавало такой диспропорции, как, например, по Городовому положению 1870 г., по которому к первой курии относилось всего лишь несколько процентов выборщиков (так, в Алуште по закону Сулькевича к первой курии было отнесено 37% имевших право голоса², в Феодосии 19,2%³, в Севастополе – около 30%⁴). В действительности же выборы были далеко не всеобщими, а основным инструментом электоральной инженерии стали не столько курии, сколько отсеменение нежелательных избирателей при помощи института крымского гражданства.

¹ Постановление Крымского Краевого Правительства о производстве выборов гласных городских дум // Вестник Крымского правительства. 1918. 2 августа.

² ГАРК. Ф. Р-1614. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

³ Феодосия. Городские выборы // Крым. 1918. 24 октября.

⁴ К выборам в думу // Прибой. 1918. 24 августа.

Согласно разъяснению Совета министров от 11 сентября 1918 г., крымскими гражданами считались:

1) приписанные ко времени опубликования декларации от 25 июня 1918 г. к сословиям и обществам уездов и городов Крыма (дворянским, сельским, мещанским, ремесленным и др.);

2) владевшие к тому же сроку на праве собственности недвижимым имуществом в пределах Крыма;

3) служащие в государственных учреждениях и состоящие по выборам на земской и городской службе, а равно принадлежащие к составу выборных правлений всякого рода общественных организаций, преследующих общепольные цели.

Приобретение гражданства было возможно:

- рождением от крымских граждан;
- выходом замуж иностранки за крымского гражданина;
- усыновлением иностранца до 17 лет крымским гражданином;
- натурализацией⁵.

Для приобретения крымского гражданства необходимо было постоянно жить в Крыму в течение 3 лет и иметь возможность собственными средствами или трудом содержать себя и семью⁶, а также подать соответствующее прошение в министерство внутренних дел⁷. Все жители Крыма, не имеющие краевого гражданства, признавались иностранцами⁸. Таким образом, например, рабочему, давно живущему в Крыму, но по документам числящемуся мелитопольским мещанином или полтавским крестьянином, приходилось прилагать усилия и проходить определённую бюрократическую процедуру для того, чтобы стать крымским гражданином и попасть в список избирателей⁹.

⁵ ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 2421. Л. 77.

⁶ Дополнительное постановление о крымском гражданстве // Утро Юга. 1918. 19 сентября.

⁷ Севастопольская Городская Управа доводит до сведения // Прибой. 1918. 24 августа.

⁸ ГАРФ. Ф. 10073. Оп. 2. Д. 318. Л. 20б.

⁹ В. Крымское гражданство // Прибой. 1918. 23 августа.

Влияние нового закона на состав корпуса избирателей можно проследить на ряде примеров. Так, согласно Городовому положению 1892 г. право голоса в Алуште имели 127 человек¹, по закону Временного правительства – 4 106 человек [7, с. 49], по закону Сулькевича – 1 006². Хотя новый крымский закон не был полным возвратом к дореволюционным временам, из-за введённых ограничений подавляющая часть алуштинцев лишилась права голоса. В других городах Крыма сокращение корпуса избирателей в относительных цифрах было не таким значительным, но всё же заметным (табл. 1).

Социалисты считали, что закон «крымского хана» Сулькевича направлен в первую очередь против них, т. к. «это был удар главным образом по рабочему классу, боровшемуся открыто с авантюристом-генералом»³. Но в действительности пострадали не только рабочие, но и многие представители интеллигенции и чиновничества из других регионов России, пытавшиеся переждать революционное время в Крыму.

Выборы в «куриальные» думы

Несмотря на то, что «куриальный» закон вызвал открытое неприятие как со стороны социалистических, так и умеренно-демократических партий Крыма [2, с. 14], избирательные кампании стартовали. 7 августа 1918 г. Сулькевич разослал циркуляр, согласно которому крайним сроком, к которому должны были быть произведены выборы гласных, назначалось 30 сентября⁴, правда, из-за сложностей с составлением списков избирателей выполнить это требование в большинстве городов не удалось.

Первые выборы по новому закону прошли в Алуште. Основное голосование состоялось 17 сентября, а дополнительное – 24 сентября⁵. Большинство мест получили татары и евреи, а эсеры, имевшие преобладание в «демократической» думе, выборы проиграли. По итогам голосования была переизбрана «цензовая» управа во главе с С. М. Халилевым, действовавшая с 28 июля 1918 г.⁶ Схожим образом обстоит дела в Карасубазаре, где голосование прошло 22 сентября. Чтобы

Таблица 1 / Table 1

Изменение количества избирателей в городах Крыма в 1917–1918 гг. / Changes in the number of voters in the cities of Crimea in 1917–1918

Город	Кол-во избирателей по закону Временного правительства (без учёта гарнизонов)	Кол-во избирателей по закону Сулькевича	% горожан, лишившихся права голоса
Алушта	4 106	1 006	75,5
Севастополь	36 419	16 000	56,1
Симферополь	34 277	19 500	43,1
Феодосия	16 000	9 900	38,1

Источники: Выборы в Севастопольскую городскую думу // Южные ведомости. 1917. 19 июля; В Крыму. Выборы // Киевская мысль. 1918. 18 октября; К выборам в городскую думу // Южные ведомости. 1917. 14 июля; К выборам в городскую думу // Утро Юга. 1918. 28 августа; Феодосия. Результаты выборов // Южные ведомости. 1917. 11 июля; Феодосия. Городские выборы // Крым. 1918. 24 октября.

¹ История городов и сел Украинской ССР: Крымская область / ред. П. Т. Тронько и др. Киев, 1974. С. 167.

² ГАРК. Ф. Р-1614. Оп. 1. Д. 18. Л. 28.

³ Страхов Д. В Крыму. Перманентное «волеизъявление». С. 38.

⁴ ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 2421. Л. 11.

⁵ ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 128. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 39, 43.

выборы состоялись с первого же раза, представители обеих курий составили блоки, наметили кандидатов и частным образом рекомендовали бюллетени с их именами¹. Очевидно, что желание сэкономить городские средства и провести кандидатов, которые «всем известны как деловые и добросовестные работники», преобладало над резонами идеологического характера. По сравнению с социалистической думой образца 1917 г. новый её состав был более умеренным, как и в Алуште.

Важное политическое значение имели выборы в Севастополе – центре социалистических настроений на полуострове. Осознавая трудности, возникающие в связи с новым законом, все основные оппозиционные организации Севастополя создали «Демократический блок», в который вошли эсеры, меньшевики, кадеты, народные социалисты, организация «Единство» (плехановцы) и Союз квартиронанимателей. С самого начала имелись сомнения по поводу такой широкой коалиции, ожидалось, что блок расколется, т. к. рабочие высказывались против общего списка с кадетами и энесами². Впрочем, первоначально комитет меньшевистской организации, считая тактику бойкота вредной для рабочего класса, выступил за участие в выборах и противопоставление «силами реакции» «единого демократического фронта»³. Меньшевики, как и другие социалисты, принципиально отрицали возможность блокирования с торгово-промышленными группировками, со всеми же остальными были готовы обсуждать условия союза⁴. Но при переговорах выяснилось, что меньшевики выступают за блок только во время дополнительных выборов, чтобы дать каждой организации возможность пропагандировать свою программу

в ходе кампании. Эсеры же настаивали на том, что блок должен быть заключён уже на первой стадии. Кроме того, касаясь политической платформы блока, эсеры заявили о готовности пожертвовать некоторыми демократическими положениями ради общенациональных задач⁵. В итоге меньшевики решили участвовать в выборах самостоятельно, а эсеры в составе «Демократического блока» вместе с кадетами, энесами, плехановцами и квартиронанимателями.

29 сентября на выборы пришли около 19% севастопольцев (примерно 3 000 из 16 000 имевших право голоса), хотя на некоторых участках явка была в районе 8%. По результатам голосования, на многих участках лидировали представители «Демократического блока». Во время основных выборов были заполнены лишь 20 мест из 70, так что на 13 октября (почему-то через 2 недели, а не через 1 неделю, как говорилось в законе) были назначены дополнительные выборы. Меньшевики, выступавшие сепаратно от остальных сил оппозиции и, очевидно, провалившиеся, решили в повторном голосовании не участвовать.

Уже избранные гласные собрались на совещание, на котором выработали обращение к севастопольцам с лозунгом всё же принять участие в дополнительных выборах, несмотря на распространяющиеся по городу призывы воздержаться от участия в них. «Путём избрания кандидатов, стоящих за восстановление всеобщего и равного избирательного права, гораздо скорее, чем бойкотом, будет достигнуто восстановление демократического самоуправления», – писали гласные, также обращавшие внимание на тяжёлое положение городского хозяйства и возможность его краха в случае новых потрясений. Несмотря на обращение, повторное голосование состоялось при чрезвычайно низкой явке – около 6%. В итоге всё равно победил «Демократический блок»: большинство мест получили

¹ Карасубазар. Выборы в думу // Южные ведомости. 1918. 20 сентября.

² Гор. выборы // Одесские новости. 1918. 7 сентября.

³ В партии. Собрание с.-д. организации // Прибой. 1918. 14 августа.

⁴ К переговорам о блоке // Прибой. 1918. 24 августа.

⁵ РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 35. Д. 954. Л. 9.

кадеты, на втором месте по количеству гласных шли эсеры¹. Дума получилась весьма умеренная по своему составу (очевидно, за счёт голосов первой курии, поддерживавшей кадетских кандидатов), но Сулькевичу это никак не помогло, т. к. кадеты были настроены по отношению к его правительству резко отрицательно и в этом вопросе в полной мере солидаризировались с эсерами.

Во всех остальных городах Крыма выборы не состоялись из-за изменения международной обстановки и правительственного кризиса, хотя работы по подготовке голосования шли. Так, в Симферополе день выборов первоначально был назначен на 6 октября, а затем перенесён на 20 октября²; в Ялте выборы планировались на 27 октября³.

Ставшее к октябрю 1918 г. очевидным скорое поражение немцев в войне привело к тому, что власть Сулькевича, державшаяся на штыках оккупантов, зашаталась. 17–18 октября в Симферополе состоялось заседание крымских гласных Таврического губернского земского собрания, выдвинувших претензию на образование новой власти. Оппозиция пообещала, что организуемое ею правительство во главе с кадетом С. С. Крымом восстановит распущенные городские самоуправления, а затем назначит новые выборы на основании закона Временного правительства, в который будут внесены лишь незначительные изменения⁴. После окончания съезда его участники разъеха-

лись по Крыму, чтобы «явочным порядком» провести решения о восстановлении прежних дум.

Особенно звонкой оказалась пощёчина Сулькевичу со стороны Севастопольской «куриальной» думы, которая на своём первом заседании 22 октября 1918 г. под овацию заполнившей зал толпы постановила:

1. «Признать выборный закон Сулькевича незаконным попранием прав граждан, а разгон демократических дум тяжёлым преступлением;

2. Сложить поэтому с себя полномочия и передать их единственно законной демократической думе;

3. Довести об этом до сведения г. Сулькевича и германского командования;

4. Поддержать вновь образуемую власть»⁵.

На следующий день состоялось заседание «демократической» думы, но оно было закрыто по распоряжению властей⁶. В Симферополе также прошло заседание бывших гласных «демократической» думы⁷, а выборы в «куриальную» думу были отложены на неопределённое время⁸.

Плохие известия для Сулькевича пришли и из Керчи, в которой выборы были назначены на 20 октября. Первоначально кампания шла спокойно, но по мере разрастания политического кризиса в Симферополе обстановка начала меняться. 18 октября представители оппозиции заявили временному городскому голове Керчи В. А. Симоновичу, что система выборов недемократична, нигде уже не применяется, и поэтому «абсентеизм должен быть очень велик, что доказал и опыт севастопольских выборов». Подписанты обращения от имени партий меньшевиков, эсеров и кадетов, «считаясь с настроением общества и рабочих масс, явно враждебно относящихся к де-

¹ В Крыму. Выборы в гор. думу // Одесские новости. 1918. 1 октября.; Выборы по новому закону // Киевская мысль. 1918. 2 октября; В Крыму. Выборы в гор. думу // Одесские новости. 1918. 2 октября; В Крыму. Городские выборы // Одесский листок. 1918. 3 октября; В партии. Собрание с.-д. // Прибой. 1918. 11 октября; Гор. выборы и абсентеизм // Одесские новости. 1918. 16 октября; В Крыму. Городские выборы // Киевская мысль. 1918. 17 октября; Победа демократии на гор. выборах // Одесские новости. 1918. 18 октября; Городские выборы. Севастополь // Одесский листок. 1918. 18 октября; В Крыму. Выборы // Киевская мысль. 1918. 18 октября.

² ГАРК. Ф. 63. Оп. 2. Д. 649. Л. 12, 32.

³ ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 2421. Л. 67.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-446. Оп. 2. Д. 47. Л. 46.

⁵ Страхов Д. Борьба за демократическую власть // Родная земля. 1918. 21 октября; Демократична дума // Нова рада. 1918. 29 жовтня.

⁶ В Крыму // Одесские новости. 1918. 24 октября.

⁷ Среди бывших гласных // Крым. 1918. 22 октября.

⁸ Выборы в городскую думу // Крым. 1918. 18 октября.

лению избирателей по куриям, и приняв во внимание, что за последнее время общее положение резко изменилось, что в Симферополе выборы в думу, назначенные также на 20 октября, отсрочены, что кабинет ген[ерала] Сулькевича, по достоверным сведениям, пал, и что создаётся власть на новых демократических началах», предложили выборы в Керчи отложить.

К обращению партий, заявивших о снятии выставленных ими списков кандидатов и прекращении всякой работы по производству выборов, присоединились председатели всех четырёх участковых избирательных комиссий¹. 19 октября Симонович отложил выборы, и, несмотря на давление со стороны министерства внутренних дел, городская управа признала проведение выборов при существующем положении дел невозможным².

Ещё 20 октября Сулькевич пообещал немедленно созвать Крымский парламент на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования³. Ссылаясь на данное решение, «цензовая» дума Ялты заявила, что выборы по куриальной системе не соответствуют новому курсу правительства и поэтому их следует отложить, а затем самораспустилась⁴.

27 октября Совет министров признал «куриальные» думы нарушением демократической системы народного представительства, что ясно выразилось в сложении Севастопольской думой своих полномочий, и постановил восстановить «демократические» думы. Постановление телеграфировал в Севастополь лично Сулькевич⁵. Стремительная перемена правительственного курса вызывала удивление у крымских обывателей: «В какие-нибудь 2 недели [Сулькевич] <...>

ввёл свободу печати, отменил предварительную цензуру и разогнал правые цензовые думы, на их же место посадил опять “демократические”. Творятся же чудеса на свете»⁶. К 14 ноября, когда правительство Сулькевича под давлением общественности наконец вынуждено было уйти в отставку, вся система органов местного самоуправления уже давно вышла из-под его контроля. Единственная в годы Гражданской войны попытка реставрации дореволюционных муниципальных порядков закончилась полным крахом.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что временное восстановление дореволюционных дум – наверное, один из наиболее одиозных шагов первого Крымского краевого правительства – не было его самоцелью, а являлось вынужденным шагом, вызванным непродуманным роспуском «демократических» дум и добровольным уходом в отставку целого ряда управ.

Куриальная система, введенная правительством, оказалась – если говорить о технической стороне вопроса – вполне эффективной: в думах, избранных по новому закону, большинство получили не социалисты, а представители умеренных партий и течений, т. е., на первый взгляд, цели властей оказались достигнуты. Но никаких политических дивидендов Сулькевичу это не принесло, т. к. его правительство не пользовалось общественной поддержкой и воспринималось как марионеточное, напротив, грубое изменение избирательного закона окончательно оттолкнуло от него практически все политические организации Крыма и привело к консолидации весьма разношёрстной оппозиции (в первую очередь, эсеров и кадетов).

Политика правительства Сулькевича даёт наглядный пример того, как электоральная инженерия, осуществляемая

¹ ГАРК. Ф. 455. Оп. 1. Д. 9310. Л. 175.

² Там же. Л. 161, 173, 174, 178.

³ Декларация Крымского правительства // Крым. 1918. 20 октября.

⁴ Ялта. Городская дума // Крым. 1918. 30 октября.

⁵ Восстановление демокр. организаций // Одесские новости. 1918. 29 октября.

⁶ А. В. Дневник обывателя (26 июля 1918 г. – 4 апреля 1919 г.) // Архив русской революции. Т. IV. Берлин, 1922. С. 257.

в отрыве от решения стоящих перед обществом проблем и отсутствия диалога между различными политическими силами, не только не укрепляет власть, но и

может стать серьёзным фактором деградации.

Дата поступления в редакцию 22.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунегин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь: Крымгосиздат, 1927. 336 с.
2. Громов С. Е. Партийно-политическая ситуация в Крыму летом – осенью 1918 г. // Клио. Научно-педагогический историко-обществоведческий журнал для детей, юношества и педагогов. 1997. № 1–2. С. 12–17.
3. Гуковский А. И. Вторжение немцев в страну Советов в 1918 г. // Исторические записки. 1942. Вып. 13. С. 3–39.
4. Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. 725 с.
5. История Севастополя: в 3-х тт. Т. III. Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. / под общ. ред. Ю. А. Петрова, Е. Б. Алтабаевой. М.: ИстЛит; Севастополь, 2021. 860 с.
6. Королев В. И. Крым революционный. Политические партии и власть. Симферополь: ООО «Антиква», 2020. 447 с.
7. Перепелица Г. Алушта. Исторический очерк. Симферополь: Крымиздат, 1961. 150 с.
8. Раков В. В. Муниципальные выборы января – февраля 1919 года в Крыму // Труды междисциплинарной научно-практической конференции «Феодосийские научные чтения». 2017. № 4. С. 128–133.

REFERENCES

1. Bunegin M. F. *Revolyutsiya i grazhdanskaya voyna v Krymu (1917–1920 gg.)* [Revolution and Civil war in the Crimea (1917–1920)]. Simferopol, Krymgosizdat Publ., 1927. 336 p.
2. Gromov S. E. [Party and political situation in the Crimea in the summer – autumn of 1918]. In: *Klio. Nauchno-pedagogicheskiy istoriko-obshchestvovedcheskiy zhurnal dlya detey, yunoshstva i pedagogov* [Clio. Scientific and pedagogical historical and social science journal for children, youth and teachers], 1997, no. 1–2, pp. 12–17.
3. Gukovsky A. I. [Invasion of the Germans into the country of the Soviets in 1918]. In: *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes], 1942, iss. 13, pp. 3–39.
4. Zarubin A. G., Zarubin V. G. *Bez pobediteley. Iz istorii Grazhdanskoy voyny v Krymu* [Without winners. From the history of the Civil War in Crimea]. Simferopol, Antikva Publ., 2008. 725 p.
5. Petrova Yu. A., Altabaeva E. B., ed. *Istoriya Sevastopolya: v 3-kh tt. T. III. Sevastopol' v sovetskiy i post-sovetskiy periody. 1917–2014 gg.* [History of Sevastopol: in 3 vols. T. III. Sevastopol in the Soviet and post-Soviet periods. 1917–2014]. Moscow, IstLit Publ.; Sevastopol, 2021. 860 p.
6. Korolev V. I. *Krym revolyutsionnyy. Politicheskiye partii i vlast* [Revolutionary Crimea. Political parties and power]. Simferopol, Antikva Publ., 2020. 447 p.
7. Perepelitsa G. *Alushta. Istoricheskiy ocherk* [Alushta. Historical essay]. Simferopol, Krymizdat Publ., 1961. 150 p.
8. Rakov V. V. [Municipal elections of January - February 1919 in the Crimea]. In: *Trudy mezhdistsiplinarnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Feodosiyskiye nauchnyye chteniya»* [Proceedings of the interdisciplinary scientific and practical conference «Feodosiya Scientific Readings»], 2017, no. 4, pp. 128–133.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета;
e-mail: a.chemakin@spbu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton A. Chemakin – Cand. Sci. (Historical), Senior Lecturer, Department of History for Teaching at the Natural and Humanitarian Faculties, Institute of History, Saint Petersburg State University;
e-mail: a.chemakin@spbu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чемакин А. А. Муниципальная политика правительства С. Сулькевича и выборы в городские думы Крыма (лето–осень 1918 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 42–54.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-42-54

FOR CITATION

Chemakin A. A. Municipal policy of the cabinet of S. Sulkevich and elections to the Crimean City Dumas (summer–autumn 1918). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 42–54.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-42-54

УДК 272.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66

СОЗДАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СССР КАК ФОРМА ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРИЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ В 1940–1950 ГГ.

Никонов В. В.*Российский государственный гуманитарный университет**125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ пропагандистских усилий советской власти, направленных на создание положительного представления о положении церкви в СССР в глазах международной общественности.

Процедура и методы. На основе документов из фонда уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по г. Москве и Московской области, находящегося в Центральном государственном архиве Московской области, рассматривается практика воздействия государственного аппарата на духовенство и мирян с целью формирования благоприятного представления о положении церкви в СССР в глазах иностранцев. В работе использованы сравнительно-исторический и проблемно-аналитический методы исследования.

Результаты. Сделан вывод, что первые попытки формирования представлений о благожелательном отношении властей к церкви предпринимались уже в начале Великой Отечественной войны, что выразилось, в частности, в издании книги «Правда о религии в России» (1942 г.). В значительной степени этой же цели способствовало создание в 1943 г. Совета по делам Русской Православной Церкви, сотрудники которого в числе прочих функций должны были обеспечивать просоветскую направленность любых контактов духовенства и верующих с иностранцами. В статье показано, как такие контакты планировались и организовывались, какого рода инструктаж проводился с духовенством с целью исключить возможность самостоятельных ответов на предполагаемые вопросы, а также как осуществлялось снятие священнослужителей с должностей, в случае если их способность общаться с иностранцами в строго обозначенных рамках, с точки зрения чиновников Совета по делам РПЦ, вызывала сомнение. Рассмотренные в статье действия властей по формированию положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в глазах иностранцев зачастую являлись вмешательством во внутрицерковные отношения, а в ряде случаев приводили к разрушению храмовых зданий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в преподавательской деятельности по дисциплинам, связанными с изучением истории Русской Православной Церкви в XX в.

Ключевые слова: гонения на церковь в СССР, Московская область, политические репрессии, Русская Православная Церковь, Совет по делам Русской Православной Церкви

CREATING A POSITIVE IMPRESSION OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE USSR AS A FORM OF INTERFERENCE IN CHURCH LIFE IN 1940–1950

V. Nikonov

Russian State University for the Humanities

Miusskaya pl. 6, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the propaganda efforts of the Soviet government aimed at creating a positive image of the Church situation in the USSR in the eyes of the international community.

Methodology. The article is based on documents from the fund of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR for Moscow and the Moscow region which is located in the Central State Archive of the Moscow region. It examines the practice of the influence of the state apparatus on the clergy and laity in order to form a favorable view of the position of the Church in the USSR in the eyes of foreigners. The article applies the comparative historical and problem-analytical research methods.

Results. The author comes to the conclusion that the first attempts to form ideas about the benevolent attitude of the authorities towards the Church were already made at the beginning of the Great Patriotic War, which was expressed, in particular, in the publication of the book “The Truth about Religion in Russia” in 1942. To a large extent, the same goal was promoted by the creation in 1943 of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, which employees, among other functions, were to ensure the pro-Soviet orientation of any contacts of clergy and believers with foreigners. The article shows how such contacts were planned and organized, what kind of instruction was carried out with the clergy in order to exclude the possibility of independent answers to the alleged questions, as well as how the clergy were removed from their posts if their ability to communicate with foreigners within a strictly defined framework was doubtful from the viewpoint of the officials of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church. The author comes to the conclusion that the actions of the authorities taken to form a positive impression of church-state relations in the eyes of foreigners were often an interference in intra-church relations, and in some cases led to the destruction of temple buildings.

Research implications. The results obtained during the work on the article can be used in teaching activities in disciplines related to the study of the history of the Russian Orthodox Church in the twentieth century.

Keywords: persecution of the Church in the USSR, Moscow region, political repressions, the Russian Orthodox Church, the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church

Введение

Власти в СССР на протяжении всего времени его существования стремились влиять на церковную жизнь, диктовали свои условия и одновременно с этим прилагали усилия к тому, чтобы в глазах иностранцев положение Церкви вполне соответствовало свободам, формально законодательно закреплённым, но в действительности в значительной своей части нарушавшимся. Это противоречие нашло отражение в документах Совета

по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР, образованного в 1943 г., в т. ч. для реализации указанных выше целей [6].

Но ещё до образования Совета, желая изменить представления о гонениях на Церковь в СССР, сформировавшиеся за предвоенные десятилетия в западных странах, в издательстве Московской Патриархии по инициативе властей в 1942 г. вышла книга «Правда о религии в России» [2], представлявшая собой сборник

церковных документов, тенденциозно подобранных в пропагандистских целях.

В конце войны и в первые послевоенные годы руководство СССР старалось продемонстрировать благожелательное отношение к Русской Православной Церкви. Например, 5 её представителей получили приглашение присутствовать на июньском параде Победы 1945 г., причём их разместили вблизи иностранных дипломатов, чтобы, как отмечал председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов, обеспечить «благоприятное впечатление на границу» [7, с. 340].

Настоящая статья посвящена вопросам государственного регулирования контактов представителей Русской Православной Церкви с иностранцами, а также попыткам чиновников Совета по делам РПЦ использовать авторитет духовенства для представления положения Церкви в СССР в удобном для советской власти виде.

Статья игумена Павла (Голышева) для западной прессы

Одним из характерных примеров деятельности Совета по делам РПЦ в направлении создания положительного впечатления о положении Церкви в СССР в послевоенное время можно считать эпизод с попыткой давления на игумена Павла (Голышева)¹, будущего архиерея, позже возглавлявшего последовательно несколько епархий, чтобы заставить его написать статью для западной прессы. В 1947 г. он вернулся из Франции, куда его семья эмигрировала вскоре после революции, получил советское гражданство и был принят в число братии недавно переданной Церкви Троице-Сергиевой Лавры. Разумеется, такое событие не прошло незамеченным для аппарата уполномочен-

ного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А. А. Трушина.

8 сентября 1948 г. Совет вызвал к себе игумена Павла и провёл с ним «беседу на тему о его пребывании во Франции»². После беседы Трушин задал священнику вопрос, «не сможет ли он написать статью для помещения в иностранной печати на тему его пребывания в эмиграции». В статье должны были быть отражены такие моменты, как «обработка его, игумена Павла, антисоветскими элементами, запугивание различными небылицами и др.» лицами, «распространяющими антисоветскую пропаганду среди советских людей, находящихся в лагерях Западной Европы и США». Необходимо иметь в виду, что в описываемое время за пределами СССР находилось значительное число советских граждан. Очевидно, что такая статья, опубликованная в западной печати от имени вернувшегося на Родину священника, могла стать убедительным аргументом в пользу возвращения в СССР тех, кто по тем или иным причинам не торопился этого делать.

По словам А. А. Трушина, игумен Павел написал такую статью согласился, о чём 9 сентября 1948 г. московский уполномоченный доложил заместителю председателя Совета С. К. Бельшеву³. Однако уже через несколько дней в очередном письме он вынужден был констатировать, что надежды на лёгкую победу над священником не оправдались. Статью отец Павел написал, но совсем не такую, какую от него требовал Трушин. «Несмотря на мой инструктаж, – отчитывался чиновник перед руководством, – какой должна быть написана статья, последняя получилась не совсем удовлетворительной: во-первых, очень большая, во-вторых, мало в статье указано в отношении его «обработки» антисоветскими элементами, запугивания различными небылицами и т. д. Кроме этого, в статье

¹ Павел (Голышев Евгений Павлович, 1914–1979) – епископ Русской Православной Церкви, епископ Молотовский и Соликамский (1957–1960), Астраханский и Енотаевский (1960–1964), архиепископ Новосибирский и Барнаульский (1964–1972), Вологодский и Великоустюжский (1972).

² Центральный государственный архив Московской области (далее ЦГАМО). Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

³ Там же.

совершенно нет фамилии и должностного положения проводивших «обработку» и угрозы. Очень бледно отражена встреча автора на Родине, условия жизни в СССР. В статье нет призыва к лично знающим автора, находящимся в лагерях запада и США не верить различным клеветническим измышлениям и возвращаться на Родину»¹.

К сожалению, текст самой статьи в материалах дела отсутствует, однако по реакции А. А. Трушина можно предположить, что игумен Павел не стал следовать указаниям московского уполномоченного Совета по делам РПЦ, а написал статью так, как считал нужным он: не описывая якобы имевшие место угрозы и «обработку» его «антисоветскими элементами» и не призывая никого вернуться в СССР, где именно в то время, как известно, поднималась новая волна репрессий [8]. Судя по всему, А. А. Трушин понял, что заставить игумена Павла переделать текст не удастся, и завершил свой отчёт словами: «После просмотра статьи необходимой беседы с Голышевым по уточнению отдельных фактов не проводилось». Следует отметить, что отказ игумена Павла следовать указаниям чиновника Совета по делам РПЦ следует отнести к нечасто встречавшимся случаям сопротивления такого рода давлению.

Регламентация контактов иностранцев с духовенством и верующими

Первая половина 1950-х гг. ознаменовалась активными выступлениями высших иерархов Русской Православной Церкви на международных форумах [1], посвящённых защите мира и ослаблению напряжённости в международных отношениях [3]. Это, с одной стороны, укрепляло позиции Церкви как сотрудника государственной власти в деле борьбы за мир, а с другой – давало основания представителям западной общественности для формирования представлений о том, что Церковь в СССР перестаёт быть го-

нимой. С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приёмах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства [7, с. 355].

Однако активно демонстрировавшиеся внешние проявления самостоятельности высшего духовенства в общении с иностранцами отнюдь не означали либерализации такого общения на приходском уровне. Напротив, контактов священников и вообще верующих с иностранными туристами или сотрудниками зарубежных представительств различного типа власти старались не допускать, а в случае, когда это сделать было невозможно, предпринимались значительные усилия, чтобы такое общение как можно более полно контролировать. К сожалению, попытки такого контроля не только становились прямым вмешательством во внутрицерковную жизнь, но в ряде случаев приводили к катастрофическим последствиям, когда уничтожались церковные здания исключительно по причине того, что на их неприглядный разрушающийся вид могли обратить внимание иностранцы.

В мае 1955 г. все уполномоченные Совета по делам РПЦ получили письмо от его председателя Г. Г. Карпова, в котором отмечалось, что ряд представителей иностранных посольств и миссий, а также и простые зарубежные туристы, «разъезжая по автомагистралям, проявляют интерес к встречающимся по пути церквям (осматривают, фотографируют, беседуют с духовенством)»². В связи с этим уполномоченным предлагалось составить список храмов, расположенных на автомагистралях, проверить, какой они имеют внешний вид и, главное, уточнить, способны ли их настоятели «с точки зрения политической» давать соответствующие ответы на вопросы

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

иностранцев. В случае же неспособности кого-либо из настоятелей к таким беседам уполномоченным вменялось в обязанность «переговорить тактично с епископом о их замене». Таким образом, негласное право сотрудников Совета по делам РПЦ прямо влиять на назначение и снятие священнослужителей реализовывалось фактически, не говоря уже о том, что уполномоченным предлагалось самостоятельно определять способность или неспособность духовенства к общению с иностранцами, хотя никаких конкретных критериев на этот счёт, за исключением общих рекомендаций, не существовало. Кроме того, в письме говорилось: «Если обнаружится, что внешний вид того или иного храма, расположенного на автомагистрали, производит впечатление запущенного, правящему архиерею следовало сделать замечание, чтобы тот принял меры к исправлению ситуации».

Действующие храмы, расположенные на основных автомагистралях Московской области, пересчитали¹, после чего уполномоченный Совета по Москве и Московской области А. А. Трушин в июле 1955 г. составил и отправил С. К. Бельшеву, занимавшему тогда должность заместителя председателя Совета по делам РПЦ, обширную 15-страничную справку о настоятелях всех указанных в вышеупомянутом списке 42 храмов², сопроводив её запиской с перечислением 9 настоятелей, которых, по его, Трушина, мнению, следует заменить. «Ещё по 6 кандидатурам, – писал А. А. Трушин, – требуется проверка... Остальные 27 человек могут быть оставлены»³. Документ выразительно характеризует механизм назначения и снятия священников с должности настоятеля в период действия Совета по делам РПЦ.

14 июля 1955 г. в Совете по делам РПЦ при Совете министров СССР состоялось специальное совещание, посвящённое

вопросам обслуживания иностранных делегаций⁴. Оно было весьма представительным: помимо членов и инспекторов Совета, а также уполномоченного по г. Москве и Московской области, на нём присутствовало 28 представителей духовенства, включая 3 епископов. Перед собравшимися выступил председатель Совета Г. Г. Карпов, который сообщил цель совещания, состоявшую в «устранении недостатков, встречающихся в работе по обслуживанию членов иностранных делегаций, посещающих церковные объекты». Карпов прямо заявил, что основные вопросы, которые предстоит осветить на совещании, – это «вопросы о свободе совести в СССР и о взаимоотношениях между Церковью и государством, т. к. они являются основными, с которыми обращаются иностранцы при встречах с духовенством». Иными словами, совещание имело целью инструктаж по вопросам представления положения Церкви в СССР перед иностранцами, причём, по словам Г. Г. Карпова, инициатива встречи принадлежала «церковным руководителям».

На совещании были озвучены вопросы, которые задавали прежде или гипотетически могли бы задать иностранцы при посещении храмов и монастырей, а затем приводились примерные ответы, которые следовало давать на них. Примечательно, что на наиболее острые вопросы ответов, приемлемых для советской власти, дано не было. К таким вопросам можно отнести, например: «Верно ли, что Московский патриарх и остальные члены Синода ранее были арестованы и находились в ссылке?», «Каковы причины гонений на деятелей церкви, имевших место в 1928–1929 гг.?». Эти и подобные им вопросы, заявленные в числе обсуждаемых, были просто проигнорированы. Отвечая на некоторые другие, чиновники Совета по делам РПЦ предлагали давать настолько уклончивые ответы, что скрывавшееся за ними желание скрыть правду или, во

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–21.

² Там же. Л. 24–38.

³ Там же. Л. 22, 23.

⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 33. Л. 10–21.

всяком случае, её исказить, становилось вполне очевидным. Так, например, на вопрос о том, следят ли советские органы за посещением гражданами храмов, нужно было отвечать, что «в храмах молящихся никто не регистрирует». Формально это было правдой: никакой регистрации в храмах не проводилось, но ведь вопрос заключался не в этом, а в том, следит ли власть за посещением храмов, что в действительности происходило повсеместно, о чём свидетельствуют многочисленные документы [4, с. 155–157]. На вопрос, уменьшается ли число верующих в СССР, вместо того чтобы просто ответить утвердительно или отрицательно, чиновники Совета предложили такую формулировку: «Судя по тому, что доход церквей с каждым годом увеличивается, можно думать, что количество верующих не уменьшается, хотя в то же время увеличение средств, поступающих в церковь, объясняется улучшением материального положения трудящихся вообще, в т. ч. и прихожан»¹. Вообще же, давать какую-либо оценку числу верующих в СССР, особенно в процентном отношении ко всему населению, духовенству было прямо запрещено.

В сентябре 1955 г. был подписан документ, имевший целью сформировать список лиц духовного звания и сотрудников храмов, которым Совет мог доверить общение с иностранцами. В него вошли 38 человек, представлявших 29 «церковных объектов», расположенных в г. Москве и Московской области². Выглядел список довольно пёстро. Наряду с известными церковными деятелями, например, будущим Патриархом Пименом, а тогда – архимандритом и наместником Троице-Сергиевой Лавры, ректором Московской духовной академии протоиереем Константином Ружицким, настоятелем Никольского храма в Кузнецях протоиереем Всеволодом Шпиллером, настоятелем Троицкого храма в Удель-

ной протоиереем Иоанном Соболевым, в список лиц, допущенных к общению с иностранцами, вошли служащие миряне: староста Свято-Духовского храма на Даниловском кладбище А. Ф. Подрезова, казначей Тихвинского храма в Алексеевском К. А. Маресова. Кроме того, согласно документу, к общению с иностранными делегациями могли быть допущены и бывшие обновленцы, в недавнем прошлом воссоединившиеся с Церковью: настоятель Воскресенского храма в Сокольниках Андрей Иванович Расторгуев и диакон того же храма Александр Александрович Введенский, сын обновленческого лжемитрополита Александра Введенского.

«Переоборудовать с нарушением церковного вида»

Выше отмечалось, что вопросами внешнего вида храмовых зданий советская власть через чиновников Совета по делам РПЦ интересовалась, как правило, только в связи с тем, какое впечатление и в какой степени их состояние может произвести на иностранцев. Исключение составляли отдельные памятники истории и культуры, не находившиеся в ведении Церкви, заботу о состоянии которых государство брало на себя. Все остальные храмы Церковь должна была ремонтировать за свой счёт, что и делалось по мере возможности. Однако проблема, заключавшаяся в том, как выглядели церковные строения в глазах иностранцев, приводила в некоторых случаях к катастрофическим последствиям.

Известно, что в советское время значительное число закрытых храмов занимались под различные государственные учреждения, которые не всегда в должной степени следили за их техническим состоянием. Часто, благодаря многочисленным перестроениям, внешний вид церковных строений обезображивался настолько, что их прежнее назначение переставало угадываться. Это вызывало справедливое возмущение у неравнодуш-

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 59–64.

ных людей, но именно такое положение дел спасало храмы от полного уничтожения. В качестве примера можно привести документ, свидетельствующий о том, как в Москве разрушались церковные здания только потому, что их внешний вид мог сформировать у иностранных гостей не устраивающее власти мнение о положении Церкви в СССР.

1 января 1956 г. уполномоченный Совета по Москве и Московской области составил очередное письмо с перечнем бывших церковных зданий, нуждавшихся в ремонте. В них давно располагались советские учреждения: Московская справочно-информационная контора, тресты «Городоремонт» и «Электропровод», общежитие Метростроя, Главснаб, различные склады и т. д. Здания, по свидетельству А. А. Трушина, находились в аварийном состоянии: купола «раскрыты», крыша течёт, металлические конструкции грозят обрушением, на карнизах растут деревья. Однако не это, по мнению чиновника, являлось главной проблемой, а то, что такие «недействующие церковные здания своим внешним видом производят неблагоприятное впечатление на иностранцев». Причём если бы в облике здания не угадывалась бывшая церковь, то это, очевидно, не стало бы предметом заботы сотрудника Совета по делам РПЦ. Какое же решение предлагает А. А. Трушин? Разумеется, самое простое: некоторые храмы «переоборудовать с нарушением церковного вида», а другие разобрать¹. В письме имеется список храмов и колоколен, подлежащих, по мнению Трушина, сносу. Таким образом, желание выглядеть в глазах иностранцев государством, в котором нет места гонениям на Церковь, в результате приводило к разрушению и дальнейшему обезображиванию памятников церковной архитектуры.

Организация контактов гостей фестиваля молодёжи и студентов 1957 г. с духовенством и верующими

В 1950-х гг. произошло ещё одно важное событие, повлиявшее на усиление прессинга со стороны Совета по делам РПЦ на Церковь для представления её благополучного положения в глазах мировой общественности. В 1957 г. в СССР проходил ставший впоследствии знаменитым Фестиваль молодёжи и студентов. О том, какое значение руководство страны придавало этому мероприятию, написано множество научных и художественных текстов. Это и неудивительно – ведь задачей Фестиваля, проводившегося в СССР, было показать, как благодаря социалистической системе хозяйствования страна за короткий промежуток времени возродилась после военной разрухи и превратилась в передовое демократическое государство. Учитывая, что за парадным фасадом скрывалась подлинная суровая, наполненная тяжёлым трудом, но при этом зачастую нищенская жизнь простых людей, власти всеми силами старались этот фасад сделать максимально непрозрачным для взора многочисленных зарубежных гостей, понимая, что среди них, несомненно, окажутся и такие, которые приедут специально для того, чтобы увидеть то, что будет старательно скрываться. Помимо тяжёлых условий труда и скудных зарплат, в СССР имелся ряд значительных социальных и внутриполитических проблем, которыми живо интересовались на Западе и которые, следовательно, требовали особенно тщательного декорирования. Одной из главных проблем, конечно, было положение Церкви с миллионами верующих.

Готовиться начали заранее. 8 января 1957 г. в адрес уполномоченного Совета по г. Москве и Московской области А. А. Трушина было отправлено секретное письмо Г. Г. Карпова, в котором содержались конкретные указания по под-

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–4.

готовке к предстоящему фестивалю¹. Надо отметить, что такое же письмо было разослано тем уполномоченным Совету, в зоне ответственности которых располагались города и посёлки, где могли оказаться гости фестиваля, но очевидно, что «главным» адресатом являлся, конечно, московский уполномоченный, т. к. именно на подведомственной ему территории планировались официальные мероприятия. В письме отмечалось, что иностранцы «несомненно, будут интересоваться церквями, монастырями и духовными учебными заведениями, а также искать встреч по вопросам положения и деятельности церкви, её отношений с государством и т.д.»². В этой связи уполномоченным высылались директивы, которым они должны были следовать в рамках подготовки к их приезду.

Прежде всего, уполномоченные должны были установить контакт с местными властями, что неудивительно. Формально подчинённые председателю Совета по делам РПЦ уполномоченные фактически так или иначе должны были согласовывать все свои решения с руководством области, края или республики, на территории которых они осуществляли свою деятельность [5]. Результатом совместной работы должен был стать план, который требовалось представить в Совет не позднее 1 марта 1957 г. На выработку плана, таким образом, отводилось менее 2 месяцев, а между тем в нём значились 6 пунктов, где выполнение каждого требовало серьёзной работы.

Первым пунктом уполномоченным предписывался выбор конкретных храмов и монастырей, куда можно было бы приглашать иностранцев, для чего они должны были быть приведены «в надлежащий вид». Иными словами, чтобы они не выглядели разрушенными или разрушающимися, и у гостей фестиваля не возникло оснований упрекнуть совет-

скую власть в действительном её отношении к Церкви.

Второй пункт предполагал необходимость отбора и подготовки лиц из числа духовенства и церковного актива для встречи и сопровождения иностранцев при посещении ими храмов и монастырей. Это являлось одной из самых важных и сложных задач, т. к. помимо того что для её выполнения требовалось оценить способность и готовность местного духовенства к общению с зарубежными гостями, следовало также исключить с их стороны малейшую возможность отклонения от заранее составленных и утверждённых специальным документом ответов на различные вопросы, которые могли возникать в процессе бесед.

Третий пункт предписывал обеспечить порядок и безопасность на церковных объектах при посещении их иностранцами. Отдельно оговаривалось «недопущение наличия нищих в храмах и внутри оград». Думается, что выполнение этого указания не встретило никаких трудностей, т. к. решалось силами местной милиции.

В четвёртом пункте речь шла о духовных учебных заведениях, и, хотя адресовалась очередная задача «уполномоченным тех областей, краёв и республик, где имеются духовные учебные заведения», очевидно, что в документе имелась в виду Московская область с расположенными в г. Загорске духовными семинарией и академией. Для их посещения иностранцами требовалось также выбрать «лиц, которые могут ознакомить с постановкой учёбы».

Согласно пятому пункту необходимо было организовать своевременное информирование сотрудников Совета по делам РПЦ, руководящий состав которого в основном состоял из сотрудников НКВД–МГБ, о посещении иностранцами храмов и монастырей. Причём обязанность такого информирования следовало возложить на принимавшее иностранцев духовенство.

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 42. Л. 4, 5.

² Там же. Л. 4.

И, наконец, последний пункт плана предписывал привести «местными органами в порядок здания недействующих церквей, которые своим безобразным видом (ремонт, слом, лесá) могут привлечь внимание иностранцев»¹. Это указание переключается с требованием приведения в порядок храмов, куда предполагалось приглашать иностранцев. Примечательно, что «безобразным видом» в документе названо наличие на церковных зданиях лесов и вообще процесс ремонта, что на самом деле являлось свидетельством восстановления, но не разрухи, в которой уцелевшие храмы оказались благодаря репрессивной политике властей. Прямым следствием этой политики стал и упомянутый в числе характеристик безобразного вида недействующих церквей «слом».

Кроме того, в письме содержалось предложение о рекомендации духовенству не дарить иностранцам писаных икон, а ограничиться раздачей репродукций. О ходе выполнения намеченного плана и встречающихся к этому препятствий надлежало незамедлительно информировать Совет. Заканчивалось письмо ещё одним указанием на необходимость «во всём этом деле, особенно во время встреч и бесед», что прямо указывает на главную задачу, стоявшую в преддверии Фестиваля перед чиновниками Совета по делам РПЦ.

В мае 1957 г. был утверждён список учреждений Московской области, куда, разумеется, с рядом ограничений и в присутствии ответственных лиц, доступ иностранцам был разрешён. В числе таковых оказалось: 42 колхоза, 4 машинно-тракторные станции, 10 совхозов, 11 предприятий министерства речного флота (шлюзы, насосные станции и пр.), 2 яслей, 2 дома отдыха, 5 отделений милиции, 3 детских дома, 1 училище и 3 школы, 22 дома культуры и музея, 7 мест массо-

вых купаний и 7 «Русско-православных» (так в тексте – *В.Н.*) церквей²:

1. «Монастырь, духовная семинария и академия Троице-Сергиева лавра, трапезная, покои патриарха, г. Загорск;
2. Адриана и Наталии в г. Бабушкине;
3. Никольская, с. Пушкино, Пушкинского района;
4. Благовещенская, с. Братовщина, Пушкинского района;
5. Троицкая, пос. Удельная, Раменского района;
6. Преображенская, с. Юдино, Звенигородского района;
7. Казанская, с. Коломенское, Ленинского района»³.

Почему каждая из поименованных в списке церквей в него попала, в общем, понятно: все эти храмы должны были не только быть действующими, но и представлять собой, по возможности, широкую палитру православного зодчества. Что же касается Лавры, то её открытие в 1946 г. должно было восприниматься иностранцами как знаковое событие, касающееся вопроса новых отношений между государством и Церковью. Этим объясняется, что в перечень «Русско-православных церквей» вошли семинария с академией, а также покои Патриарха. Надо ли говорить, что все перечисленные храмы были в списке, составлявшемся ещё в 1955 г., когда в Совете по делам РПЦ решили выяснить, какие действующие церкви находятся на основных автомагистралях Московской области⁴.

Предположения властей о том, что многие гости Фестиваля (а всего приехало 34 000 человек из 131 страны мира) проявят значительный интерес к церковной жизни в СССР, подтвердилось в полной мере. Проведённая подготовительная работа среди иерархов и приходского духовенства дала свои плоды, и результатами прошедшего Фестиваля чиновники Сове-

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

² ЦГАМО. Ф. 7363. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–27.

³ Там же. Л. 27.

⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–21.

та по делам РПЦ остались довольны. Это нашло отражение в содержательной записке, составленной Г. Г. Карповым 21 августа 1957 г. по итогам Фестиваля для представления в ЦК КПСС¹. «В Москве и области, – писал Карпов, – а также в других городах были выделены, проверены и соответствующим образом подготовлены из числа клира и церковных советов, слушателей и преподавателей духовных учебных заведений лица, ответственные за приём зарубежных делегаций, которые во время фестиваля ежедневно дежурили в церквях, принимали иностранцев, проводили с ними беседы и отвечали на задаваемые вопросы». По подсчётам Совета, в дни Фестиваля московские храмы посетили более 6 000 человек. Значительное место в записке Карпова отводилось высказываниям иностранных гостей о том, как они были приятно удивлены положением Церкви в СССР, что, несомненно, являлось свидетельством успешной работы возглавлявшегося им ведомства: «Гости в подавляющем большинстве были удовлетворены ответами священнослужителей и заявляли, что теперь они узнали действительное положение религии в СССР. Характерно в этом отношении заявление марокканского корреспондента Доктаномы, которое он сделал в Тихвинской церкви с. Алексеевского: «Вся западная пропаганда о запрещении культа в СССР лживая, и я рад, что могу в этом убедиться собственными глазами. Для меня теперь понятно, что здесь государство и церковь могут жить, не враждуя и не уничтожая друг друга»... О впечатлениях гостей, посетивших Лавру и имевших там беседы, красноречиво говорят записи в книге посетителей: «На этом месте мы узнали, что духовная жизнь, глубокое верование в Советском Союзе не умерли. И. Лееб и И. Бецлер (ФРГ)». «Очень счастлив побывать в Советском Союзе и обнаружить, что в этой стране существует религия и религиозные об-

ряды. Б. Д. Хурст (Англия)». «Благодаря советскому режиму, народу и правительству, религия в стране очень уважаема. (Мексиканские журналисты)»².

Заканчивалась записка Г. Г. Карпова выразительно: «Следует отметить, что все церковники, принимавшие участие во встречах и беседах с участниками фестиваля, вели себя достойно и давали правильные и исчерпывающие ответы на все задаваемые им вопросы».

Однако говорить о том, что Церковь отныне станет выражать удобную для поддержания имиджа советской власти позицию, не приходилось. Так, в записи беседы Г. Г. Карпова с патриархом Алексием о его встрече с Н. С. Хрущёвым, составленной для ЦК КПСС 19 мая 1958 г., указывается, что патриарх сказал: «Я поставлен в совершенно неудобное положение. По природе своей я врать не умею, да и вряд ли кто-либо из вас хочет этого. Но я не могу верующему народу, обращающемуся ко мне, моим архиереям и тем более иностранцам, как это было, например, когда меня спросили совсем недавно приехавшие евангелисты из Западной Германии: «Открывают ли у вас церкви?», сказать, что открывают, т. к. я буду врать, а сказать – не открывают, нам отказывают, не удовлетворяют – я тоже не могу. Я ставил вопрос об этом потому, что я знал, что Совет сам находится в этом отношении в затруднении»³. Тем не менее попытки использования духовенства, в т. ч. и высших иерархов, с целью декорирования непростых отношений государства и Церкви в СССР продолжились и в дальнейшем.

² Там же.

³ Водопьянова З. К. и др. «Выделены, проверены и соответствующим образом подготовлены»: Документы об участии церковных организаций в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов 1957 г. в Москве. Вступительная статья [Электронный ресурс] // Альманах «Россия. XX век». Архив Александра Н. Яковлева URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1024540> (дата обращения: 18.05.2022).

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 134–141.

Заключение

Приведённые факты позволяют сделать вывод о том, что в течение первого послевоенного десятилетия, чрезвычайно важного для СССР в смысле демонстрации преимуществ социалистической модели развития перед капиталистической, власти прилагали значительные усилия для создания привлекательного образа церковно-государственных взаимоотношений. Несмотря на то, что действительное положение дел значительно отличалось от того, как его представляли западному наблюдателю, Церковь, будучи институционально зависимой от государства, вынуждена была поддерживать советское руководство в этой работе,

включавшей в себя как вполне отвечавшие церковным установлениям действия (например, участие в форумах в защиту мира и за снятие международной напряжённости), так и противоречащие им, такие как искажение, иногда существенное, по требованию чиновников Совета по делам РПЦ истинного положения Церкви в СССР в ответах на вопросы иностранцев. При этом желание произвести благоприятное впечатление на иностранцев зачастую приводило к прямым вмешательствам в церковную жизнь, а также к разрушению церковных зданий, находившихся в аварийном состоянии.

Дата поступления в редакцию 18.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Николай (Ярушевич), митрополит. На Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 8. С. 27–33.
2. Николай (Ярушевич), митрополит, Георгиевский Г. П., Смирнов А., прот. Правда о религии в России. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1942. 460 с.
3. Николай (Ярушевич), митрополит. Речь на Международной конференции по ослаблению напряжённости в международных отношениях // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 7. С. 29–33.
4. Никонов В. В., Ушатова Н. П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель: ГГУ, 2016. 616 с.
5. Потапова А. Н. Правовое регулирование деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1948 гг. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 6. С. 244–247.
6. Сосковец Л. И. Совета по делам религий как проводники государственной политики в отношении Церкви. // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 162–167.
7. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. Москва: Вече, 2010. 480 с.
8. Юнгблюд В. Т. Православная Церковь и власть в СССР в годы Второй мировой войны в оценках прессы США // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 1. С. 46–53.

REFERENCES

1. Nikolai (Yarushevich), Metropolitan. [At the Extraordinary session of the World Peace Council]. In: *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1952, no. 8, pp. 27–33.
2. Nikolai (Yarushevich), Metropolitan, G.P. Georgievsky, Alexander Smirnov, prot. *Pravda o religii v Rossii* [The truth about religion in Russia]. Moscow, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 1942. 460 p.
3. Nikolay (Yarushevich), Metropolitan. [Speech at the International Conference on easing tension in International Relations]. In: *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1954, no. 7, pp. 29–33.
4. Nikonov V. V., Ushatova N. P. *Za Khrista preterpevshiye. Tserkov i politicheskiye repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo rayona Moskovskoy oblasti. T. 1. Ramenskaya volost* [Those who suffered for Christ. The Church and political repressions of the 1920s–1950s on the territory of the Ramensky district of the Moscow region. Vol. 1. Ramenskaya volost]. Gzhel, GSU Publ., 2016. 616 p.
5. Potapova A. N. [Legal regulation of the board of commissioners for Russian Orthodox Church in 1944–1948 (on the materials of the South Ural Region)]. In: *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Agrarian University], 2013, no. 6, pp. 244–247.

6. Soskovets L. I. of the Council for Religious Affairs as agents of state policy towards the Church]. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2008, no. 6, pp. 162–167.
7. Shkarovsky M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 480 p.
8. Yungblud V. T. [The Orthodox Church and power in the USSR during the Second World War in the assessments of the US press]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2012, no. 1, pp. 46–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никонов Вадим Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, доцент;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Nikonov – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of History and Organization of Archival Activities, Russian State University for the Humanities;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никонов В. В. Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 55–66.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66

FOR CITATION

Nikonov V. V. Creating a positive impression of church-state relations in the USSR as a form of interference in church life in 1940–1950. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 55–66.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66

УДК: 94 (470), 339.92

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-67-74

ПОСТСОВЕТСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ТЕОРИИ И ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Петрик Л. С.

Московский государственный областной педагогический университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ феномена социокультурной идентичности.

Процедура и методы. При проведении исследования применены методы теоретического анализа, наблюдения, обобщения, интерпретации результатов.

Результаты. В статье исследуется актуализировавшееся явление социокультурной идентичности. Проблема представляется вполне своевременной с точки зрения как методологической «вооружённости» в конкретно-историческом исследовании, так и выработки подходов в оценке перспектив его развития в современном социальном процессе. На постсоветском пространстве социокультурный фактор становится вполне конкурентным инструментом интеграции и наращивает потенциал формирования нового мирового порядка вообще и интеграционных объединений в частности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теоретическое осмысление понятия социокультурного пространства и позволяют предложить его авторскую трактовку.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, постсоветское пространство, интеграция, глобализация, интеграционная политика

POST-SOVIET SOCIO-CULTURAL SPACE IN THEORY AND POLITICS OF MODERN RUSSIA

L. Petrik

Moscow Region State Pedagogical University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the phenomenon of socio-cultural identity.

Methodology. The methods of theoretical analysis, observation, generalization, interpretation of the results were used in the study.

Results. In the article, the author explores the actualized phenomenon of socio-cultural identity. The problem seems to be quite timely from the viewpoint of both methodological “armament” in a concrete historical study and the development of approaches to assessing the prospects for its development in the modern social process. In the post-Soviet space, the socio-cultural factor is becoming quite a competitive instrument of integration and is increasing the potential for the formation of a new world order in general and integration associations in particular.

Research implications. The results of the research contribute to the theoretical understanding of the socio-cultural space concept and allow us to propose the author’s interpretation.

Keywords: socio-cultural identity, post-Soviet space, integration, globalization, integration policy

Введение

Необходимость теоретического осмысления феномена социокультурного пространства обусловлена потребностями конкретно-исторического исследования идентичностей, очевидно проявляющихся в новейшей социальной реальности. Всё более значимыми в настоящее время становятся сущности субъективного характера, берущие свои истоки в материальных предпосылках, но обретающие самостоятельную «дееспособность», имеющую «обратную силу», вполне эффективно влияющую, в т. ч. на экономику, оказывающую воздействие на трансформацию политических процессов.

Кроме того, важность учёта нематериальных факторов социальной консолидации, осознанная не только академическим сообществом, разделяющим постмодернистские взгляды [12], но и элитами, породила отрасль политики, направленную на развитие транснациональных культурных идентичностей.

Традиция как основа социокультурной идентичности

В послевоенной истории политика, способствующая поддержанию культурных общностей, отчётливо обозначилась в усилиях колониальных держав, стремившихся удержать в своём «лоне» освободившиеся от гнёта, возникшие после его крушения независимые страны. И во многом такие усилия, например, применительно к странам Британского Содружества наций, оказались результативными.

Но вызывает сомнение и тот факт, что низкая эффективность политических мер России в этом направлении на постсоветском пространстве объясняет множество гуманитарных, политических и экономических проблем, возникающих между бывшими союзными республиками СССР и народами, на протяжении длительного исторического периода проживающими в едином государстве.

Проблема формирования и развития социокультурного пространства тесно связана с местом и ролью традиции в цивилизационном процессе. Именно традиционному обществу (наиболее протяжённому в историческом опыте) человечество обязано всем «багажом» духовных и нравственных ценностей.

Социальная система модерна, в течение которой развивался капитализм, внесла в «копилку» планетарной цивилизации иное достояние, центральное место в котором принадлежит, безусловно, закону и праву эмансипации человеческих устремлений к обогащению.

В неолиберальном представлении традиция являет собой не что иное, как рудимент, обречённый на историческое забвение, отрицаемый современностью.

Именно такой модус лежит в основе недооценки социокультурного фундамента развития общества, генерированного конструктивным потенциалом традиции. Так, игнорирование традиции при выработке политики «мультикультурализма» в Европе привело к её краху, что были вынуждены признать лидеры европейских стран. «Культурный модерн», положенный в основу миграционной политики, показал свою несостоятельность.

Попытка постсоветской России построить отношения с новыми независимыми государствами исключительно на рациональных принципах материальной выгоды в условиях активной их вестернизации оказалась также малопродуктивной. Очевидно, что в силу историко-культурного опыта место и роль традиции в социальном процессе большинства стран постсоветского пространства значительны, и попытка их революционного «замещения» достоянием Запада приводит к контрпродуктивному эффекту. Внедрение в общественные структуры вестернизированных институтов служит, как правило, ширмой или завесой фактического возрождения патриархальных паттернов социальной организации. Кроме того, отклонение от традиционных ориентиров

ведёт к «искривлению» исторически сложившихся направлений трансграничного взаимодействия.

В этой связи интересны данные, характеризующие отношение населения двух стран, наиболее вовлечённых в интеграционные процессы – Белоруссии и Казахстана. В Казахстане только половина граждан поддерживали политический курс руководства республики на сближение с Россией (в числе давших отрицательную оценку 78,7% – представители крупного и среднего бизнеса) [4, с. 45], а в Белоруссии, наиболее последовательно из стран СНГ реализующей политику сохранения социокультурного единства, 80% граждан положительно относятся к сближению с Россией¹. Вместе с тем позитивный опыт быстроразвивающихся азиатских стран, использующих традицию в качестве актуального конструкта, доказывает её важное социальное значение.

Органическая связь традиции, продуцирующей духовный «арсенал» прогресса составляет стержневой элемент социокультурной идентичности.

Вклад П. А. Сорокина в изучение социокультурного пространства

Первенство в разработке рассматриваемого социального феномена в отечественной науке принадлежит философу и социологу П. А. Сорокину. В работе «Социальная мобильность», впервые опубликованной в 20-е гг. прошлого столетия, он обосновал видение определённого социокультурного состояния («социального пласта») горизонтального или вертикального, перемещаясь в котором индивидуум или сообщество испытывают изменения в представлениях и ценностях [9, с. 2]. Причём описываемые им «социальные пласты» имеют динамическую направленность по восходящим и нисхо-

дящим трендам. Интерпретируя это положение интеллектуала применительно к современному социальному процессу, социокультурные перемещения могут быть связаны как с «восходящими лифтами», так и с консервацией анахронизмов и отсталости.

По мнению П. А. Сорокина, страты или «слои» (в нашем случае социокультурные идентичности) могут быть открытыми или закрытыми для культурного обмена. В этой связи представляет интерес положение, высказанное в работах В. Н. Бадмаева и З. А. Хутыза о том, что в силу своей мультикультурности постсоветское социокультурное пространство может служить механизмом коммуникации между региональной идентичностью стран ближнего зарубежья и глобальным информационным пространством, выступая «соединительной тканью современной глобальной интеграции». Но «возможна и другая модель, когда социокультурное пространство уменьшает степень притяжения между её составляющими, делая их обособленными и изолированными» [1, с. 21].

В структуре социокультурного взаимодействия П. А. Сорокин выделял 3 аспекта или уровня: «личность как субъект взаимодействия»; «общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами» и культуру «как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей (язык, религия и т. д.), которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения» [9, с. 53]. Следуя логике социолога, допустимо предположить, что социокультурное пространство выкристаллизовывается из экзистенционального опыта индивида, обусловленного, в свою очередь, богатой палитрой проявлений материальной и духовной культуры и органически встраиваемого в социальный процесс. Вместе с тем социокультурное пространство, выросшее на фундаменте

¹ 80% белорусов позитивно оценивают отношения между Россией и Беларусью // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2022/08/31/80-belorusov-pozitivno-ocenivaiut-otnosheniia-mezhdu-rossiej-i-belarusiu.html> (дата обращения: 09.10.2022)

социального и культурного опыта, оказывает «встречное» влияние на все стороны общественной и хозяйственной жизни социума.

Структура социокультурного пространства

Социокультурное пространство, как явление системное, имеет свою организацию, структуру и границы. Границы социокультурного пространства, хотя и менее заметны, чем границы материальной культуры, но всё же имеют вполне осязаемые очертания. Неслучайно в академическую лексику прочно вошли понятия, имеющие социокультурное измерение, но не имеющие естественно-физических характеристик. К таким понятиям относятся привычные для всех собирательные образы Востока и Запада [2].

Несмотря на то, что границы социокультурного пространства более размыты, чем государственные или региональные, их природа всё же предполагает территориальное измерение (ойкумену). Так, например, постсоветское социокультурное пространство, сложившееся в результате единства исторического опыта народов, населяющих территорию Российской империи, Советского Союза и, отчасти, наличия интеграционных процессов новых независимых государств после его распада, включает национальные социокультурные пространства бывших союзных республик и даже имеющих вследствие незавершённости нациогенеза, общностей, их разделяющих (Восточной и Западной Украины, Севера и Юга Киргизии, Молдовы и Приднестровья, Центра, Севера и Юга Казахстана и т. д.)

Отдельные исследователи склонны видеть в постсоветском социокультурном пространстве подпространства, включающие: «а) подпространства культурных реалий современности; б) советской эпохи; в) культурных проявлений отечественной и мировой истории прошедших веков» [10, с. 52].

Социокультурное пространство – явление со сложной организацией и множеством подсистем: материальных, духовных, метафизических, знаковых и символических (обычаев, традиций, верований и т. д.), индивидуальных и групповых культурных предпочтений и т. д., сочетания которых определяют многообразие социокультурных идентичностей, сообществ и пространств.

Учёные выделяют объективные условия и факторы структурирования социокультурного пространства. К таковым, по их мнению, относятся:

- естественные, связанные с географическим положением, экологией, климатом и т. д.;

- социальные, подразумевающие особенности разделения труда, структуру и стратификацию общества;

- культурные, включающие уровень действующих социокультурных норм и ценностей [6, с. 12].

Условия и факторы реализуются в конкретно-исторических формах. В свою очередь, естественные, экзистенциальные и материальные факторы обуславливают духовное наполнение социокультурного пространства, основополагающие мотивы поведения, интересы и ценности объединяемых им субъектов.

Субъективно-объективная природа социокультурного пространства определяет то, что привычно именуется «образом жизни».

Образ жизни, результирующий исторически обусловленное состояние социокультурного пространства, производится в организации материальных и социальных практик, в т. ч. в профессиональных ориентациях, способах ведения общественного хозяйства, в социальной коммуникации, взаимодействии, включая основы семейного и группового общежития, в механизмах социализации (например, родовом, клановом в постсоветской Центральной Азии [8]), в бытовых предпочтениях.

В качестве механизмов формирования социокультурного пространства П. А. Сорокин указывал, помимо прочего, на семью, традиции, язык, религию и профессиональные предпочтения.

Важнейшим фактором формирования человеческих общностей, в представлении социолога, являются взаимодействия, которые связывают людей внутри населения определённой страны. А «популяции, связанные между собой определённым образом, включают в народонаселение земли» [11].

Исходя из логики П. А. Сорокина, социокультурная транснациональная консолидация возникает по «горизонтали» между людьми, разделяющими одни ценности, обусловленные общностью цивилизационного мировоззренческого опыта, в русле которого формируются бытовые, религиозные, духовные и другие «скрепы».

В этой связи социокультурная идентичность – это не просто субъективная сущность, но феномен, генезис которого коренится в историко-культурных основаниях и является активной субстанцией, отражающейся в т. ч. в социально-экономическом процессе. Например, собранные в едином социокультурном пространстве люди имеют схожее отношение к собственности, организации власти, традициям, нравственным нормам: равенства, справедливости и т. д.

Так, в обществах (в большинстве постсоветских), длительное время развивающихся в лоне традиционной (аграрной) экономической системы, практически повсеместно наблюдается отсутствие развитого правового поля, что объясняется доминированием на протяжении длительного исторического периода коллективных форм труда, общинной собственности. Как известно, право и закон, как основной социальный скреп стран западной культурной традиции, стали результатом становления института частной собственности, формирование которого в странах ближнего зарубежья

не завершилось и в наши дни. Надо ли специально подчёркивать, что указанное направление их общественного развития определило качество семейных отношений, традиции (например, особую роль помощи, соучастия в жизненных трудностях и т. д.)

Американский социолог У. Уорнер предположил, что социальные общности формируются при помощи «институционального членства», т. е. принадлежности к традиционным структурам – семьям, общинам, кругу общения, определяемым фундаментальными основаниями [13, с. 37]. Это указание, с точки зрения понимания социокультурной интеграции, имеет весьма важное значение.

Социокультурная идентичность формируется с целью передачи или обмена информацией. Коммуникация, о которой идёт речь, предполагает использование знаковых систем – языка или способов (литературными, художественными и т. д.) его использования. Социокультурное взаимодействие является источником динамики и изменений пространства определённой идентичности. Например, убывание или, напротив, нарастание культурного взаимодействия в рамках сложившейся социокультурной общности обуславливают глубину интеграции и масштабы её распространения.

Подвижность и способность социокультурного пространства к интеграции предполагает его имплементарность внешнему культурному влиянию. Сложившаяся социокультурная общность может «впитывать» культурный опыт и послы извне, в т. ч. и те, которые способны на существенную «коррекцию» устоявшегося ценностного контента. При этом следует заметить, что культурное «достояние», идущее в разрез с укоренёнными традициями и ценностными ориентирами не интегрируется в ткань социокультурного организма, опосредованного историко-культурным опытом того или иного сообщества.

Системообразующая роль ядра социокультурного пространства

Современный социальный процесс презентует достаточно примеров контрпродуктивных попыток безоглядного копирования «передовых» западных моделей общественного развития. Имея в виду открытость социокультурного пространства, оставшегося «в наследство» от существования Российской империи и Советского Союза, В. Г. Егоров и О. В. Савина считают абсолютно бесперспективным направление его развития в сторону обращения РФ в транслятор «прогрессивных» западных ценностей в ближнем зарубежье [4, с. 42]. В условиях убывания лидирующих позиций Запада продавливание ценностей становится не менее важным инструментом их сохранения, чем экономическое, финансовое или военно-политическое давление. Действенность продвижения идей «Большого Запада» с целью роста «привлекательности главных ценностей» для других культур с целью продуцирования «всеобщей демократической культуры» очевидна не только с точки зрения геополитической, но и в связи с поиском механизмов обретения внутренней устойчивости странами «золотого миллиарда» [3, с. 35].

Принципиальное значение имеет указание учёных о наличии в социокультурной системе ядра, которое обеспечивает «сохранение идентичности при социокультурных изменениях» [5]. Ядро социокультурного пространства, с одной стороны, обеспечивает стабильность системы, а с другой стороны, в отличие от периферии, наиболее подвержено волатильности. Такая постановка вопроса позволяет не только увидеть системообразующий элемент устойчивости сложившихся идентичностей, но и адекватно определить логику их трансформаций в конкретно-историческом исследовании.

По мнению А. И. Ракитова, ядро представляет собой наиболее устойчивый элемент системы, но при этом «не может оставаться неизменным в абсолютном смысле»:

Однако «трансформация ядра культуры не должна нарушать её специфики, самоидентичности и индивидуальности, с выделяющей и сохраняющей её в семье мировых культур» [7, с. 24]. Умирание ядра или его неспособность осуществления системообразующей роли влечёт за собой разрушение социокультурного пространства.

Концепт ядра, составляющего основу социокультурной идентичности, даёт возможность определить исследовательскую стратегию места и роли России в сохранении и развитии социального единства стран постсоветского пространства. После распада советского государства Россия (исторически выполнявшая роль ядра единого социокультурного пространства) постепенно утрачивала функцию организующего центра. Во-первых, потому что «не восстановилась от собственного кризиса, продолжавшегося почти 40 лет и усугублённого курсом 1990-х на вхождение в западную цивилизацию любой ценой»¹.

Во-вторых, в силу нерешённости главного вопроса обретения цивилизационной субъектности в условиях осознания нерелевантности «встраивания» в западную перспективу общественного развития. «От того, насколько быстро её удастся восстановить, зависит само существование России и её роль в будущем мироустройстве», как и полноценное положение центра интеграции постсоветского пространства.

Характеристика социокультурного пространства предполагает его позиционирование в мегатренде глобализации.

Глобализация, оцениваемая как процесс преодоления национальных границ информационными потоками, имеет главное последствие в генерировании нового структурного уровня социокультурного пространства – виртуального, который, в свою очередь, предполагает

¹ Поросков Н. Москва ищет своё место в новом мире // Независимое военное обозрение: [сайт]. URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2022-11-10/1_1213_moscow.html (дата обращения: 17.10.2022).

качественно иную глубину и динамику культурного обмена, коммуникативности и социальных последствий.

Заключение

Анализ пройденного в направлении теоретического осмысления понятия социокультурного пространства позволяет предложить его авторскую трактовку.

Социокультурное пространство – это феномен, в основе которого лежат долговременные культурные коммуникации, общность культурных предпочтений и ценностей, обусловленный социальными тождествами, проявляющимися в историческом процессе, обеспечиваемом лингвистическим, духовным и экзистенциальным единством субъектов социального процесса, в т. ч. транснационального.

Разработка понятийного аппарата в научном осмыслении феномена социокультурного пространства приобретает в настоящее время особую актуальность. Во-первых, в связи с обострением цивилизационного противоборства, на острие которого, как и в годы холодной

войны, вновь выдвигаются ценностные аргументы, призванные обеспечить значимость конкурирующим стратегиям общественного развития. Во-вторых, потому что информатизация планетарного пространства активизирует культурный обмен и повышает социальную значимость диалектического противоречия универсальности и идентичности, в контенте которого социокультурная коннотация имеет приоритетную роль. И, наконец, в-третьих, социокультурное пространство в конкретно-историческом процессе приобретает вполне осязаемые очертания. По косвенным признакам (например, в расширении круга стран, изъявляющих желание присоединиться к международным организациям, находящимся вне пределов западного мейнстрима), социокультурный фактор в целом, и на постсоветском пространстве в частности, становится вполне конкурентным инструментом интеграции или деструкции.

Дата поступления в редакцию 10.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадмаев В. Н., Хутыз З. А. Постсоветское социокультурное пространство как культурно-идентификационный интегратор // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 2. С. 19–22.
2. Байдаров Е. У. Проблемы дихотомии «Запад-Восток», «Восток-Запад» в глобалистике // Credo New. 2007. № 4. С. 9.
3. Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад // Россия в глобальной политике. 2012. № 1. С. 35–37.
4. Егоров В. Г., Савина О. В. Общая культурно-цивилизационная основа – фактор реинтеграции постсоветского сообщества // Обозреватель-Observer. 2012. № 12. С. 42–50.
5. Ищенко Н. С. Проблемы теоретического осмысления социокультурных трансформаций // Философско-культурологические исследования: [сайт]. URL: <http://fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (дата обращения: 02.12.2022).
6. Колинко И. В. Социологические основы развития социокультурного пространства // Теория и практика общественного развития. 2005. № 3. С. 12–13.
7. Ракитов А. И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 24–25.
8. Рекк Д. А., Егоров В. Г. Клань в постсоветской Центральной Азии. СПб.: Алетей, 2022. 198 с.
9. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
10. Цукерман В. С. Единое социокультурное пространство: аспекты рассмотрения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 2 (18). С. 49–55.
11. Чесноков В. Ф., Уильям Л. Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Человек, сообщество, управление. 2007. № 1. С. 116–117.
12. Эшли Р. К. Политический реализм и интересы человека // Ежеквартальный журнал международных исследований. 1981. Т. 25. Вып. 2. С. 204–236.

13. Warner W. L., Meeker M., Eells K. *Social Class in America: f Manual of Procedure for the Measurement of Social Status*. Chicago: Science Research Associates, 1949. 298 p.

REFERENCES

1. Badmaev V. N., Khutyz Z. A. [Post-Soviet socio-cultural space as a cultural-identification integrator]. In: *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [Bulletin of the Maikop State Technological University], 2014, no. 2, pp. 19–22.
2. Baydarov E. U. Problems of the dichotomy «West-East», «East-West» in global studies]. In: *Credo New*, 2007, no. 4, pp. 9.
3. Brzezinski Z. [Balance the East, renew the West]. In: *Rossiya v globalnoy politike* [Russia in global affairs], 2012, no. 1, pp. 35–37.
4. Egorov V. G., Savina O. V. [General cultural and civilizational basis - a factor in the reintegration of the post-Soviet community]. In: *Obozrevatel-Observer* [Obozrevatel-Observer], 2012, no. 12, pp. 42–50.
5. Ishchenko N. S. [The Problems of theoretical comprehension of sociocultural transformations]. In: *Filosofsko-kulturologicheskiye issledovaniya* [Philosophical and cultural studies]. Abstract at: <http://fki.lgaki.info/2018/10/01/проблемы-теоретического-осмысления/> (accessed: 02.12.2022).
6. Kolinko I. V. [Sociological foundations for the development of socio-cultural space]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2005, no. 3, pp. 12–13.
7. Rakitov A. I. [A new approach to the relationship of history, information and culture: the example of Russia]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 4, pp. 24–25.
8. Rekk D. A., Egorov V. G. *Klany v postsovetskoy Tsentral'noy Azii* [Clans in Post-Soviet Central Asia]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2022. 198 p.
9. Sorokin P. A. *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo* [Man. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat Publ., 1992. 543 p.
10. Tsukerman V. S. [Unified socio-cultural environment: treatment aspects]. In: *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kultury i iskusstv* [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts], 2009, no. 2 (18), pp. 49–55.
11. Chesnokov V. F., William L. [Pitirim Sorokin: social stratification and social mobility]. In: *Chelovek, soobshchestvo, upravleniye* [Man, community, management], 2007, no. 1, pp. 116–117.
12. Ashley R. K. [Political realism and human interests]. In: *Yezhekvartalnyy zhurnal mezhdunarodnykh issledovaniy* [Quarterly Journal of International Studies], 1981, vol. 25, iss. 2, pp. 204–236.
13. Warner W. L., Meeker M., Eells K. *Social Class in America: f Manual of Procedure for the Measurement of Social Status*. Chicago, Science Research Associates. 1949. 298 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрик Лилия Степановна – соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: mo_mgou@mosreg.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lilia S. Petrik – External Postgraduate Student, Department of Recent History of Russia, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: mo_mgou@mosreg.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Петрик Л. С. Постсоветское социокультурное пространство в теории и политике современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 67–74.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-67-74

FOR CITATION

Petrik L. S. Post-soviet socio-cultural space in theory and politics of modern Russia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 67–74.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-67-74

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК: 323.1

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-75-82

«ПРУССКИЙ ТАЦИТ» БАРТОЛЬД НИБУР: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ И ИТАЛИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Сазонова Т. А.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Провести анализ историко-политического аспекта научного дискурса Германии и Италии в начале XIX в.

Процедура и методы. В статье рассмотрен конкретный пример полемики учёных двух стран. Освещены аргументация и формы полемики, связь с политическими течениями. При проведении исследования применены методы сравнения, обобщения, интерпретации результатов и политико-текстологический анализ.

Результаты. В ходе работы была выявлена роль источников, ставших причиной борьбы двух академических центров. Кроме того, автором обоснован вывод о влиянии на конфликт национального компонента.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение социально-политической мысли Европы XIX в., затрагивая актуальные проблемы современности – исторической политики и реституции.

Ключевые слова: историческая политика, Geschichtspolitik, источники, реституция, Нибуэр, Римская церковь, Германия, Италия

THE «PRUSSIAN TACITUS» BARTHOLD NIEBUHR: HISTORICAL POLICY IN GERMANY AND ITALY IN THE EARLY 19TH CENTURY

T. Sazonova

*Lomonosov Moscow State University
Leninskiye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conduct an analysis of the historical and political aspects of the academic controversy between German and Italian historians in the early 19th century.

Methodology. The origin of the disagreement among the scientists of both countries is reviewed in the article. The arguments and polemics forms are traced, as well as the connection with political movements. Such methods as comparison, synthesis, interpretation of results, political and textual analysis were applied in the work.

Results. The article shows the role of the sources which became the cause of struggle between the two academic centers. Besides, the author draws a conclusion on the impact of the national component on the conflict.

Research implications. The research results contribute to the study of socio-political ideas of Europe in the 19th century. It also concerns the contemporary problems of historical policy and restitution.

Keywords: historical policy, Geschichtspolitik, sources, restitution, Niebuhr, Catholic Church, Germany, Italy

Введение

Исторические дисциплины всегда были неотделимы от политики и подвержены политической цензуре в неменьшей степени, чем свобода слова. Значимую роль в этом деле играли источники, на основании которых строились исследовательские догадки и предположения; и потому они всегда представляли интерес для тех политиков, что стремились, овладев прошлым, утвердиться в будущем.

Среди крупнейших политических фигур XVIII–XIX вв. таким был Наполеон, жаждущий подчинить себе не только само человеческое существо, но и историю. Его итальянская кампания окончилась изъятием из библиотек Милана, Рима, Венеции древних рукописей и палимпсестов. Согласно договорённостям Венского конгресса, изъятые рукописи должны были вернуться обратно в Италию, претендовавшую (на правах имевшихся источников) на звание главного археографического центра Европы.

Конкуренцию Италии составляла Пруссия и в целом Германия, которая славилась своей академической подготовкой, в т. ч. и в исторической науке. Несмотря на трудности с финансированием, в германских землях по-прежнему открывались университеты, а их лоно рождало авторов новых научных методов. В их числе был Б. Г. Нибуhr, отметившийся и на политическом поприще [3, с. 26–58]. Такие, как он, пытались пробиться в Италию для обретения новых источников знаний, столкнулись с глухим сопротивлением. Расхождение в методах и принципах исследования породило в академи-

ческой среде двух стран соперничество, которое отнюдь не исчерпывалось научной спецификой.

В столкновении двух центров – немецкого и итальянского – помимо академической стороны вопроса присутствовал политический аспект. В то время как итальянская историческая наука была тесно связана с деятельностью католической церкви, сосредоточившей внутри своих библиотек (Ватиканской, Амброзианской и др.) и архивов много древних источников и представлявшей собой не только духовный, но и влиятельный политический институт, прусская учёная коргорта имела поддержку со стороны первых лиц государства; нередко это были фигуры, задействованные как в политике, так и в науке, например, Гумбольдт или сам же Нибуhr. Борьба за первенство в науке сливалась с национальной рознью; существенную роль в этом вопросе играла политическая раздробленность, которую переживала каждая из стран. Положение усугублялось последствиями наполеоновских войн (хотя в случае с Италией это имело свои нюансы, как, например, политика, проводимая правительством Ж. Бонапарта в Неаполе, и те элементы гражданской жизни, которые он успел привнести [10, pp. 113–114, 177]). Наряду с азартом первооткрывателей причиной соперничества двух интеллектуальных центров была национально-идеологическая конфронтация. Не имея достаточных средств для восстановления, каждая из сторон боролась за право причислить себя к наследникам великой Римской империи, оспаривая притязания друг друга.

Борьба за науку

Претензии немецкого антиковедения к итальянской науке во многом сводились к обвинению её в пренебрежении языками – латынью и древнегреческим. Имея доступ к сохранившимся богатым коллекциям предметов древности и документов, далеко не все учёные Италии (прежде всего, Рима) в должной мере знали языки, что приводило к ошибочной идентификации и неизбежным переоценкам [14, р. 183]; в этом сознавались сами итальянцы [13, р. 71].

Широта взглядов и научный интерес толкали немцев на дальнейшие свершения, в т. ч. на критику сложившихся итальянских традиций в истории, литературе. Однако вследствие подобного рода «посягательств» (наиболее ярким стал спор, инициированный мадам де Сталь после публикации её статьи «О духе и пользе переводов» в одном из миланских журналов [4]) ревнители классической итальянской культуры были склонны к тому, чтобы рассматривать любое вмешательство со стороны как культурную интервенцию, а немецкую филологию – как своего личного врага. Эта реакция не была беспочвенной. Помимо того, что Италия представляла собой бескрайнее поле для научной деятельности, мнение о ней историков и публицистов нередко пересекалось с политической повесткой. Так, журнал, в котором была опубликована статья де Сталь, создавался как инструмент культурной политики австрийских властей.

Ещё одним обстоятельством, порождавшим в немецких и итальянских академических кругах неприязненное отношение друг к другу, стало расхождение в принципах цитирования. В то время как для итальянцев цитирование давних авторитетов было непреложной традицией, их научные противники видели в этом изжившую себя привычку, от которой они давно отошли [10, р. 52–53]. Отпечаток накладывало пребывание в со-

ответствующей среде – на начало XIX в. итальянские города были главным средоточием древних текстов. Вследствие этого местные учёные, нередко занимавшие высокие и влиятельные посты внутри Римской церкви, были склонны рассматривать имеющиеся у них научные реликвии как личную собственность, в связи с чем отсутствие должного упоминания воспринималось ими как проявление открытого неуважения к авторитету их авторов, и косвенно – к своему собственному. Критикуя методы работы немецких учёных, итальянский филолог А. Пейрон писал о своём намерении излить свой гнев на немцев, которые, по его мнению, слишком часто и произвольно вмешивались в тексты [13, р. 64].

Другой причиной мог быть аспект, связанный с цензурой. В то время как в Германии прецедент Лютера положил начало традиции, располагавшей к более вольному толкованию текстов, в странах, где преобладал католицизм, действовала Святая инквизиция. Те, кто хотел сказать больше, избежав обвинения в ереси, были вынуждены искать способы сделать это легитимно. Иногда это было обусловлено цензурой не только церкви, но и действующей власти; говоря об узурпаторе Медичи, Макиавелли пишет от лица его противников [6, с. 387]. В дальнейшем привычка частого цитирования сохранилась, став частью итальянской науки. В свою очередь, немецким историкам большая степень свободы позволяла писать от своего имени, не пытаясь отгородиться цитатами древних классиков, как считом. Во времена Нибура в Германии (а также в Англии, которая, несмотря на весь прогресс, в ряде случаев оставалась глубоко консервативной) таких, как он, могло ожидать публичное порицание, вызванное свержением древних исторических идолов, но не более того [12].

Таким образом, методы итальянских учёных заставляли их придавать текстам слишком большое значение, теряя из виду если не истину, то, в конечном итоге, цель

собственного исследования. В то время как немецкая традиция демонстрировала тенденцию к новаторству, как это было в случае с Нибуром, иллюстрирующим древность примерами, взятыми из современности, итальянская наука нередко обращалась в прошлое, отрешаясь от реалий сегодняшнего дня. Помимо этого, при знакомстве с историческими трудами итальянских авторов немецкие учёные отмечали низкое качество издания, в частности, малоудобную систему транскрибирования палимпсестов – систему, которую Нибур открыто критиковал в своём отчёте Прусской академии наук и которая оставляла за первооткрывателем знание нюансов оригинала [13, p. 59].

Римская церковь, в свою очередь, не оставалась безмолвной; её кардиналы использовали все имеющиеся полномочия, чтобы, затмив своих соперников, утвердить собственную правоту. Самым распространённым средством был запрет на использование литературы или вовсе посещение библиотеки. Нередко это действовало и в отношении собственных учёных, даже таких именитых первооткрывателей, как Пейрон. Другим видом «санкций» мог стать негласный запрет на печатание статей: разжившись широким кругом влиятельных и полезных знакомств, кардиналы при случае оказывали влияние на итальянских редакторов, заставляя их отказывать в публикации [13, p. 19–23].

Нельзя сказать, что в Германии ситуация с распространением иностранных произведений обстояла разительно иначе. Вследствие жёсткой государственной цензуры лучшие учёные страны могли не знать о том, какие громкие открытия были совершены «по другую сторону Альп» (что впоследствии дало повод противникам Нибура спекулировать на нюансах в деле открытия им Гая). Будучи распространённой, печатная деятельность в ряде немецких государств относилась к сфере политических привилегий. Однако если в Прусской академии

наук цензура осуществлялась «сверху», то внутри Римской церкви она действовала не только на общих основаниях, но и по личному усмотрению её кардиналов, усиленная круговой порукой.

В то же время, несмотря на обоюдную критику и порой бескомпромиссное противоборство, интерес к древним текстам в Германии в ряде случаев восходил к стараниям именно итальянских учёных, например к Шипионе Маффеи, чьи графики натолкнули Нибура на поиски палимпсеста, оказавшегося впоследствии «Институциями» Гая. Не только в Германии, но и в Италии такие исследователи, как Пейрон и А. Май достигли немалых успехов в области поиска и исследования древних произведений, хотя и с разной тщательностью и разными методами работы (а результаты исследований итальянских учёных в XX в. и вовсе позволили им одержать академический реванш [2, с. 62]).

Тем не менее для Нибура вопрос значимости итальянских учёных для исторической дисциплины ставился под сомнение. Существенную роль в его взглядах на дальнейший академический потенциал Италии сыграли наблюдения за итальянцами в Риме в ходе дипломатической миссии [7]. Обнаруженное невежество римских граждан и старомодная, порою мнимая учёность папских кардиналов, стоявших скорее ближе к средневековым схоластам, нежели к учёным Нового времени делали их в глазах Нибура недостойными обладания бесценных реликвий истории, что проявилось при первом удобном случае – в ходе Венского конгресса.

Борьба за источники – борьба за историю

Нибур, зная, что в результате Венского конгресса итальянские книги и рукописи, изъятые Наполеоном, будут возвращены назад, обращается к прусским властям с просьбой отправить его в Париж, чтобы забрать всю ценную литературу в Бер-

лин. Сперва он пишет королю Фридриху Вильгельму III, несколько дней спустя – прусскому военачальнику Нейдхардту фон Гнейзенау [13, р. 132]. Однако ни король, ни вышестоящие министры не откликнулись на его просьбу. В течение месяца Нибур продолжал настаивать на легитимности предложенного им плана, доказывая его справедливость тем, что некогда часть упоминаемых рукописей исторически принадлежала библиотекам Гейдельберга. Впоследствии некоторые латинские и греческие рукописи из библиотеки Гейдельберга действительно были возвращены туда в 1815 и 1816 гг. – по неоднократной инициативе местных профессоров и благодаря посредничеству прусского правительства и великого герцога Бадена. Тем не менее дерзкий план Нибура не был реализован, хотя, по его мнению, немцы имели все основания получить неограниченный доступ к этой великой культурной и интеллектуальной собственности – как минимум, на правах наиболее учёной нации.

Эту мысль Нибур чуть более полно раскрывает во введении первого тома «Римской истории» [11, р. IX]. В нём он восходит до патриотического пафоса, свойственного ему, когда речь заходила о судьбе немецкого государства и народа (подобно многим своим современникам, в соответствующих случаях Нибур говорил о «народе», «нации» и «Германии» в целом). Косвенно упоминая о важнейших событиях тех лет – крушении прежних политических институтов в Европе и угрозе французской интервенции, ставшей реальностью, – историк пишет о них как о сыгравших неоспоримо важную роль в формировании немецкой нации (со временем эта концепция подверглась пересмотру [8]). Соппротивление политическим вызовам Нового времени побудило население разрозненных немецких земель – бывших осколков Священной Римской империи – к тому, чтобы, объединившись, почувствовать себя единым целым, ощутив собственное призвание к

изучению древней истории. Такое определение миссии для немецкой нации приводит Нибура к сравнению её с древнеримским историком Тацитом, отличившимся попыткой правдиво описать исторические события, избежав придворных условностей. «Мы ощущали себя Тацитом» – фраза, которая среди исследователей Нибура стала во многом расхожей и даже крылатой (апофеозом стала его биография за авторством министра иностранных дел Бонна с соответствующим названием [15]). В дальнейшем мысль об идентичности с Древним Римом Нибур подтверждает ещё раз, проводя параллель между нынешним временем и античной давностью [11, р. X].

Утверждая незримую связь между народами древности и современниками, Нибур стал одним из тех, кто озвучил запрос немецкого общества на национальную идею. Изучение истории древних римлян подразумевало сближение с ними, тень их величия падала на немецких исследователей. Это давало возможность говорить о Германии как о едином, несмотря на бытующие реалии, и прославленном государстве, с другой стороны – как о «стране учёных»; образ политического будущего, который сложился у Нибура ещё в юношеские годы в период его пребывания в Англии. Такой взгляд на призвание нации способствовал складыванию в европейских умах, наряду с персонажем зажиточного бюргера, образа учёного-немца, представленного с трагедийной стороны Гёте («Фауст») и развитого в стихотворении А. И. Полежаева (1804–1838) до гротеска [5].

Заключение

Таким образом, за критикой научных методов (во многом небеспочвенной) скрывалась дискуссия о том, кто в большей степени вправе обладать источниками, представлявшими собой истинную суть спора и, в контексте их политической значимости, особый вид исторического наследия. Немецкая сторона в лице

Нибура претендовала на них на правах наиболее «учёной» нации, более квалифицированной с точки зрения науки; для итальянцев это был вопрос личной собственности, действующей по принципу приобретательной давности (юрид. термин). Пристальное изучение данного дискурса позволяет углядеть в нём ряд актуальных политических проблем, одной из которых является проблема реституции.

Возвращение культурных ценностей в ходе Венского конгресса стало первым общеевропейским прецедентом подобного рода. Возникшая при этом проблема реституции существует до сих пор. Особо сильное звучание она приобрела после Второй мировой войны, когда был поставлен вопрос о возврате собственности, реквизированной Третьим рейхом. Сегодня её актуальность по-прежнему высока: золото Шлимана, египетская коллекция Британского музея и ряд других экспонатов, изъятых в ходе раскопок со своей исторической родины, в отношении которых уже давно не действует принцип провенантности [9]. Другим аспектом, не менее злободневным, является проблема исторической политики (Geschichtspolitik). Возникшее в Германии в конце прошлого века понятие было

заимствовано другими странами, став одним из ключевых приёмов современных политических практик (укрепление идентичности через позитивную оценку собственной истории [1]).

Владение источниками открывало широкие возможности в области интерпретации истории, позволяя привлечь прошлое на службу сегодняшнего дня. Работая рука об руку, историческая наука и историческая политика были способны обеспечить более прочное положение на политической арене; в этом нуждались и Германия, и Италия. Делая всё возможное, чтобы разрешить ситуацию в свою пользу, каждая из сторон задействовала властный ресурс. Будучи политическим деятелем, Нибур имел существенную поддержку со стороны первых лиц государства (или, по крайней мере, возможность обратиться к ним напрямую). В случае итальянской стороны это была власть, которой обладал служитель католической церкви на посту префекта библиотеки. Анализ описанного дискурса позволяет не только выявить названные проблемы, но и установить их тесную взаимосвязь.

Дата поступления в редакцию 07.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Бубнов А. Ю. Историческая политика и борьба интерпретаций коллективного прошлого в публичной сфере // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 4. С. 3–12.
2. Графтон Э. От полигистора к филологу (как преобразилась немецкая наука об античности в 1780–1850-е годы) / пер. с англ. С. Силаковой // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 59–92.
3. Классен Й. Бартольд Нибур, его жизнь и деятельность / пер. с нем. Л. О. Вейнберга. М.: Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1894. 114 с.
4. Лозинская Е. В. Диспут о романтической и классической поэзии в Италии в 1816–1820 гг. // Литературоведческий журнал. 2018. № 44. С. 190–219.
5. Полежаев А. И. Четыре нации // Полежаев А. И. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1987. С. 67–69.
6. Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли // Макьявелли Н. История Флоренции / пер. Н. Я. Рыковой. М.: Наука, 1987. С. 352–390.
7. Сазонова Т. А. Проблема народного духа в итальянских путевых заметках Ф. Либера (1820-е гг.) // SCHOLA-2021: сб. науч. статей / под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2021. С. 718–724.
8. Стерхов Д. В. Новая концепция немецких Освободительных войн (1806–1815 гг.) в трудах Уте Планергт // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2. С. 138–152.

9. Стефко М. С. Колониальное наследие французских музеев и проблема реституции: по следам дискуссии вокруг доклада Б. Савуа – Ф. Сарра // *Наследие и современность*. 2020. № 3 (2). С. 36–43.
10. Lieber F. *Reminiscences of an Intercourse with Mr. Niebuhr, the historian, during a residence with him in Rome, in the years 1822 and 1823*. Philadelphia: Carey, Lea & Blanchard, 1835. 192 p.
11. Niebuhr B. G. *The History of Rome*. Vol. I. Cambridge, 1828. 556 p.
12. Vance N. *Niebuhr in England: History, Faith, and Order* // *British and German Historiography 1750–1950: Traditions, Perceptions and Transfers* / B. Stuchtey, P. Wende, eds. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 83–98.
13. Varvaro M. *Der «Glücksstern» Niebuhrs und die Institutionen des Gaius. Deutsch-italienische Wissenschaftspolitik im frühen 19. Jahrhundert*. 2. erweiterte Auflage. Heidelberg: M+M-Druck GmbH, 2014. 223 p.
14. Varvaro M. Zwei wiederentdeckte Briefe Niebuhrs vom 23.9.1816 und ein anonymers Aufsatz in der 'Allgemeinen Literatur-Zeitung' // *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 80, 2012. P. 171–209.
15. Witte B. C. *Der preussische Tacitus. Aufstieg, Ruhm und Ende des Historikers Barthold Georg Niebuhr, 1776–1831*. Düsseldorf: Droste, 1979. 223 p.

REFERENCES

1. Bubnov A. Yu. [Historical politics and struggle of interpretations of collective past in the public sphere]. In: *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2017, vol. 4, pp. 3–12.
2. Grafton A. [Polyhistor into Philolog: Notes on the Transformation of German Classical Scholarship, 1780–1850]. In: Silakova S., transl. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 2006, no. 6 (82), pp. 59–92.
3. Classen J. *Barthold Niebuhr, his life and works* (Rus. ed.: Weinberg L. O., transl. *Barthold Niebuhr, ego zhizn i deyatelnost*. Moscow, Vyschayshe prestizhnoye T-vo Spechatroni A. A. Levenson Publ., 1894. 114 p.
4. Losinskaja E. V. [The dispute about the classical and the romantic poetry in Italy in 1816–1820]. In: *Literaturovedcheskij zhurnal* [The literary journal], Moscow, 2018, no. 44, pp. 190–219.
5. Polezhaev A. I. *Chetyre natsii* [Four nations] In: Polezhaev A. I. *Stihotvoreniya i poemy* [Poems and poetry]. Leningrad, Sovetskij pisatel Publ., 1987. P. 67–69.
6. Rutenburg V. I. *Life and writings of Niccolo Machiavelli* (Rus. ed.: Rykova N. Y., transl. *Niccolo Machiavelli. Istoriya Florencii*. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 352–390).
7. Sazonova T. A. [The issue of national spirit in the Italian travel notes by F. Lieber (1820s)]. In: Shutov A. Yu., Shirinyants A. A., eds. *SCHOLA-2021* [SCHOLA-2021]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo Universiteta Publ., 2021, pp. 718–724.
8. Sterkhov D. V. [The new concept of the German Liberation Wars of 1806–1815 in the works of Ute Planert]. In: *Peterburgskii istoricheskii zhurnal* [Petersburg historical journal], 2020, no. 2, pp. 138–152.
9. Stefko M. S. [French museums colonial heritage and the problem of restitution: following the discussion around the Savoy-Sarr report]. In: *Nasledie i sovremennost* [Heritage and Modern Times], 2020, no. 3 (2), pp. 36–43.
10. Lieber F. *Reminiscences of an Intercourse with Mr. Niebuhr, the historian, during a residence with him in Rome, in the years 1822 and 1823*. Philadelphia, Carey Publ., Lea&Blanchard Publ., 1835. 192 p.
11. Niebuhr B. G. *The History of Rome*. Vol. I. Cambridge, 1828. 556 p.
12. Vance N. *Niebuhr in England: History, Faith, and Order*. In: Stuchtey B., Wende P. *British and German Historiography 1750–1950: Traditions, Perceptions and Transfers*. Oxford, Oxford University Press, 2000, pp. 83–98.
13. Varvaro M. *Der «Glücksstern» Niebuhrs und die Institutionen des Gaius. Deutsch-italienische Wissenschaftspolitik im frühen 19. Jahrhundert*. 2. erweiterte Auflage. Heidelberg, M+M-Druck GmbH, 2014. 223 p.
14. Varvaro M. Zwei wiederentdeckte Briefe Niebuhrs vom 23.9.1816 und ein anonymers Aufsatz in der 'Allgemeinen Literatur-Zeitung'. In: *Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis*. 80, 2012. P. 171–209.
15. Witte B. C. *Der preussische Tacitus. Aufstieg, Ruhm und Ende des Historikers Barthold Georg Niebuhr, 1776–1831*. Düsseldorf, Droste Publ., 1979. 223 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сазонова Татьяна Алексеевна – аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: tatyana.alexeevna.16@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana A. Sazonova – Postgraduate student, Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: tatyana.alexeevna.16@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сазонова Т. А. «Прусский Тацит» Бертольд Нибур: историческая политика Германии и Италии в начале XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-75-82

FOR CITATION

Sazonova T. A. The «Prussian Tacitus» Berthold Niebuhr: historical policy in Germany and Italy in the early 19th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 75–82.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-75-82

УДК 94(41/99) 32.019.51

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-83-95

РУРСКИЙ КРИЗИС 1923 Г. И ОСНОВАНИЕ БЮРО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ГАМБУРГ-БРЕМЕН

Нурисламов Р. Р.*Независимый исследователь**г. Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить причины создания в 1923 г. бюро экономической информации Гамбург-Бремен, а также перспективы его дальнейшей деятельности.

Процедура и методы. В статье проанализированы документы из фондов Федерального архива ФРГ, связанные с пропагандистской кампанией в ходе Рурского кризиса 1923 г. В работе использованы методы: историко-генетический, ретроспективный и биографический.

Результаты. Сделан вывод, что создание бюро экономической информации Гамбург-Бремен было связано с общегосударственной пропагандистской кампанией и ввиду прямых связей с правительством, а также наличием устойчивых деловых контактов за рубежом, деятельность этой структуры имела весомый потенциал для продолжения и после разрешения Рурского кризиса 1923 г.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в понимание деятельности бюро экономической информации Гамбург-Бремен, могут помочь выйти на дальнейшие исследования этой организации в Веймарской и нацистской Германии.

Ключевые слова: бюро экономической информации Гамбург-Бремен, Версальская система, внешняя пропаганда, Гамбург, Рурский кризис

THE RUHR CRISIS OF 1923 AND THE ESTABLISHMENT OF THE ECONOMIC INFORMATION BUREAU HAMBURG-BREMEN

R. Nurislamov*An independent researcher**Moscow, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the reasons for the establishment in 1923 and the prospects for further activities of the Economic Information bureau Hamburg-Bremen.

Methodology. The article analyzes documents from the funds of the Federal Archive of Germany related to the propaganda campaign during the Ruhr crisis of 1923. The research was conducted with the use of the historical-genetic, retrospective and biographical methods.

Results. The author concludes that the establishment of the Economic Information bureau Hamburg-Bremen was associated with a nationwide propaganda campaign and its direct ties with the government, as well as the presence of stable business contacts abroad. The activities of this organization had a significant potential to exist after the resolution of the Ruhr crisis of 1923.

Research implications. The results of the research contribute to an understanding of the activities of the Economic Information bureau Hamburg-Bremen, and may contribute to further research of this organization in Weimar and Nazi Germany.

Keywords: the Economic Information bureau Hamburg-Bremen, Versailles settlement, foreign propaganda, Hamburg, Ruhr crisis

Введение

В современных информационных потоках международные отношения часто стоят на переднем плане. При этом в мировой политике имеют место кризисы, в скорейшем разрешении которых заинтересованы многие государства. Отсюда особую актуальность приобретает исследование структур, которые с наибольшей эффективностью участвовали во внешнеполитических делах. В межвоенный период 1919–1939 гг. подобной оценки заслуживает бюро экономической информации Гамбург-Бремен¹ (БЭИ, нем. Aufklärungs-Ausschuss Hamburg-Bremen) – организация, действовавшая на стыке внешней пропаганды и внешней разведки, упоминания о которой почти отсутствуют в отечественной литературе. В зарубежной историографии БЭИ также едва изучена², хотя нередко упоминается в работах, посвящённым отдельным аспектам внутренней или внешней политики Германии в 1920–1930-е гг. [15; 17; 20; 22; 24–27].

¹ В описях Российского государственного военного архива (РГВА) можно встретить также другие варианты перевода названия этой структуры: «комитет информации», «комитет пропаганды», «разведкомитет». Перевод «бюро экономической информации Гамбург-Бремен» хотя и выглядит более объёмным, но в большей степени устоялся в номенклатуре РГВА. Именно так называется отдельный фонд 1257к, посвящённый деятельности организации. Поэтому в статье будем использовать название «бюро экономической информации Гамбург-Бремен» и его сокращённый вариант «БЭИ».

² На данный момент в сети Интернет можно найти работу А. Вагнер («Der Aufklärungs-Ausschuß Hamburg-Bremen (1923–1945). Ein Instrument deutscher Auslandspropaganda»), которая, по крайней мере судя по названию, полностью посвящена деятельности БЭИ. Указанное издание отсутствует в фондах крупнейших библиотек мира. Единственный экземпляр находится в Гамбургской земельной библиотеке. При этом в электронном каталоге библиотеки в карточке книги отсутствует год издания, а в качестве издательства указан «самиздат». И нет никакой возможности найти какую-либо ещё информацию о данном издании.

Деятельность указанной структуры достигла своего расцвета в нацистское время, когда она стала подконтрольна министерству просвещения и пропаганды, при этом выполняя поручения широкого круга ведомств. На пике своей активности БЭИ имело в своём распоряжении около 350 тайных агентов по всему миру, которые способствовали публикации более 2000 статей на 27 языках ежегодно и посылали в центр 120–140 информационных отчётов³, посвящённых политическому и экономическому положению различных стран. После обработки отчёты передавались во все министерства Германии, президенту Рейхсбанка, военному руководству страны и таким образом являлись одним из источников, благодаря которому выстраивалось мнение германской политической элиты о внутренней и внешней политике иностранных государств.

Важнейшее значение для понимания сущности любого феномена имеет выявление обстоятельств и объяснение причин его возникновения. Это оправдано как для исследования целых процессов, так и отдельных событий и структур. Как следует из документов более позднего периода, связанных с деятельностью БЭИ, в частности, из «Докладной записки о скрытом влиянии на общественное мнение зарубежных стран как в настоящее время важнейшем и финансово приемлемом методе систематической немецкой внешнеполитической и контрпропаганды»⁴, составленной и пересланной в министерства иностранных дел, просвещения и пропаганды и рейхсканцелярию в 1933 г. руководителем берлинского представительства БЭИ В. Гроссе, а также «Обзора структуры и деятельности бюро экономической информации Гамбург-Бремен и связанных с ним самостоятельных ве-

³ РГВА. Ф. 1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 1235к. Оп. 2. Д. 18. Л. 14.

домств по состоянию на август 1939 г.»¹, переданного руководством БЭИ вместе с другими документами на хранение в Имперский архив в Потсдаме, данная организация была создана в 1923 г. В том же году Германия и международные отношения в Европе оказались в глубоком кризисе, связанном с оккупацией Рурской области французскими и бельгийскими войсками. Весьма вероятно, что это не было случайным совпадением, и оба события взаимосвязаны.

Цель данной статьи – выявить причины создания в 1923 г. и перспективы дальнейшей деятельности БЭИ. Для решения поставленной цели необходимо определить взаимосвязи его создания с послевоенным положением Германии, Рурским кризисом 1923 г., географическими, историческими и экономическими особенностями г. Гамбурга.

В отличие от деятельности БЭИ послевоенное положение Германии и Рурский кризис подробно исследованы в историографии². Данные сюжеты затрагивались, в частности, в трудах по истории Германии В. А. Космача [4], А. И. Патрушева [7], а также в работах И. Э. Магадеева [5], А. Ю. Сидорова и Н. Е. Клейменовой [10], посвящённых истории международных отношений. В последние годы Рурский кризис рассматривался в связи с внешней политикой различных европейских государств. Так, в статьях И. Э. Магадеева [6] и Н. Е. Пуховской [9] затрагивается участие Франции в ходе событий 1923 г.; в своей работе Н. Д. Сорокин [11] даёт характеристику позиции Великобритании, а Н. Н. Станков [12] показывает, как чехословацкое правительство оценивало данное событие. Однако в существующих отечественных исследованиях отсутствует глубокое изложение внешнеполитиче-

ской пропаганды Германии в ходе Рурского кризиса, что является значимым упущением с точки зрения понимания причин образования БЭИ.

В зарубежной историографии картина выглядит сходным образом за исключением исследования Г. Ю. Мюллера [19], в котором немецкий историк рассматривает внешнеполитическую пропаганду Германии в 1923–1925 гг. В работе показано, как германское правительство с помощью пропагандистских средств боролось за улучшения внешнеполитического статуса страны, итогом чего стало подписание договоров в Локарно в 1925 г., которые нормализовали международные отношения в Европе.

Послевоенное положение Германии и Рурский кризис 1923 г.

Предпосылки образования БЭИ невозможно понять в полной мере без обращения и краткой характеристики того положения, в котором оказалась Германия после Первой мировой войны.

Заключительный этап войны в стране ознаменовался глубоким внутренним кризисом, приведший к ноябрьской революции 1918 г. Итогом политической борьбы стало принятие 31 июля 1919 г. новой конституции и образование республиканской и демократической Веймарской Германии. Политическая суматоха в стране сопровождалась упадком экономики: сократился уровень производства, обрушилась система внутренних и внешних экономических связей, инфляция возросла до небывалых размеров [13, с. 84–85].

В сформировавшейся в послевоенное время Версальской системе международных отношений в Европе Германия занимала подконтрольное положение к победившим странам. В отечественной историографии традиционно подчёркиваются противоречия послевоенного миропорядка, в частности, направленность мирных договоров против Германии, что явилось основой для последу-

¹ Там же. Ф. 1257к. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

² Прим. автора: Объём и цель данной статьи не позволяют сделать подробный анализ исследований, посвящённых послевоенной политике Германии и Рурскому кризису 1923 г., поэтому далее перечисляются только основные работы, изданные за последние годы.

ющего германского реваншизма. В этой связи уместно привести слова российского историка Е. Ю. Сергеева, что «фактически Версальский договор превращал Германию из великой державы во второстепенное европейское государство» [2, с. 314].

Согласно пунктам подписанного соглашения немцы должны были выплачивать репарации. Великобритания и США готовы были пойти на некоторые уступки в репарационном вопросе, что, однако, наталкивалось на жёсткую позицию Франции, которая стремилась к максимальному ослаблению Германии. Германское правительство под давлением победивших держав было вынуждено осуществлять репарационные взносы. Это резко подрывало и без того ослабленную финансовую систему страны и вызывало яростную реакцию со стороны консервативных деятелей и крупных промышленников. В стране усилилась поляризация политических сил, экстремисты призывали к активной борьбе против постановлений Версаля. Однако учитывая версальские военные ограничения, средства для противодействия у Германии были весьма ограничены.

В ноябре 1922 г. новым канцлером был назначен бывший член Немецкой Народной партии¹ (ННП), на тот момент беспартийный, В. Куно. Им стала проводиться политика «катастрофы», заключающаяся в отказе от репарационных платежей и поставок угля и леса. Куно, обратившись к союзническим странам, запросил временную приостановку выплат, одновременно требуя предоставление обширных денежных займов. Г. Стиннес, один из крупнейших предпринимателей страны, «хозяин Рура», заявил, что Германия не сможет продолжать выплачивать репарации даже под угрозой оккупации Рура [4, с. 85].

Просьбы о снисхождении со стороны немцев не повлияли на решение репарационной комиссии, признавшей Германию виновной в невыполнении своих обязательств. На основании этого в январе 1923 г. Франция и Бельгия совместными силами оккупировали Рурскую область – центр горнодобывающей промышленности Германии. В разгар Рурского кризиса финансовое состояние Германии и социальная напряжённость в обществе приняли катастрофический характер. Куно призвал население Рура к «пассивному сопротивлению» против оккупантов, отказу выполнять их распоряжения и выплачивать налоги. Добыча угля и его поставки во Францию свелись к минимуму. Зачастую «пассивное сопротивление» переходило в активную фазу, когда отдельные вооружённые группы осуществляли диверсионные операции против французов. Провал акции в Руре, как верно указывал немецкий историк К. Швабе, мог серьёзно ударить по престижу Франции в мире [23, р. 4]. Поэтому Франция и Бельгия ответили репрессивными действиями. Рурская область была отделена таможенной границей от остальной Германии, 100 тыс. немцев были изгнаны за пределы её границ [21, р. 160]. Французы активно поддерживали сепаратистские движения внутри Германии для установления там подконтрольных себе республик. Германию накрыла гиперинфляция, небывалого размаха достигло забастовочное движение, направленное против действующего правительства.

В августе 1923 г. правительство Куно ушло в отставку, было сформировано новое правительство под руководством основателя и лидера ННП Г. Штреземана, для которого, по утверждению Т. В. Евдокимовой, были характерны «реальный взгляд на вещи и политическая гибкость» [3, с. 80]. Штреземан вернулся к политике «исполнения» репарационных обязательств, заявил о завершении «пассивного сопротивления» и необхо-

¹ С лозунгом «Что хорошо для промышленности, то хорошо и для нации» ННП выражала интересы крупного капитала [7, с. 82].

димости проведения новой конференции по вопросу репараций, чем вызвал негодование со стороны националистов [18, р. 191]. Вместе с тем был взят курс на финансовое оздоровление страны и борьбу с политическим радикализмом. Тем не менее, как указывает в своём труде О. Ю. Пленков, несмотря на «миролюбивую политику» Штресман «втайне стремился к возвращению былого германского величия» [8, с. 219].

Урегулирование Рурского кризиса было осуществлено за счёт промежуточного решения репарационного вопроса, в котором активную роль сыграли инициативы США и Великобритании. Американским банкиром Ч. Дауэсом был разработан план, который предполагал стабилизацию экономического и финансового состояний Германии и новую схему выплат репараций, и был утверждён на конференции в Лондоне в августе 1924 г. Немцам предоставлялись денежные займы, репарационные выплаты значительно сокращались и зависели от возможностей германской экономики [10, с. 128–129]. Источником репарационных платежей должны были стать отчисления из государственного бюджета, от прибыли промышленных предприятий и железных дорог. Германская экономика и выплаты репараций должны были находиться под контролем зарубежных наблюдателей [7, с. 113; 10, с. 128]. Стоит признать, что чрезмерная напряжённость внутри Версальской системы была на тот момент снята.

Пропагандистская кампания в ходе Рурского кризиса

Ход Рурского кризиса выявил, что улучшение положения Германии на мировой арене, разрешение конфликтных вопросов с Францией могли быть осуществлены только при поддержке германской позиции странами, имевшими существенный вес в мировой политике, особенно США и Великобританией. Военные силы Германии по условиям Вер-

сальского договора были крайне ограничены, «пассивное сопротивление» также не смогло прекратить французскую оккупацию, а сближение с СССР раздражало и отталкивало страны-победительницы в Первой мировой войне. Германскому правительству было необходимо обострить разногласия¹ между Францией и США с Великобританией для успеха своей борьбы. В 1923 г. была развёрнута внешнеполитическая пропагандистская кампания, целью которой было выставить Германию беззащитной, несправедливо терпящей лишения из-за агрессивных действий Франции [10, с. 125], и убедить мировую общественность в необходимости пойти на уступки в репарационном вопросе. За счёт этого немцы стремились преодолеть внешнеполитическую изоляцию и добиться вступления в современный миропорядок в качестве равного участника международных отношений.

После начала Рурского кризиса всё больше людей в Германии стали осознавать недостаточность пропагандистской активности как на территории Рурской области, так и за рубежом². В этой сфере немцы значительно уступали французам. Французские лётчики регулярно сбрасывали с неба тысячи листовок, содержание которых было призвано настроить население Рура против германского правительства³. Зарубежная пресса, кино и реклама были пропитаны антигерманскими настроениями⁴. На-

¹ Bundesarchiv (сокр. BArch). R 43-I/228. Bl. 267. Все материалы Федерального архива ФРГ (нем. Bundesarchiv), используемые в данной статье, доступны для ознакомления и загрузки в оцифрованном виде через платформу invenio. [Электронный ресурс]. URL: <https://invenio.bundesarchiv.de/invenio/main.xhtml> (дата обращения: 23.02.2022).

² Ряд чиновников на совещании министров 19.01.1923 заявили о необходимости усилить внешнеполитическую пропаганду. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesarchiv.de/akten-reichskanzlei/1919-1933/01a1/cun/cun1p/kap1_2/kap2_49/para3_4.html (дата обращения: 16.08.2022).

³ BArch. R 43-I/228. Bl. 9, 39, 90–91, 170.

⁴ Ibid. Bl. 159–163, 180.

кризиса, по некоторым немецким оценкам, большинство представителей американской прессы и общественности воспринимало события не в дружественном для Германии свете, что объяснялось активностью французской пропаганды¹. Впрочем, с этим не совсем соглашался немецкий посол в Вашингтоне О. Видфельдт. В своём ответе от 13 апреля на телеграмму министра иностранных дел Ф. фон Розенберга он подтверждал активность французской пропаганды, однако отмечал, что настроения в американском обществе не могут рассматриваться как однородные². Канцлеры Куно и Штреземан имели широкие связи с бизнес-структурами США и могли осознавать важность привлечения на свою сторону американского государства. После окончания Первой мировой войны влияние США стремительно возрастало. Уже в 1920–1922 гг. в Германии наблюдался существенный рост промышленного производства, осуществляемый за счёт притока финансовых инвестиций из США [1, с. 170]. Важным препятствиям в Рурском кризисе для вовлечения США в качестве посредника были сильные позиции изоляционистов, которые стремились противодействовать любому участию страны за пределами американского континента.

В свою очередь, немецкий посол в Лондоне Ф. Штамер 6 марта писал в Центр о недостаточной пропагандистской работе в Великобритании. Он с сожалением констатировал, что «если бы уже полтора года назад начала осуществляться грамотная прогерманская просветительская работа, то настроения в стране были более благоприятными для Германии, чем они являются сейчас»³. Очевидно, шлейф событий Первой мировой войны также способствовал формированию негативного образа Германии за рубежом.

Руководство союза оптовой торговли Германии в своём послании в рейхсканцелярию 9 мая 1923 г. сообщало, что пропаганда Франции наносит существенный урон политической репутации Германии и её торговым связям с зарубежными странами⁴. В ответ на это статс-секретарь рейхсканцелярии, будущий министр экономики Э. Хамм, писал, что правительством уже предприняты обширные меры по пропаганде за рубежом⁵. В чём заключались эти меры?

Формы проведения пропагандистской кампании, как свидетельствуют архивные документы, среди которых можно обнаружить отчёты о деятельности некоторых пропагандистских структур⁶, были разнообразными. Германия осуществляла и поддерживала издание и распространение различных видов печатной продукции на немецком и иностранных языках: брошюр, листовок, плакатов, открыток и др. Развернулась широкая деятельность в прессе. За границу отправлялись ведущие газеты Германии. Официальная позиция германского правительства продвигалась за счёт завуалированных публикаций в зарубежных печатных СМИ. С этой целью было поручено углублять существующие связи с прогерманскими и нейтральными газетами, а также расширять контакты за счёт новых влиятельных посредников, которые могли оказать содействие в публикации статей. Проводилась усиленная работа с иностранными корреспондентами, которым в тот момент предоставлялись расширенные возможности для проведения интервью с канцлером, министром иностранных дел и прочими государственными деятелями. Как писал Хамм в своём ответе союзу

⁴ BArch. R 43-I/228. Bl. 107.

⁵ Ibid. Bl. 108.

⁶ В частности, службы Рейн-Рур: Ibid. Bl. 47–50, 111–114, 117–120. Данная структура развернула бурную деятельность после начала Рурского кризиса, однако была ликвидирована из-за недостатка средств у государства в конце 1923 г., когда началось постепенное свёртывание пропагандистской кампании. Подробнее о ликвидации см.: Ibid. Bl. 302–312.

¹ Ibid. Bl. 37–38, 44, 54, 129.

² Akten zur deutschen Auswärtigen Politik: 1918–1945. Series A: 1918–1925. Bd. VII. 1. Januar bis 31. Mai 1923. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1989. P. 460.

³ Ibid. P. 306.

оптовой торговли: «Едва ли можно найти такой день, в который не было проведено никакого интервью с иностранными корреспондентами»¹. Кроме того, были задействованы радио, кино, международные торговые ярмарки и антивоенные организации. Таким образом, Германия привлекала все возможные средства для проведения внешней пропаганды.

В германской пропаганде Франция выставлялась в качестве империалистически настроенного, агрессивного государства, стремящегося к достижению господства любой ценой². От опасных и непродуманных действий французского правительства в экономическом и финансовом планах, согласно этому, должны были пострадать в итоге Европа, весь мир, а также само население Франции³. Одна из германских пропагандистских статей заканчивалась следующим образом: «Также французский народ должен будет в итоге признать, что вторжение в Рур не принесёт ему не только морального удовлетворения, но и экономических выгод»⁴.

В своей докладной записке сотрудник отдела прессы правительства Ф. Штайн писал, что на первый план со стороны германской пропаганды должны выдвигаться экономические вопросы, связанные с оккупацией Рура, которые, однако, должны были скрывать за собой политические требования⁵. Пропагандистские материалы должны были дать понять зарубежным деятелям, что Рурский кризис представляет собой пробный камень, но в случае его разрешения в пользу Франции непосредственная угроза может встать перед Голландией, Швейцарией, а затем Бельгией и Великобританией⁶.

Акцент в пропаганде также делался на насилии французов над местным населением, губительном влиянии на экономи-

ку и инфраструктуру Рурской области, информация подкреплялась фотографиями злоупотреблений, статистикой и историями высланных и убитых. В качестве примера можно привести листовку, посвящённую вопросу железнодорожного сообщения в Рурской области, которое взяли под свой контроль французы. Под заголовком «Так проходит французское управления железными дорогами» на ней было размещено множество фотографий железнодорожных аварий и сошедших с рельсов поездов⁷.

Французские действия должны были изображаться направленными на дестабилизацию внутреннего положения Германии, что могло привести к активизации политического экстремизма внутри страны и во всей Европе⁸. Последующая внешняя политика Германии в этом случае могла иметь непредсказуемый характер.

Параллельно стояла задача показать респектабельность существующего германского правительства и государства, внезапно ставшего жертвой безумных амбиций французов⁹. Французские требования преподносились оторванными от реальности, их выполнение представлялось невозможным. В качестве одной из причин беззащитности Германии перед лицом агрессии Франции надлежало выделять версальские ограничения германских вооружённых сил¹⁰.

Пропагандистская кампания проводилась непосредственно государственными ведомствами, а также при материальной и иной поддержке правительства

⁷ Ibid. Bl. 115.

⁸ Ibid. Bl. 272.

⁹ Известный немецкий пропагандистский плакат 1923 г. «Руки прочь от Рурской области» изображал символ Великой французской революции Марианну, держащую в руках винтовку и с безумным взглядом тянущую руки к промышленным предприятиям Рура. Изображение плаката доступно для ознакомления на официальном сайте немецкого исторического музея: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dhm.de/lemo/bestand/objekt/haende-weg-vom-ruhrgebiet-1923.html> (дата обращения: 16.08.2022).

¹⁰ BArch. R 43-I/228. Bl. 56.

¹ Ibid. Bl. 108.

² Ibid. Bl. 73, 170–171.

³ Ibid. Bl. 271.

⁴ Ibid. Bl. 172.

⁵ Ibid. Bl. 268.

⁶ Ibid. Bl. 270–271.

различными частными организациями. Ведомства, отвечающие за пропаганду, зачастую сами требовали усиления государственной активности в этой сфере. Так, на собрании в министерстве оккупированных территорий 29 августа 1923 г. многие региональные представители отмечали недостаточность пропаганды, необходимость расширения финансирования и постановки более чётких целей¹. Особенно представлялось важным продолжать начатое даже после успешного для Германии разрешения Рурского кризиса. Это позволило бы избежать потерю установленных за рубежом связей. Впоследствии внешнеполитическая пропаганда могла быть направлена на усиление экономической и военной мощи Германии, рост влияния на международной арене и, в конечном счёте, на ревизию Версаля и возвращение статуса великой державы. Насущные пропагандистские задачи на пути к конечной цели могли меняться, исходя из внешнеполитических обстоятельств.

Пропагандистская компания в ходе Рурского кризиса возымела действие и смогла углубить британо-французские и американо-французские противоречия. Как обоснованно отмечала Н. Е. Пуховская: «Американцы и англичане, используя свои финансово-экономические и политико-дипломатические возможности, способствовали экономическому возрождению Германии, а также её возвращению в ранг равноправной европейской державы» [9, с. 100]. США смогли повлиять на Францию, увязав участие последней в межсоюзнической экспертной комиссии по решению репарационного вопроса с урегулированием проблемы межсоюзнических долгов. В обмен американцы обещали французам облегчение её положения в качестве должника [1, с. 281].

Основание бюро экономической информации Гамбург-Бремен

Одним из регионов, который активно включился в внешнеполитическую пропагандистскую кампанию во время Рурского кризиса, стал Гамбург. Причины этого кроются в географических, исторических и экономических особенностях города. Располагающийся на севере Германии Гамбург с населением свыше 1 млн человек к 1923 г. являлся одним из крупнейших в стране и исторически одним из центров мореплавания и торговли Европы². Более половины (57,4%)³ всех занятых в сфере торговли Германии находили себе рабочее место в Гамбурге [16, р. 84]. Столица на Эльбе, как иначе порой называют Гамбург, обладала огромным портом на Северном море и верфью судостроительной фирмы «Блом унд Фосс»⁴, являвшейся одной из крупнейших в мире. Другим важным гамбургским предприятием была основанная в 1847 г. судоходная компания «ГАПАГ»⁵, осуществлявшая морские пассажирские и грузоперевозки. Фирма начинала свою деятельность маршрутами через Атлантический океан в США и Канаду, затем расширив свою активность на все континенты. Первая мировая война нанесла существенный удар по внешней торговле и международным перевозкам. Некоторые суда «ГАПАГ» были конфискованы ещё во время войны⁶, а впоследствии, по

² Гамбург в своё время занимал видное место в Ганзейском союзе, альянсе торговых городов различных европейских государств. Ганзейское наследие способствовало формированию местных традиций самоуправления, определённой независимости города и региона от любой центральной власти. Гамбург, который на протяжении многовековой истории являлся воротами в мир для Германии, стал, по словам немецкого историка М. Кригера, синонимом «деловой предприимчивости, космополитизма и социальной активности» См.: Krieger M. Geschichte Hamburgs. München: Beck, 2012. P. 9.

³ Данные за 1925 г.

⁴ Нем. «Blohm & Voss».

⁵ Нем. Hamburg-Amerikanische Packetfahrt-Actien-Gesellschaft (HAPAG), Hamburg-Amerika Linie.

⁶ Schiffahrt made in Hamburg. Die Geschichte der Hapag-Lloyd AG. S. 18. (Брошюра с хронологией основных

¹ Ibid. Bl. 261–262.

условиям Версальского мира, Германия обязалась передать союзникам весь свой торговый флот водоизмещением 1600 т и выше и половину – водоизмещением от 1000 до 1600 т, что, по данным, указанным в работе Ю. Беллерса, составляло 90% от всей совокупности торгового флота страны [14, р. 34]. В послевоенное время фирма стала постепенно набирать обороты под руководством своего директора В. Куно, ставшего впоследствии канцлером Германии. В качестве руководителя «ГАПАГ» в 1919–1922 гг. ему удалось заключить важные соглашения с зарубежными судоходными компаниями и активизировать строительство новых судов.

Торговля и перевозки занимали ведущее место в экономической структуре Гамбурга. Успех этих двух сфер зависел от благоприятной внешнеполитической обстановки. Конкуренция в мировой торговле после Первой мировой войны значительно возросла. Свои позиции увеличили США, Япония и Канада [16, р. 97]. Для многих европейских государств в экономической политике после войны был характерен протекционизм. Несмотря на всё это, коммерсантам Гамбурга в 1919–1922 гг. удалось обратить обесценивание марки в свою пользу, стремительно воскресить старые торговые связи и завоевать новые рынки [16, р. 99]. Как упоминалось ранее, темпы промышленного роста Германии опережали многие страны, а инфляция позволила активизировать вывоз товаров. Рурский кризис 1923 г. в этом смысле наносил удар постепенно набирающей обороты торговой деятельности Гамбурга, угрожая откатить уровень внешней торговли к прежнему состоянию. Ответом торговой палаты Гамбурга, объединявшей торговые и промышленные круги города, стало создание после начала Рурского кризиса в феврале¹

событий деятельности «ГАПАГ») [Электронный ресурс]. URL: https://www.hapag-lloyd.com/content/dam/website/downloads/pdf/Schiffahrt_made_in_Hamburg_04_2022.pdf (дата обращения: 16.08.2022).

¹ В доступных документах из РГВА и Федерального архива ФРГ можно найти только год основания

1923 г. особой пропагандистской структуры – бюро экономической информации², основным направлением деятельности которой должна была стать экспортная пропаганда³ за рубежом⁴.

Гамбург обладал наилучшими условиями в Германии для осуществления внешней пропаганды. За столетия торговли с зарубежными странами в городе сложились устойчивые деловые связи, которые могли быть использованы для пропагандистской активности за границей. Кроме того, успеху созданной организации способствовало переплетение партийных и бизнес-интересов между высшим руководством Германии и гамбургскими экономическими элитами. Подтверждением этого служат следующие биографические сведения. Бывшего директора «ГАПАГ» и близкого к ННП Куно на посту канцлера сменил лидер ННП Штреземан. Член ННП Ф. Виттхоффт возглавлял Торговую палату Гамбурга в 1923 г., а председателем БЭИ стал новый директор «ГАПАГ» Б. Бломберг. Таким образом, для БЭИ через существующие связи с руководителями правительства было доступно напрямую запрашивать необходимое финансирование от государства или координировать свою деятельность с прочими государственными ведомствами. Существование подобных региональных организаций, в свою очередь, было выгодно для правительства, т. к. государственной пропаганде надлежало быть более осторожной и ограниченной в своих методах, а частные структуры могли быть более гибкими в своей деятельности. Также перспективным, с точки зрения государства, могла являться нацеленность БЭИ на экономическую сферу, т. к. это входило в общий план продвижения по-

БЭИ, в литературе встречается также конкретный месяц – февраль [26, р. 42].

² Впоследствии к участию в деятельности БЭИ присоединились также экономические круги Бремена, и его официальным названием стало «бюро экономической информации Гамбург-Бремен».

³ Нем. Exportpropaganda.

⁴ РГВА. Ф. 1257 к. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

литических требований под прикрытием экономических вопросов. Созданная торговой палатой Гамбурга структура получила в июле (50 млн марок)¹ и августе (100 млн марок)² денежные переводы от государства.

БЭИ предприняло активную деятельность как в деле издания брошюр и листовок, так и по продвижению необходимых статей в иностранной прессе. В зарубежных странах создавались опорные пункты, через которые пропагандировались преимущества немецких товаров и выгода углубления экономических отношений с Германией³. При этом в Гамбурге часто ориентировались не на созданные в правительстве материалы, а на собственные в зависимости от конкретной страны. В начале это могло приводить к некоторым эксцессам. Так, в мае 1923 г. в рейхсканцелярию стали поступать жалобы, связанные с содержанием производимых БЭИ листовок. Для обсуждения этого вопроса представители торговой палаты Гамбурга должны были обратиться в отдел прессы правительства⁴. Вскоре все недопонимания были устранены.

Заключение

Возвращаясь к обозначенной в начале статьи гипотезе, можно прийти к выводу, что создание бюро экономической информации Гамбург-Бремен напрямую связано с Рурским кризисом 1923 г.

Предпосылки усиления использования пропагандистских средств во внешней политике лежали в послевоенном положении Германии и в условиях Версальского мирного договора, который ограничивал вооружённые силы страны, одновременно породив стремление к его ревизии.

Практическая потребность во внешнеполитической пропагандистской активности достигла своего апогея после ввода французских и бельгийских войск в Рурскую область. Германии для получения дипломатической помощи извне было необходимо склонить на свою сторону мировую общественность и за счёт умелых действий углубить противоречия между Францией и другими странами.

В пропагандистскую кампанию были вовлечены как государственные, так и частные структуры, одной из которых стало бюро экономической информации, созданное после начала Рурского кризиса в Гамбурге. Несмотря на то, что после успеха пропагандистская кампания к концу года стала постепенно сворачиваться, а некоторые организации прекращать свою деятельность, бюро экономической информации продолжило функционировать дальше. Ввиду прямых связей с правительством, заинтересованности экономических кругов города и региона в нормализации внешней торговли и заморских перевозок, а также наличия устойчивых деловых связей за рубежом, деятельность этой структуры имела весомый потенциал для продолжения и после разрешения Рурского кризиса.

Дата поступления в редакцию 15.03.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Винклер Г. А. Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е. Земсковой, А. И. Савина. М.: РОССПЭН, 2013. 876 с.
2. Всемирная история: в 6 т. Т. 6. Кн. 1: Мир в XX веке: эпоха глобальных трансформаций / гл. ред. А. О. Чубарьян. М.: Наука, 2017. 689 с.
3. Евдокимова Т. В. Рейхсминистры веймарской Германии: между властью и безвластием. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного социально-педагогического университета, 2020. 462 с.

4. Космач В. А. От Компьена до Рапалло и оккупации Рура. Внешняя политика Веймарской Германии после Первой мировой войны (1918–1923 гг.). Псков: Изд-во Псковского государственного университета, 2017. 551 с.
5. Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны: дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект Пресс, 2021. 861 с.
6. Магадеев И. Э. Ревизионизм «в обе стороны»: Версальский мирный договор и внешняя политика Франции в 1920–1923 гг. // Первая мировая война, Версальская система и современность: сборник статей / отв. ред. И. Н. Новикова, А. Ю. Павлов и др. 2017. Вып. 4. С. 277–296.
7. Патрушев А. И. Германия в XX веке. М.: Дрофа, 2004. 432 с.
8. Пленков О. Ю. Катастрофа 1933 года: немецкая история и приход нацистов к власти. М.: Вече, 2021. 542 с.
9. Пуховская Н. Е. Веймарская республика и Франция: проблемы взаимоотношений двух непримиримых соперников в постверсальский период // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки: научно-образовательный и прикладной журнал. 2020. № 5. С. 91–101. DOI: 10.18522/2687-0770-2020-4-91-101
10. Сидоров А. Ю., Клейменова Н. Е. История международных отношений. 1918–1939 гг. М.: Центрполиграф, 2008. 639 с.
11. Сорокин Н. Д. Позиция Великобритании на начальном этапе рурского кризиса 1923 г.: проблема вывода британских войск из рейнской оккупационной зоны // Веймарская республика: история, историография, источниковедение: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 5 / отв. ред. В. Л. Черноперов. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. С. 60–77.
12. Станков Н. Н. Франко-бельгийская оккупация Рурской области и политика Чехословакии (январь–февраль 1923 г.) // Восточная Европа после Версаля: мат-лы научной конференции / под ред. И. И. Костюшко. М.: Алетейя, 2007. С. 187–202.
13. Экономическая история мира: в 5 т. Т. 4: Экономика СССР в период 1921 по 1929 годы. Деньги и Вторая мировая война. После Второй мировой войны: экономика ФРГ, Англии, Франции, США, Латинской Америки, Китая, Японии и Восточной Европы / под общ. ред. М. В. Конотова. СПб.: Алетейя, 2018. 502 с.
14. Bellers J. Aussenwirtschaftspolitik und politisches System der Weimarer Republik. Münster: Lit, 1988. 462 p.
15. Bielfeldt H. Vom Werden Groß-Hamburgs: Citykammer, Gauwirtschaftskammer, Handelskammer; Politik und Personal im Dritten Reich. Hamburg: Christians, 1980. 251 p.
16. Büttner U. Hamburg in der Staats- und Wirtschaftskrise, 1928–1931. Hamburg: Hans Christian Verlag, 1982. 748 p.
17. Hermann A. Der Weg in den Krieg 1938/39. Quellenkritische Studien zu den Tagebüchern von Joseph Goebbels. München: Oldenbourg, 2011. 574 p.
18. Jones L. E. The German Right, 1918–1930: Political Parties, Organized Interests, and Patriotic Associations in the Struggle against Weimar Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. 636 p.
19. Müller H. J. Auswärtige Pressepolitik und Propaganda zwischen Ruhrkampf und Locarno (1923–1925). Frankfurt am Main, etc.: Lang, 1991. 305 p.
20. Longerich P. Propagandisten im Krieg: Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop. München: Oldenbourg, 1987. 356 p.
21. Rosato S. Intentions in Great Power Politics: Uncertainty and the Roots of Conflict. New Haven: Yale University Press, 2021. 356 p.
22. Roth D. B. Hitlers Brückenkopf in Schweden: die deutsche Gesandtschaft in Stockholm 1933–1945. Berlin: LIT-Verl., 2009. 392 p.
23. Schwabe K. Die Ruhrkrise 1923: Wendepunkt der internationalen Beziehungen nach dem 1. Weltkrieg. Paderborn: Schöningh, 1984. 111 p.
24. Schlüter D. Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift Westküsten-Beobachter aus Chile. Göttingen: V&R unipress, 2016. 262 p.
25. Schwarzenbeck E. Nationalsozialistische Pressepolitik und die Sudetenkrise 1938. München: Minerva-Publikation, 1979. 630 p.

26. Stoop P. *Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Pressepolitik und die Niederlande 1933–1940*. München: Saur, 1987. 453 p.
27. Weinberg G. *Hitler's Foreign Policy, 1933–1939. The Road to World War II*. New York: Enigma Books, 2010. 996 p.

REFERENCES

1. Winkler H. A. *Weimar, 1918–1933* (Rus. ed.: Zemskova E., Savina A. I., transl. *Veymar 1918–1933: istoriya finansovoy otsenki*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 876 p.)
2. Chubaryan A. O., ed. *Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 6. Kn. 1: Mir v XX issledovaniyakh: epokha tyazhelykh transformatsiy* [World history: in 6 volumes. Vol. 6. Book 1: The world in the 20th studies: the era of hard transformations]. Moscow, Nauka Publ., 2017. 689 p.
3. Evdokimova T. V. *Reykhsministry veymarskoy Germanii: mezhdru vlast'yu i bezvlastiyem* [Reich ministers of Weimar Germany: between power and anarchy]. Volgograd, Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo sotsialno-pedagogicheskogo un-ta Publ., 2020. 462 p.
4. Kosmach V. A. *Ot Kompyena do Rapallo i okkupatsii Rura. Vneshnyaya politika Veymarskoy Germanii posle Pervoy mirovoy voyny (1918–1923 gg.)* [From Compiegne to Rapallo and the occupation of the Ruhr. The foreign policy of Weimar Germany after World War I (1918–1923)]. Pskov, Izd-vo Pskovskogo gosudarstvennogo un-ta Publ., 2017. 551 p.
5. Magadeev I. E. *V teni Pervoy mirovoy voyny: dilemmy yevropeyskoy bezopasnosti v 1920-ye gody* [In the Shadow of the First World War: Dilemmas of European Security in the 1920s]. Moscow, Aspect Press Publ., 2021. 861 p.
6. Magadeev I. E. [Revisionism “in both directions”: the Treaty of Versailles and the foreign policy of France in 1920–1923]. In: Novikova I. N., Pavlov A. Yu., eds. *Pervaya mirovaya voyna, Versalskaya sistema i sovremennost* [The First World War, the Versailles system and modernity], 2017, iss. 4, pp. 277–296.
7. Patrushev A. I. *Germaniya v XX veke* [Germany in the 20th century]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 432 p.
8. Plenkov O. Yu. *Katastrofa 1933 goda: nemetskaya istoriya i prikhod natsistov k vlasti* [Catastrophe of 1933: German history and the coming of the Nazis to power]. Moscow, Veche Publ., 2021. 542 p.
9. Pukhovskaya N. E. [The Weimar Republic and France: relationship problems between two bitter rivals in the post-Versailles period]. In: *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki: nauchno-obrazovatel'nyy i prikladnyy zhurnal* [Bulletin of higher educational institutions. North Caucasian region. Social science: scientific, educational and applied journal], 2020, no. 5, pp. 91–101. DOI: 10.18522/2687-0770-2020-4-91-101
10. Sidorov A. Yu., Kleimenova N. E. *Istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy. 1918–1939 gg.* [History of international relations. 1918–1939]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2008. 639 p.
11. Sorokin N. D. [The position of Great Britain at the initial stage of the Ruhr crisis of 1923: the problem of the withdrawal of British troops from the Rhine occupation zone]. In: Chernoperov V. L., ed. *Veymarskaya respublika: istoriya, istoriografiya, istochnikovedeniye: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov. Vip. 5* [Weimar Republic: history, historiography, source studies: interuniversity collection of scientific papers, iss. 5]. Ivanovo, Ivanovskii. gos. un-t. Publ., 2011, pp. 60–77.
12. Stankov N. N. [The Franco-Belgian occupation of the Ruhr region and the policy of Czechoslovakia (January–February 1923)]. In: Kostyushko I. I., ed. *Vostochnaya Yevropa posle Versalya: mat-ly nauchnoy konferentsii* [Eastern Europe after Versailles: materials of a scientific conference]. Moscow, Aleteyya Publ., 2007, pp. 187–202.
13. Konotopova M. V., ed. *Ekonomicheskaya istoriya mira: v 5 t. T. 4: Ekonomika SSSR v period 1921 po 1929 gody. Dengi i Vtoraya mirovaya voyna. Posle Vtoroy mirovoy voyny: ekonomika FRG, Anglii, Frantsii, SSHA, Latinskoy Ameriki, Kitaya, Yaponii i Vostochnoy Yevropy* [Economic history of the world: in 5 volumes. Vol. 4: The economy of the USSR in the period 1921 to 1929. Money and World War II. After the Second World War: the economy of Germany, England, France, the USA, Latin America, China, Japan and Eastern Europe]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2018. 502 p.
14. Bellers J. *Aussenwirtschaftspolitik und politisches System der Weimarer Republik*. Münster, Lit, 1988. 462 p.
15. Bielfeldt H. *Vom Werden Groß-Hamburgs: Citykammer, Gauwirtschaftskammer, Handelskammer; Politik und Personalia im Dritten Reich*. Hamburg, Christians, 1980. 251 p.

16. Büttner U. *Hamburg in der Staats- und Wirtschaftskrise, 1928–1931*. Hamburg, Hans Christian Verlag, 1982. 748 p.
17. Hermann A. *Der Weg in den Krieg 1938/39. Quellenkritische Studien zu den Tagebüchern von Joseph Goebbels*. München, Oldenbourg, 2011. 574 p.
18. Jones L. E. *The German Right, 1918–1930: Political Parties, Organized Interests, and Patriotic Associations in the Struggle against Weimar Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020. 636 p.
19. Müller H. J. *Auswärtige Pressepolitik und Propaganda zwischen Ruhrkampf und Locarno (1923–1925)*. Frankfurt am Main, etc., Lang, 1991. 305 p.
20. Longerich P. *Propagandisten im Krieg: Die Presseabteilung des Auswärtigen Amtes unter Ribbentrop*. München, Oldenbourg, 1987. 356 p.
21. Rosato S. *Intentions in Great Power Politics: Uncertainty and the Roots of Conflict*. New Haven, Yale University Press, 2021. 356 p.
22. Roth D. B. *Hitlers Brückenkopf in Schweden: die deutsche Gesandtschaft in Stockholm 1933–1945*. Berlin, LIT-Verl., 2009. 392 p.
23. Schwabe K. *Die Ruhrkrise 1923: Wendepunkt der internationalen Beziehungen nach dem 1. Weltkrieg*. Paderborn, Schöningh, 1984. 111 p.
24. Schlüter D. *Vom Kampfblatt zur Staatspropaganda: die auswärtige Pressearbeit der NSDAP dokumentiert am Beispiel der NS-Wochenzeitschrift Westküsten-Beobachter aus Chile*. Göttingen, V&R unipress, 2016. 262 p.
25. Schwarzenbeck E. *Nationalsozialistische Pressepolitik und die Sudetenkrise 1938*. München, Minerva-Publikation, 1979. 630 p.
26. Stoop P. *Niederländische Presse unter Druck. Deutsche auswärtige Pressepolitik und die Niederlande 1933–1940*. München, Saur, 1987. 453 p.
27. Weinberg G. *Hitler's Foreign Policy, 1933–1939. The Road to World War II*. New York, Enigma Books, 2010. 996 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нурисламов Руслан Рифович – независимый исследователь;

e-mail: ruslan.nurislamov89@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruslan R. Nurislamov – an independent researcher;

e-mail: ruslan.nurislamov89@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нурисламов Р. Р. Рурский кризис 1923 г. и основание бюро экономической информации Гамбург-Бремен // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 83–95.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-83-95

FOR CITATION

Nurislamov R. R. The Ruhr Crisis of 1923 and the Establishment of the Economic Information Bureau Hamburg-Bremen. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 83–95.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-83-95

УДК 94

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-96-106

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВТОРОЙ АВСТРИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ В 1945 Г.

Козьякова Н. С.*Московский государственный областной педагогический университет
141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть период генезиса Второй Австрийской республики после признания Советским правительством Временного правительства Австрии, когда к колоссальному изменению соотношения сил в пользу демократии и мира на мировой арене привела победа над фашистской Германией.

Процедура и методы. В работе использованы историко-системный, историко-сравнительный и историко-генетический методы.

Результаты. Особое внимание автор уделяет послевоенной австрийской национализации, проведённой в таких масштабах, которых не было ни в одной из стран западной Европы. Сделан вывод, что проблемы национализации имели общее значение для исследования государственных монополий и в первую очередь – австрийской государственной собственности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы статьи могут быть использованы для углублённого изучения политической истории стран Западной Европы, а также при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по новейшей истории Европы.

Ключевые слова: акционерный капитал, австрийские монополисты, промышленный потенциал, Временное правительство Австрии, австрийские политические партии, Вторая мировая война

POLITICAL SITUATION OF THE SECOND AUSTRIAN REPUBLIC AFTER THE LIBERATION IN 1945

N. Kozyakova*Moscow Region State Pedagogical University
ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider the period of genesis of the Second Austrian Republic after the recognition by the Soviet government of the Provisional Government of Austria, when the victory over fascist Germany led to a colossal change in the balance of forces in favor of democracy and peace on the world stage.

Methodology. The following methods were used in the work: historical-systemic, historical-comparative and historical-genetic.

Results. The author pays special attention to post-war Austrian nationalization, carried out on a scale that was not in any of the countries of Western Europe. It was concluded that the problems of nationalization were of general importance for the study of state monopolies and, primarily, Austrian state property.

Research implications. The materials of the article can be used for an in-depth study of the political history of Western Europe, as well as in the preparation of textbooks and lecture courses on recent European history.

Keywords: share capital, Austrian monopolists, industrial potential, Austrian Provisional Government, Austrian political parties, World War II

Введение

В Австрии период между двумя мировыми войнами был ознаменован становлением и укреплением государства, которое появилось в результате распада Австро-Венгерской империи и дальнейшей демократической революции. В стране до 1934 г. шла ожесточённая борьба, которая завершилась приходом к власти австрофашизма и поражением рабочих. Коммунистическая партия Австрии в 1933 г. была запрещена и ушла в подполье, т. к. стала приобретать влияние в рабочих кругах. Партия последовательно выступала за национальную независимость и самостоятельность австрийского государства, в то время как другие партии выступали за аншлюс и рассматривали Австрию в качестве «второго германского государства».

В рассматриваемый нами период в своих рядах большую часть рабочих объединяла социал-демократическая партия. У социал-демократов был шуцбунд, т. е. вооружённые отряды, в которых состояли передовые рабочие. Вена стала цитаделью рабочего движения.

Главной причиной поражения австрийских рабочих в баррикадных боях 1934 г. стала пораженческая позиция правых лидеров партии в период прихода к власти австрофашистов, т. к. руководство социал-демократов боялось призывать массы к вооружению, также они отказывались от известных методов борьбы. Избежать разоблачения перед австрийскими рабочими лидерам партии помог роспуск организации в 1934 г.

Австрийские крупные финансисты были серьёзно напуганы экономическим кризисом 1929–1933 гг. и борьбой рабочих. В результате этого после 1934 г. они стали искать спасения сначала в прямом

союзе, а потом в аншлюсе с Германией в период правления А. Гитлера.

В Австрии в 1934–1938 гг. всё хозяйство страны контролировали 5 крупнейших финансовых групп: «Schöller und Ko», «Böler und Ko», крупнейший металлургический концерн «Österreichisch – Alpine montangesellschaft», крупнейший коммерческий банк страны «Kreditantschalt – Bankverein» и эмиссионный банк Австрии «Nazionalbank».

В 1937–1938 гг. акционерный капитал данных монополий составлял 258 млн шиллингов, к ним примыкало около 120 акционерных обществ с совместным капиталом в 828 млн шиллингов. Концентрация производства была настолько огромной, что все рассматриваемые нами общества объединяли только 200 предприятий.

Около 90% всего капитала указанным монополиям принадлежало в металлургической и горнодобывающей промышленности, в этих отраслях их акционерный капитал составлял 180 млн шиллингов. Они руководили также в 32 обществах с акционерным капиталом в 120 млн шиллингов металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности.

Контролируя 2/3 капитала бумажной промышленности, «Schöller und Ko», «Kreditantschalt» и «Nazionalbank» участвовали в 7 обществах с капиталом в 44 млн шиллингов. В строительной промышленности «Schöller und Ko» и «Kreditantschalt» принадлежало 5 обществ с акционерным капиталом в 27 млн шиллингов, что составляло в данной отрасли 50% капитала.

В 1938 г. 6 руководителей «Schöller und Ko» занимали 84 поста членов наблюдательных советов, директоров и прези-

дентов акционерных обществ, а в «Kreditantschaft» – 104 поста [6; 11].

Исходя из этого, можно сделать вывод, что небольшая группа лиц, которая принадлежала к руководству финансовой олигархии, управляла всей австрийской экономикой. Она была связана с ведущими политиками, которые принимали решения под воздействием нескольких десятков ведущих монополистов страны.

Данное лобби самым тесным образом сотрудничало с монополиями гитлеровской Германии, всесторонне рассматривались идеи аншлюса, т. е. прямого предательства Австрии немецкому фашизму. Ведущие австрийские монополисты подготовили присоединение страны к фашистской Германии, а также финансировали приход к власти австрофашизма. Для них аншлюс означал подавление любого сопротивления австрийских рабочих фашистскими методами, которые предварительно были проверены на немецком опыте, а также огромные прибыли от участия в гонке вооружений и всеобщей войне на стороне Германии. Следовательно, австрийский финансовый капитал стал соучастником фашистских преступлений и прямым союзником А. Гитлера.

В экономике Австрии, в особенности таких ведущих отраслях, как электротехника и металлургия, ещё до аншлюса немецкий капитал занимал серьёзные позиции: около 20–25% всего акционерного капитала страны составляли немецкие активы.

В собственности немецкого монополистического капитала после аншлюса перешла большая часть австрийской промышленности. Но это не означало потерю собственности для австрийского финансового капитала. Австрийские монополисты остались на прежних позициях, получая доход от оккупированных европейских стран, использовании рабского труда австрийских и немецких рабочих, военного производства, а крупнейшие австрийские монополии объединились с немецкими.

В Австрии одновременно была проведена аризация собственности, в ходе которой был осуществлён прямой захват ряда промышленных предприятий, повышение размера акционерного капитала, при помощи принудительной продажи акций произошло присоединение акционерных обществ, конфискация имущества общественных организаций и профсоюзов. Немецким монополиям были также проданы акции ряда предприятий, которые принадлежали иностранным компаниям, таким образом их владельцы надеялись спасти свои финансовые средства. Это относилось, в первую очередь, к нефтяной и машиностроительной промышленности.

В Австрии, в итоге, к концу войны немецкому капиталу принадлежало около 70% акционерного капитала [4, с. 46]. До 90% австрийской промышленности было охвачено участием банковских кредитов или немецкого капитала [10, с. 142]. В австрийской промышленности общая сумма немецких капиталовложений к концу Второй мировой войны оценивалась в 800–900 млн долларов [10, с. 152].

Огромное военное производство, как за счёт строительства новых промышленных предприятий, так и за счёт расширения старых, развернули на территории Австрии немецкие монополии в период Второй мировой войны. Австрия, согласно планам руководителей «Третьего рейха», должна была быть трансформирована в так называемую альпийскую крепость гитлеровской Германии.

В это время были построены: подземные авиационные предприятия в Санкт-Георгене и Нойнкирхене, патронный завод в Хиртенберге, завод по производству снарядов в Энцельсфельде, крупнейший танковый завод «Nibelungenwerke», комбинат искусственного волокна в Ленцинге, алюминиевый комбинат в Рансхофене, мощность которого составляла 69 000 т/год, химический комбинат концерна «I. G. Farbenindustrie» в Линце, а также базировавшийся на штирийской

руде в Линце огромный металлургический комбинат концерна «German Gerling». В городах Винер Нойштадт, Вельс, Грац, Клагенфурт, Ройт, Санкт-Валентин и др. были построены ряд военных заводов.

В 1938–1945 гг. для снабжения Германии электроэнергией были построены гидроэлектростанции общей мощностью в 524 тыс. кВт и электростанции – в 845 тыс. кВт [1, с. 58].

Свыше 40 000 станков было ввезено на территорию Австрии в период аншлюса.

Экономическое развитие Второй Австрийской республики

К значительному росту промышленного потенциала Австрии привело огромное военно-промышленное строительство, при этом одновременно вызвав в экономике страны серьёзные структурные сдвиги. На первое место вышли отрасли тяжёлой промышленности, которые работали на войну, несмотря на то, что гражданское производство находилось в упадке. Современные австрийские исследователи отмечают, что еженедельник «Wirtschaftswoche» указывал на следующий факт: «Крупные предприятия тяжёлой промышленности были поставлены национал-социалистскими узурпаторами на службу вооружения и относительно хорошо оборудованы машинами» [14, с. 546].

Поражение фашистской Германии во Второй мировой войне определило ряд важнейших особенностей экономического и политического развития Австрии в послевоенные годы, а также сыграло огромную роль в судьбах австрийского народа. Сложившаяся в стране после победы над фашизмом расстановка политических сил определила в первый период после освобождения противоречивый и сложный характер борьбы.

Самым близким союзником немецкой военной политики был австрийский капитал, который в соответствии со своим влиянием и весом участвовал в ограблении оккупированных территорий, а так-

же подготовке и развязывании войны. Развитию сил австрофашизма способствовали австрийские монополии, которые после аншлюса активно включились в государственную систему «Рейха» и политическую систему национал-социализма. На стороне фашистов во время Второй мировой войны сражались воинские части, которые полностью состояли из австрийцев, страна была превращена в часть военно-промышленного арсенала Германии.

Следовательно, Австрия несла ответственность за участие в войне на стороне фашистской Германии, и на это указывала Декларация об Австрии, которая была принята на состоявшейся в Москве в октябре 1943 г. конференции министров иностранных дел СССР, Великобритании и США.

Немецкий фашизм и австрофашизм оказали губительное влияние на некоторую часть рабочих Австрии [5, с. 18]. Во время аншлюса немецко-австрийские монополии руководству рабочих выделяли часть от огромных прибылей от ограбления оккупированных территорий и гонки вооружений. Австрийцы были поставлены в привилегированное положение по сравнению с другими народами, которые были захвачены фашистской Германией. Неистовая геббельсовская пропаганда постоянно внушала им мысль, что они входят в часть «великой германской нации». На идеологию отсталой части рабочих это не могло не оказать влияния.

Австрийский историк М. Розекер полагает, что позиция правого социал-демократического руководства сыграла существенную роль в дезориентации австрийских рабочих, т. к. в период между двумя войнами оно активно выступало за присоединение Австрии к Германии. Некоторые правые лидеры австрийской социал-демократии не изменили своей позиции даже после насильственного аншлюса. 3 апреля 1938 г. в перешедшей под руководство нацистов газете «Neuer Wiener Tagblatt» было опубликовано интервью

руководителя социал-демократов К. Реннера, который одобрял аншлюс [12, с. 56].

На нелегальном положении после оккупации оставалась известная часть руководителей австрийских социал-демократов, а некоторые из них перешли на службу к фашистам.

Лондонская эмиграция в своей пропаганде на Австрию проводила линию, направленную на политическую дезориентацию. В большинстве эмигранты были сгруппированы вокруг одного из наиболее реакционных лидеров социал-демократов О. Поллака, который имел поддержку у английских лейбористов. Политические установки данной группы не содержали идеи борьбы австрийских рабочих за национальную независимость страны.

Единственной партией, которая продолжала борьбу как внутри страны, так и за её пределами после аннексии страны, была Коммунистическая партия Австрии (КПА). Журнал «Weg und Ziel» и газета «Rote Fahne» продолжали выходить, несмотря на то, что находились в трудных условиях подполья. Под руководством членов ЦК Ф. Фюрнберга и Ф. Хоннера австрийские коммунисты образовали освободительные батальоны, которые участвовали в партизанском движении во Франции и вошли в Народно-освободительную армию Югославии.

Внутри страны действовали возглавляемые коммунистами группы сопротивления, организовывавшие акты саботажа. Самыми активными здесь были группы венских пожарников и железнодорожников, а также группа под руководством В. Кемпа. Партизанские отряды действовали в районах Зауальпе и Коральпе, Аузеер Ланд и других местах [15, с. 28].

От действий фашистских карателей Коммунистическая партия потеряла 2 500 коммунистов, в их число входило 13 членов ЦК. Свыше 4 000 коммунистов находились в фашистских тюрьмах и концлагерях.

Рост авторитета и влияния КПА значительно усилился, несмотря на то, что ей не удалось развернуть широкого национально-освободительного движения. В партию в тяжёлые годы подполья вступило 14 000 новых членов. Одним из результатов освободительной борьбы австрийских коммунистов было то, что «она стала фундаментом прогрессивного австрийского национального самосознания» [15, с. 32].

Но собственный вклад Австрии в дело освобождения страны оказался сравнительно незначительным, т. к. национально-освободительное движение в Австрии не приняло массового характера. По мнению члена Политбюро Центрального Комитета Коммунистической партии Австрии Э. Фишера, «в отличие от большинства стран, находившихся под гитлеровским игом, в Австрии не развилось никакого массового движения сопротивления и национально-освободительной борьбы».

Данные факторы стали причиной того, что союзные державы – Франция, Великобритания, США и СССР – распространили на Австрию режим оккупации, главная цель которого состояла в ликвидации последствий фашистского господства в стране. Идея соглашений об оккупации и союзническом контроле над Австрией заключалась в том, что в результате проведения последовательной политики демократизации, денацификации и демилитаризации Австрии демократия в стране окрепнет и разовьётся, режим оккупации будет снят, Австрия получит самостоятельное и независимое существование, и с ней будет заключён Государственный договор.

Советское правительство рассматривало цели временной оккупации именно таким образом.

Но в отношении СССР к Австрии, с одной стороны, и западных государств – Франции, Великобритании и США – с другой, очень сильно сказалось различие

целей, которые были союзниками в борьбе против фашистской Германии.

В отличие от СССР, взявшего курс на демократическую и независимую Австрию, правящие круги Франции, Великобритании и США всеми путями стремились к укреплению и сохранению реакционных сил в Австрии с целью использовать их в будущем в качестве своих союзников в борьбе против мира и демократии в Европе, а также к недопущению развития в стране демократических сил.

Для осуществления данных целей, согласно планам американской военной экспансии, Австрия должна была остаться в составе Германии. Предполагалось, что таким образом будет возможно сохранить немецкую военную политику на положении полицейского Европы, но только в качестве послушного оружия военной политики США.

По мнению брата Д. Ф. Даллеса, американского разведчика А. Даллеса, «Германское государство должно существовать как фактор порядка и восстановления. О разделе его или об отделении Австрии не может быть речи» [7, с. 72–73]. Данное заявление он сделал в присутствии немецкого представителя князя Эрнста II Гогенлоэ-Лангенбургского во время секретных переговоров между Германией и США, которые происходили в феврале в Швейцарии. Здесь необходимо заметить, что одновременно США, а в особенности Великобритания, строили планы раздела Германии, главной целью была ликвидация конкурента и её подчинение зарубежной военной политике.

На случай, если данный план не осуществится, был резервный, который заключался в том, что у американских военных была идея создания под эгидой США Дунайской Федерации, её можно было бы выставить СССР в качестве противовеса.

Но советская политика по данным планам нанесла серьёзный удар. СССР особое внимание уделял тому факту, что Австрия стала первой жертвой фашистской агрессии и, следовательно, должна

была получить право на независимое и самостоятельное существование. Данное положение по настоянию СССР было провозглашено в московской Декларации об Австрии 1943 г.

СССР в освобождении Австрии сыграл решающую роль. Вена была полностью освобождена 13 апреля, а 8 мая при наступлении советских войск был побеждён Крейценштейн – последний фашистский форпост на австрийской территории. Освобождение Вены означало одновременно поражение экспансионистских планов западных стран, главная цель которых заключалась в подчинении и дальнейшем порабощении Австрии.

Когда ещё продолжались боевые действия, было опубликовано «Заявление Советского правительства об Австрии», которое содержало следующее: «Советское правительство не преследует цели приобретения какой-либо части австрийской территории или изменения социального строя Австрии» [2, с. 76]. Данное заявление в Австрии было встречено с огромной поддержкой, т. к. оно подтверждало право австрийского народа на независимое и самостоятельное существование.

Исследователь данного периода Г. Фризиенблихер полагает, что лидер Социалистической партии Австрии (СПА), будущий президент страны А. Шерф, на чрезвычайной конференции СПА в 1947 г., отмечая в освобождении Австрии роль СССР, говорил: «Я хочу прямо заявить, что никто не может недооценить те жертвы, которые принесла Россия для победы над Гитлером, жертвы людьми, имуществом, кровью... Австрия в особенности никогда не позволит себе забыть, что её освобождение стало возможным только благодаря победоносному наступлению русской армии» [9, с. 128].

Советское правительство с первых дней освобождения Австрии предоставило стране обширную инициативу в создании демократических органов власти и демократизации страны, завершившуюся образованием Временного прави-

тельства, которое возглавил социалист К. Реннер.

СССР сразу же признал Временное правительство Австрии, оказал ему всестороннюю поддержку и предоставил в его распоряжение средства связи и транспорт.

Советская армия также пришла на помощь населению страны. В период отступления фашистов в Австрии образовалась острая нехватка продовольствия, которая вызвала в некоторых районах голод и начало разрухи. В течение 1945 г. Советское государство поставило в Вену 1 500 т кукурузы, 5 000 т мяса, 25 000 т картофеля, 10 000 т муки, 48 000 т хлеба и зерна и огромное количество других видов продовольствия [8, с. 43].

Не прибегая к посторонней помощи и руководствуясь только собственными силами, советская армия восстановила средства связи, мосты, шоссейные и железные дороги. Историк М. Райзнер отмечает, что в работе, изданной отделом печати венского муниципалитета в 1947 г., указывалось, что «Красная Армия во многом способствовала делу восстановления Вены и нормализации транспортных и хозяйственных связей, чем оказала жителям Вены неоценимую услугу. Мосты, восстановленные советскими войсками, являются мостами взаимопонимания между австрийским народом и народами Советского Союза» [11, с. 465].

Советское руководство также оказало огромную помощь в восстановлении промышленности. Австрийским предприятиям по выпуску жизненно важных для населения товаров из армейских запасов предоставлялось продовольствие, топливо и сырьё. Один из лидеров СПА К. Вальдбруннер в 1945 г. отметил: «Все предприятия получают от Красной армии значительную поддержку» [3, с. 95].

Правительства Франции, Великобритании и США в австрийском вопросе заняли прямо противоположную позицию. С самого начала поддержку оккупационных властей в оккупированных ими

зонах получили австрийские правые лидеры социал-демократов и политики, которые были высланы из Великобритании и США, а также сотрудничавшие с фашистами наиболее реакционные круги. С занимаемых постов были удалены всего несколько лиц, которые были скомпрометированы своими связями с национал-социалистами.

Американское руководство в западных зонах поощряло сепаратистское движение, оказывало широкую поддержку образованию различных профашистских организаций и партий и любыми путями препятствовало созданию демократических партий. Франция, Великобритания и США до последнего оттягивали признание правительства К. Реннера, запрещая местным органам власти признавать его власть и оказывать поддержку. Западные страны превратили свои зоны оккупации в лагерь для огромного количества так называемых перемещённых лиц и военных преступников, среди которых американское руководство рассчитывало создать будущий резерв для политических и военных провокаций. Они также саботировали совместные решения о проведении демократизации, денацификации и демилитаризации. Это вызывало в Австрии недоверие населения и создавало политическую неустойчивость.

На признание правительства К. Реннера западные страны пошли только тогда, когда им удалось установить прямые связи с лидерами различных промышленных объединений и социалистической партии, объединить и поставить себе на службу определённые реакционные круги, а также закрепить в собственных зонах оккупации. При этом они добились введения в правительство тесно связанных с Великобританией и США реакционных политиков из Западной Австрии.

Правительство К. Реннера под влиянием западных стран и их сторонников сорвало экономические переговоры с СССР, которые происходили в сентябре 1945 г. Оно взяло курс на одностороннюю запад-

ную ориентацию, которая вначале была скрытой, а в дальнейшем после образования правительства Л. Фигля и выборов 25 ноября 1945 г. – в открытой форме.

Любыми путями Запад поощрял спекуляцию, а также создание спекулянтами запасов продовольствия и сырья с целью взвинчивания цен, препятствовал свободному торговому обмену между восточной и западной частями страны, а также способствовал экономической дезорганизации.

Заключение

Сложность политического положения Австрии можно определить рядом причин как внутреннего, так и международного порядка.

Во-первых, в Австрии возник один из узлов противоречий между политикой западных стран, направленной на подчинение Австрии американскому экспансионизму, на развитие и сохранение в стране всех тех реакционных сил, на которые они рассчитывали опереться в своих целях, и СССР, политика которого была направлена на создание демократического независимого австрийского государства. Австрийская реакция сумела приступить к новой консолидации своих сил, т. к. при помощи поддержки Запада быстро оправилась от потрясения, вызванное поражением фашистской Германии.

Во-вторых, внутренние демократические силы Австрии оказались относительно слабы, т. к. не прошли через испытания движения сопротивления и в дальнейшем не могли оказать серьёзное противодействие реакционным военным силам. Мелкие ремесленники испытали на себе растлевающее пагубное влияние фашистской пропаганды и идеологии, от которых они не сразу пришли в себя, несмотря на отрезвляющее влияние от поражения Германии. Часть рабочих также не избежала влияния национал-социализма. Рабочие круги не смогли занять соответствующую его интересам последовательную политическую позицию,

т. к. не разбирались в сложившейся ситуации из-за дезориентации политикой правой социал-демократии и дезорганизации на протяжении долгого времени фашистским господством.

На политической арене Австрии после освобождения выступили 3 основные политические партии, представители которых вошли в правительство Л. Фигля и во Временное правительство К. Реннера: Австрийская народная партия (АНП), Социалистическая партия и Коммунистическая партия.

После освобождения страны Коммунистическая партия возглавила борьбу за последовательное проведение в жизнь широкой программы демократизации, денацификации и демилитаризации. Австрийские коммунисты нацеливали рабочих на осуществление коренных демократических преобразований и установления в стране народной демократии.

Социалистическая партия Австрии возникла на основе австрийской Социал-демократической партии 1888 г., которая была распущена канцлером Э. Дольфусом в 1934 г. От неё откололись различные группировки, выступавшие под именем «революционных социалистов». Руководство в СПА после освобождения страны полностью сохранилось у правых лидеров, подавляющее большинство которых уехало в эмиграцию и без особого ущерба для себя перенесло фашистскую оккупацию.

С самого начала данные лидеры взяли курс на установление тесных связей с западными оккупационными властями и максимальное расширение рядов своей партии, а также проведение кампании под антикоммунистическими лозунгами против единства рабочих.

Значительную часть интеллигенции, чиновничества, мелких ремесленников, рабочих и некоторых группировок, которые состояли из лиц, сотрудничавших с нацистами, но по личным причинам, связанным с вероисповеданием, не желали вступить в АНП (партия католиков), объединила СПА.

Лидеры СПА опирались на поддержку оккупационных властей и были тесно связаны с находившимися в тот период у власти английскими лейбористами. В воспоминаниях А. Шерфа указывается на переговоры между лидерами обеих партий в Лондоне, во время которых была достигнута полная договорённость о принципах проводимой в Австрии политики, направленной против политики Советского Союза и компартии [13, с. 146].

Но лидеры СПА и в своих первых программных документах были вынуждены отразить ряд требований рабочих, которые были направлены на преобразование страны. На практике же лидеры СПА осуществление данных требований срывали любыми путями.

Из событий 1934–1945 гг. рабочие Австрии вынесли серьёзные уроки. Ведущую часть австрийских рабочих поражение в баррикадных боях 1934 г. научило, что только в активной борьбе можно закрепить и расширить добытые в течение нескольких десятилетий в серьёзных сражениях демократические завоевания и воспрепятствовать приходу к власти фашизма.

На собственном опыте рабочие Австрии убедились в пагубных последствиях аншлюса, которые пропагандировали правые лидеры социал-демократии и австрийские олигархи. Сущность фашизма состояла не только в росте эксплуатации, это было также войной, которая принесла гибель огромному количеству человек. Фашистский «наркоз» в одно время захватил отсталую часть рабочих, но в дальнейшем выветрился под влиянием поражения.

С другой стороны, победа над Германией открывала простым людям возможность для активной борьбы за свои личные интересы и освобождение от фашистского рабства. Но австрийские рабочие не смогли найти верного пути и снова оказались под влиянием правых социалистов, т. к. остались расколотыми в результате оппортунистической политики правых лидеров

СПА и были обмануты выдвинутыми ими демагогическими лозунгами.

Преемником католической Христианско-социальной партии, проводившей политику, которая привела страну к становлению диктатуры австрофашизма, стала Австрийская народная партия.

Со стороны национал-социалистов в подавляющем большинстве христианские социалисты не подвергались репрессиям, а большая часть их лидеров занимала высокие посты, при этом они преданно и верно служили гитлеровскому режиму.

После войны партия сменила название, но практически не изменила свою политику. Она стала центром консолидации реакционных сил в сложившихся после освобождения страны условиях. После Второй мировой войны австрийские монополии, которые в 1930-х гг. делали вначале ставку на австрофашизм, а в дальнейшем – на национал-социалистов, снова выбрали Народную партию в качестве своей политической опоры и оказывали ей широкую финансовую поддержку и иную помощь. АНП также имела поддержку и всестороннее внимание у американских оккупационных властей.

В неё вошли некоторые рабочие-католики, интеллигенция, большая часть ремесленников и крестьянства, а также крупные собственники. В качестве составных частей в партию вошли Австрийский союз работников умственного труда, Австрийский союз сельских хозяев и Австрийский союз рабочих и служащих, которые АНП создала с целью расширения своего влияния.

Несмотря на то, что в программе АНП содержались демагогические моменты, по своей сути данная программа была направлена на сохранение и укрепление в стране строя собственников. И неудивительно, что политика АНП сводилась к саботажу всех мероприятий по демократизации, денацификации и демилитаризации страны.

Дата поступления в редакцию 05.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Вититнев С. Ф. Экологическое движение в ФРГ: генезис, идеология, функции: дис. ... док. ист. наук. М., 2004. 592 с.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 3: 1 января – 3 сентября 1945 г. / ред.-сост. С. Майоров. М.: Госполитиздат, 1947. 171 с.
3. Ефремов А. Е. Советско-австрийские отношения после Второй мировой войны. М.: Госполитиздат, 1958. 190 с.
4. Жиряков И. Г. Воссоздание австрийского государства в 1945–1955 гг.: историко-правовое исследование. М., МГГУ им. М. А. Шолохова, 2007. 245 с.
5. Козьякова Н. С. Неофашистское движение в Австрии (1945–1975 гг.). М.: ИИУ МГОУ, 2018. 135 с.
6. Козьякова Н. С. Политика австрийских правых социалистов после окончания Второй мировой войны. М.: Знание-М, 2021. 113 с.
7. Фальсификаторы истории (историческая справка): по поводу опубликования Гос. департаментом США архивных материалов германского министерства иностранных дел «Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.» / под ред. И. В. Сталина. М.: Совинформбюро, Госполитиздат, 1948. 79 с.
8. Bund Sozialistischer Freiheitskämpfer und Opfer des Faschismus. Der sozialistische Kämpfer: 30 Jahre nach der Befreiung Österreichs: eine Dokumentation; 1934–1945. Wien: 1975. 79 p.
9. Friesenbichler G. Verdrängung: Österreichs Linke im Kalten Krieg 1945–1955. Innsbruck: Wien: Studien Verlag, 2021. 531 p.
10. Karner S., Stelzl-Marx B. Krieg. Folgen. Forschung: politische, wirtschaftliche und soziale Transformationen im 20. Jahrhundert. Wien: Köln: Weimar: Böhlau Verlag, 2018. 433 p.
11. Reisner M. Die Schlacht um Wien 1945: die Wiener Operation der sowjetischen Streitkräfte im März und April 1945. Berndorf: Kral-Verlag, 2020. 653 p.
12. Renner K. Ein republikanisches Fundament (1870–1950): die großen Leistungen würdigen, die Schatten ausleuchten. Wien: Renner Institut, 2020. 71 p.
13. Schdrf A. Österreichs Erneuerung 1945–1955, das erste Jahrzehnt der zweiten Republik. Wien, 1955. 427 p.
14. Stourzh G., Mueller W. Der Kampf um den Staatsvertrag 1945–1955: Ost-West-Besetzung, Staatsvertrag und Neutralität Österreichs. Wien: Köln: Weimar: Böhlaus Verlag, 2020. 844 p.
15. Weinert W. Abzeichen der österreichischen Arbeiterbewegung im 20. Jahrhundert: KPÖ und Umfeld. Wien: Wiener Stern Verlag, 2019. 135 p.

REFERENCES

1. Vitnev S. F. *Ekologicheskoye dvizheniye v FRG: genezis, ideologiya, funktsii: dis. ... dok. ist. nauk* [Ecological movement in Germany: genesis, ideology, functions: Dr. Sci. thesis in History]. Moscow, 2004. 592 p.
2. Mayorov S., ed. *Vneshnyaya politika Sovetskogo Soyuz v period Otechestvennoy voyny. Dokumenty i materialy. T. 3: 1 yanvarya – 3 sentyabrya 1945 g.* [Foreign policy of the Soviet Union during the Patriotic War. Documents and materials. Vol. 3: January 1 – September 3, 1945. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1947. 171 p.
3. Efremov A. E. *Sovetsko-avstriyskiye otnosheniya posle Vtoroy mirovoy voyny* [Soviet-Austrian relations after the Second World War]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 190 p.
4. Zhiryakov I. G. *Vossozdaniye avstriyskogo gosudarstva v 1945–1955 gg.: istoriko-pravovoye issledovaniye* [Reconstruction of the Austrian state in 1945–1955: historical and legal research]. Moscow, MGGU im. M. A. Sholokhova, 2007. 245 p.
5. Kozyakova N. S. *Neofashistskoye dvizheniye v Avstrii (1945–1975 gg.)* [Neo-fascist movement in Austria (1945–1975)]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ, 2018. 135 p.
6. Kozyakova N. S. *Politika avstriyskikh pravyykh sotsialistov posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [The policy of the Austrian right-wing socialists after the end of World War II]. Moscow, Znanie-M Publ., 2021. 113 p.
7. Stalin I. V., ed. *Falsifikatory istorii (istoricheskaya spravka): po povodu publikatsii Gos. departamentom SSHA arkhivnykh materialov germanskogo ministerstva inostrannykh del «Natsistsko-sovetskiye*

- otnosheniya 1939–1941 gg.»* [Falsifiers of history (historical background): regarding the publication of the State. Department of the United States of Archival Materials of the German Ministry of Foreign Affairs «Nazi-Soviet Relations 1939–1941»]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1948. 79 p.
8. *Bund Sozialistischer Freiheitskämpfer und Opfer des Faschismus. Der sozialistische Kämpfer: 30 Jahre nach der Befreiung Österreichs: eine Dokumentation; 1934–1945.* Wien: 1975. 79 p.
 9. Friesenbichler G. *Verdrängung: Österreichs Linke im Kalten Krieg 1945–1955.* Innsbruck, Wien, Studien Verlag, 2021. 531 p.
 10. Karner S., Stelzl-Marx B. *Krieg. Folgen. Forschung: politische, wirtschaftliche und soziale Transformationen im 20. Jahrhundert.* Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag, 2018. 433 p.
 11. Reisner M. *Die Schlacht um Wien 1945: die Wiener Operation der sowjetischen Streitkräfte im März und April 1945.* Berndorf, Kral-Verlag, 2020. 653 p.
 12. Renner K. *Ein republikanisches Fundament (1870–1950): die großen Leistungen würdigen, die Schatten ausleuchten.* Wien, Renner Institut, 2020. 71 p.
 13. Schärf A. *Österreichs Erneuerung 1945–1955, das erste Jahrzehnt der zweiten Republik.* Wien, 1955. 427 p.
 14. Stourzh G., Mueller W. *Der Kampf um den Staatsvertrag 1945–1955: Ost-West-Besetzung, Staatsvertrag und Neutralität Österreichs.* Wien, Köln, Weimar, Böhlau Verlag, 2020. 844 p.
 15. Weinert W. *Abzeichen der österreichischen Arbeiterbewegung im 20. Jahrhundert: KPÖ und Umfeld.* Wien, Wiener Stern Verlag, 2019. 135 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Козьякова Наталья Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya S. Kozyakova – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of Political Science and Law, Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Козьякова Н. С. Политическое положение Второй Австрийской республики после освобождения в 1945 г. // Вестник Московского государственного областного педагогического университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 96–106.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-96-106

FOR CITATION

Kozyakova N. S. Political situation of the Second Austrian Republic after the liberation in 1945. In: *Bulletin of Moscow Region State Pedagogical University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 96–106.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-96-106

УДК 94(510) (091)

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-107-114

ИСТОРИЯ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КИТАЙСКИХ ВОСТОЧНЫХ ПРОВИНЦИЯХ В 1990-Е ГГ. (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ЧЖЭЦЗЯН)

Макеева С. Б.*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН**119333, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть основные направления региональной политики в одной из восточных провинций Китая – провинции Чжэцзян в период с 1990 по 2000 гг.

Процедура и методы. В работе использованы исторический подход, ретроспективный и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В соответствии с положениями Восьмого (1991–1995) и Девятого (1996–2000) пятилетних планов в провинции Чжэцзян были разработаны проекты социально-экономических преобразований, составивших основу региональной политики в восточной, западной и центральной частях провинции. Ретроспективный метод исследования и введение в научный оборот новых исторических документов по региональной истории КНР позволили выявить 2 основных этапа в развитии провинции Чжэцзян в 1990-е гг.: 1990–1995 и 1996–2000 гг.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материал будет полезен при изучении исторического опыта Китая в рамках реализации региональной политики в один из самых успешных периодов современной истории Китая и изучении особенностей развития китайских регионов-партнёров, с которыми России можно развивать сотрудничество.

Ключевые слова: всеобщая история, Восточный Китай, провинция Чжэцзян, региональная политика, планирование, Восьмая пятилетка, Девятая пятилетка, инфраструктура

HISTORY OF REGIONAL POLICY IMPLEMENTATION IN CHINESE EASTERN PROVINCES IN 1990S (USING THE EXAMPLE OF ZHEJIANG PROVINCE)

S. Makeeva*Institute of Demographic Research, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
ul. Fotievoi 6, Moscow 119333, Russian Federation*

Abstract

Aim. To review the main directions of regional policy in one of the eastern provinces of China (Zhejiang Province) in the period 1990 to 2000.

Methodology. Historical approach, retrospective and comparative historical methods were applied in this work.

Results. In accordance with the provisions of the Eighth (1991–1995) and Ninth (1996–2000) five-year plans, Zhejiang province developed projects for socio-economic transformation, which formed the basis of regional policy in the eastern, western and central parts of the province. The retrospective method of research and the introduction of new historical documents on the regional history of

the PRC into scientific circulation made it possible to identify two main stages in the development of Zhejiang Province in the 1990s: 1990–1995 and 1996–2000.

Research implications. The work will be useful in studying China's historical experience in the implementation of regional policy in one of the most successful periods in China's modern history and in studying the features of the development of Chinese partner regions with which Russia can develop cooperation.

Keywords: general history, Eastern China, Zhejiang province, regional policy, planning, Eighth Five-Year Plan, Ninth Five-Year Plan, infrastructure.

Введение

Исследование истории региональной политики в китайских восточных провинциях неразрывно связано с анализом комплекса мероприятий по формированию системы региональной экономики Восточного Китая. История региональных преобразований в Восточном регионе Китая в 1990-е гг. связана с периодом реализации стратегии пространственного несбалансированного развития КНР (区域非均衡发展战略 1978–1999 гг.), приоритетным направлением которой являлось усиление прибрежного Восточного региона КНР. К Восточному Китаю относятся провинции: Цзянсу, Фуцзянь, Шаньдун, Чжэцзян и город центрального подчинения Шанхай. Данный регион занимал важное место в китайской региональной экономической системе.

Итак, мы рассмотрим основные направления региональной политики в одной из восточных провинций Китая – провинции Чжэцзян в период с 1990 по 2000 гг. Исторический подход позволяет выявить основные тенденции развития восточной провинции Чжэцзян. Благодаря ретроспективному методу исследования было выделено 2 этапа в развитии данной провинции: 1990–1995 гг. и 1996–2000 гг. Данные этапы совпадают с периодом реализации Восьмого и Девятого пятилетних планов социально-экономических преобразований Китая. С помощью сравнительно-исторического метода проведён анализ эффективности региональной политики Китая на территории провинции Чжэцзян в первой и второй половинах 1990-х гг.

Основу источниковой базы составили Генеральные планы развития провинции Чжэцзян, документы Статистического управления провинции Чжэцзян, документы Народного правительства провинции Чжэцзян за рассматриваемый период.

Региональная история является одним из основных направлений современной китайской исторической науки. Комплексное рассмотрение истории провинции Чжэцзян, детальное изучение всех аспектов развития регионов, провинций, городов позволяет в полной мере проследить исторический опыт пространственных преобразований в разных регионах КНР. В современной китайской историографии значительное количество работ посвящено региональной политике в Восточном регионе Китая.

Рассматривая историю регионального развития провинции Чжэцзян, необходимо выделить работы разных китайских учёных. В обзорном издании «Региональное развитие провинции Чжэцзян» описывается ход регионального экономического развития данной провинции, анализируются особенности и проблемы регионального развития, прогнозируется будущее региональной политики в провинции [5]. Китайский учёный Фань Цинъюй в своих работах рассматривает результаты региональной политики в провинции Чжэцзян за 40 лет «реформ и открытости» [6]. Стоит отметить, что китайские учёные, анализируя региональное развитие отдельных провинций, наиболее детально рассматривают эволюцию уездов. Чжань Чжанмин в своих работах, применяя сравнительно-исторический

метод, разбирает степень влияния проводимых реформ с 1978 г. на социально-экономическое развитие отдельных уездов провинции Чжэцзян [8–9].

В работах китайских учёных находит отражение экономическая история регионального развития провинции Чжэцзян. В исследовании «20 лет развития и финансовой реформы в провинции Чжэцзян» и в работе Го Чжаньхэна представлены модернизационные процессы экономической реструктуризации провинции Чжэцзян в период реализации политики «реформ и открытости» [1; 10]. Социальные аспекты исторического развития данной провинции рассматриваются такими китайскими учёными, как Гу Инчунь, Ян Цзяньхуа (предлагаются результаты по научному проекту «Оценка социального развития в провинции Чжэцзян» за 1995 и 1996 гг.), Чжан Бинь (комплексное рассмотрение истории сферы образования провинции Чжэцзян) [2; 7]. В обзоре «Модель развития туризма в провинции Чжэцзян» анализируются особенности и перспективы развития туристической сферы [4].

Особенности развития провинции Чжэцзян на рубеже 1980–1990-х гг.

Система региональной политики в китайских восточных провинциях в последнее десятилетие XX в. была призвана начать реализацию комплекса мероприятий по решению проблем неравномерности и диспропорциональности показателей пространственного развития. Одной из восточных провинций КНР, где происходили данные преобразования выступала провинция Чжэцзян с населением 41 445 930 чел. в 1990 г.¹

Политика «реформ и открытости» привнесла значительные изменения в социально-экономическое развитие

провинции Чжэцзян уже в 1980-е гг. Преобразования коснулись сельского хозяйства, возникли и получили стремительное развитие поселково-волостные предприятия. Была введена система семейной подрядной ответственности за ведение сельскохозяйственных работ. Реформирование городской жизни Чжэцзян касалось планирования, сферы финансов, налогообложения внутренней и внешней торговли. Политика открытости в провинции Чжэцзян способствовала развитию экспортно-ориентированной экономики и вовлечению в данный процесс всей территории провинции от Нинбо до Вэньчжоу – в общем, до 37 городов и уездов. Большое развитие получили производство и строительство, наука и образование, значительно возросла экономическая мощь провинции Чжэцзян. В 1990 г. ВВП провинции достиг 82,1 млрд юаней, увеличившись по сравнению с 1980 г. в 1,8 раза, при среднегодовом приросте 11%.

Региональная политика в китайской восточной провинции Чжэцзян включала в себя различные ключевые инфраструктурные проекты в области электроэнергетики, транспорта и связи (программа «Искр» 1985 г. – развитие китайского сельского хозяйства путём внедрения инноваций, программа «Факел» – развитие китайской науки и техники, «План богатого урожая»), а также ввод в эксплуатацию предприятий после технологической трансформации. Реформы коснулись и социальной сферы. Было введено обязательное девятилетнее образование, стало доступным профессионально-техническое образование. На основе развития производства значительно улучшился уровень потребительских способностей городских и сельских жителей, а также в разной степени повысился уровень жизни людей провинции Чжэцзян.

1990-е гг. были очень критическим периодом для социалистической модернизации в провинции Чжэцзян. Материально-техническая база провинции,

¹ Основные данные переписи населения провинции Чжэцзян в 1990 г. (浙江省1990年人口普查主要数据的公报): [сайт]. URL: http://tjj.zj.gov.cn/art/1990/9/3/art_1229129205_519865.html (дата обращения: 08.06.2022).

во многом сформированная в первое десятилетие «реформ и открытости», подверглась дальнейшей трансформации и модернизации в соответствии с целями построения «социализма с китайской спецификой». Региональная политика КНР по отношению к восточным провинциям, включая провинцию Чжэцзян, была направлена на устойчивое, стабильное и скоординированное развитие народного хозяйства; осуществление политики «опоры на собственные силы»; научно-технический прогресс и интеллектуальное развитие; реорганизацию перерабатывающей промышленности; строительство развитой региональной инфраструктуры; продолжение реформы городской и сельской экономической системы; расширение «открытости» для внешнего мира; реализацию стратегии экономического развития прибрежных районов; использование межрегиональных связей для ускорения экономического развития провинции Чжэцзян. Таким образом, на втором этапе модернизации в 1990-е гг. в региональной политике провинции Чжэцзян проявились задачи повышения уровня экономического и научно-технического развития.

Особенности реализации региональной политики в провинции Чжэцзян в первой половине 1990-х гг.

Основными историческими источниками по изучению системы региональной политики провинции Чжэцзян выступают документы: Планы Восьмой (1991–1995) и Девятой (1996–2000) пятилеток КНР, а также документы Народного правительства провинции Чжэцзян (浙江省人民政府).

В ходе реализации Восьмого пятилетнего плана в провинции Чжэцзян среднегодовой темп роста ВВП составил около 5%, среднегодовой темп роста стоимости промышленной продукции – 8%, сельскохозяйственной продукции – 3%, доходов бюджета – около 5,5%. В рамках освоения прямых иностранных инвестиций и вне-

дрения технологий среднегодовой рост экспорта внешней торговли достиг около 7%. Фактическое использование иностранных инвестиций за 1990–1995 гг. составило 4,7 млрд долларов США, что в 5 раз больше, чем в период Седьмой пятилетки [3, р. 105].

Строительные и технологические преобразования на территории провинции в период Восьмой пятилетки коснулись 62 ключевых инфраструктурных проектов с общим объёмом инвестиций 30,3 млрд юаней. Среди них: 9 объектов сельского и водного хозяйства, 32 объекта инфраструктуры (электроэнергетические, транспортные), 10 объектов тяжёлой и лёгкой промышленности, 11 объектов культуры, образования, здравоохранения и городского коммунального хозяйства.

В первой половине 1990-х гг. особое внимание в развитии провинции Чжэцзян уделялось контролю за естественным приростом населения, охране обрабатываемых земель и сокращению уровня безработицы, защите окружающей среды. Целый комплекс мер региональной политики был направлен на гармоничное сораствление сельского и лесного хозяйств, животноводства и рыболовства в провинции Чжэцзян, которая всегда выступала ключевой территорией по развитию сельскохозяйственного производства. Руководство региона стремилось к обеспечению стабильного роста урожая зерна, развитию многопрофильного агропроизводства. Общая стоимость сельскохозяйственной продукции достигла 17,8 млрд юаней в 1995 г. и 20,5 млрд юаней – в 2000 г. Это свидетельствовало о значимых результатах региональной политики Китая. Производство зерна соответствовало задачам самодостаточного стабильного развития, постепенно была восстановлена посевная площадь хлопчатника. Развивалось шелководство, поддерживалось выращивание традиционных китайских лекарственных средств.

В ходе реализации Восьмого пятилетнего плана в провинции Чжэцзян особое

внимание уделялось увеличению лесного фонда за счёт искусственного лесоразведения. В животноводстве внимание было сосредоточено на выращивании разных пород свиней, развитии производства птицы, яиц и молока, а также активном разведении крупного рогатого скота, овец и кроликов. Общий объём производства мяса достиг 980 000 т в 1995 г. и 1 млн т – в 2000 г. В рамках развития морского рыболовства, общий объём производства продукции водного промысла достиг 1,43 млн т в 1995 г. и 1,5 млн т – в 2000 г. В 1990-е гг. региональная политика провинции была направлена на строительство прибрежных и речных дамб в ключевых зернопроизводящих районах Ханчжоу, Сяошаонин, Цзиньчжоу, Вэньчжоу, Вэньчжоу. Началось строительство 3 водохранилищ: Шафань, Ваньбао, Байси. Увеличилось производство агрохимической продукции и сельскохозяйственной техники.

Строительство региональной инфраструктуры происходило в условиях реализации приоритетных проектов водного хозяйства и городского водоснабжения. В энергетическом строительстве уделялось внимание крупномасштабной тепловой энергетике в прибрежных портах, развитию атомной и гидроэнергетики. По итогам реализации Восьмого пятилетнего плана в провинции Чжэцзян электростанции Бэйлунь, Сяошань, Вэньчжоуская, Цзясинская и Чансинская достигли выработанной мощности в 2,4 млн кВтч, а выработка электроэнергии достигла 33 млрд кВтч в 1995 г. Также было продолжено строительство Циньшаньской атомной электростанции.

В транспортном строительстве продолжилось усовершенствование прибрежных портов, при этом особое внимание уделялось району Бэйлунь портового г. Нинбо. Основным транспортно-логистическим проектом, реализовывавшимся на территории провинции Чжэцзян, выступала скоростная автомагистраль Шанхай–Ханчжоу–Нинбо.

В первой половине 1990-х гг. продолжилась реструктуризация и преобразование обрабатывающей промышленности, усилилась технологическая трансформация текстильной промышленности, машиностроения, электронной промышленности. Особое внимание уделялось нефтехимическому производству, процесс модернизации коснулся нефтехимического комбината Чжэньхай, химического завода в Цюйчжоу. В ходе структурных преобразований в металлургической промышленности были модернизированы Ханчжоуский и Вэньчжоуский металлургические заводы, Ланьцзянский горно-металлургический комбинат.

Восьмой пятилетний план в провинции Чжэцзян дал значительные результаты: развивалась сельская экономика, значительно повысилась степень индустриализации, ускорилось развитие третичной отрасли промышленности, были увеличены инвестиции в инфраструктуру, строительство транспорта, связи и электроэнергетики, один за другим был завершён ряд ключевых проектов водного хозяйства и городских общественных объектов.

Особенности реализации региональной политики в провинции Чжэцзян во второй половине 1990-х гг.

В ходе реализации Девятого пятилетнего плана (1996–2000) продолжилась модернизация и трансформация социально-экономического регионального развития провинции Чжэцзян¹. 11 февраля 1996 г. на Четвёртой сессии собрания народных представителей Чжэцзян был одобрен План развития провинции в процессе реализации Девятой пятилетки.

¹ Девятый пятилетний план социально-экономических преобразований в провинции Чжэцзян и цели развития на 2010 г. (浙江省国民经济和社会发展“九五”计划和2010年远景目标纲要): [Электронный ресурс]. URL: https://www.zj.gov.cn/art/2021/6/18/art_1229540823_4667027.html (дата обращения: 02.06.2022).

В 1995 г. ВВП провинции оценивался в 345 млрд юаней со среднегодовым темпом роста 18,8%. Региональная политика провинции Чжэцзян во второй половине 1990-х гг. ориентировалась на формирование современной системы сельскохозяйственного производства с инновационной техникой, оптимизацию структуры промышленности, трансформацию традиционных отраслей, развитие высокотехнологичного производства.

18 февраля 2000 г. губернатор провинции Чжэцзян Чай Сунъюэ, выступая с предварительными итогами реализации Девятого пятилетнего плана, отмечал, что региональная экономика за первую половину 1990-х гг. сохраняла высокие темпы роста¹. ВВП провинции достиг 535 млрд юаней. В 2000 г. доход на душу населения городских жителей составил 9 279 юаней, а сельских жителей – 4 254 юаня. Активная трансформация традиционных производств привела к досрочному выполнению поставленной китайским правительством задачи по сокращению отсталого хлопкопрядильного производства. Объём производства строительной отрасли превысил 100 млрд юаней. Вырос уровень развития третичной промышленности. Транспортная отрасль, почта и телекоммуникации продолжали быстро развиваться. Индустрия туризма стала более активной, приняв 51 млн внутренних туристов и 947 800 иностранных. Большие успехи были достигнуты в области урбанизации и строительства инфраструктуры. Реформа государственных крупных и средних предприятий провинции достигла значительных результатов и было реструктуризировано 81,2% единиц. В процессе реализации политики открытости ведущую роль в провинции Чжэцзян сыграл Международный форум по инвестициям и торговле.

Ускорились городское и сельское строительство. За 1996–2000 гг. провинция инвестировала в основной капитал в общей сложности 925,3 млрд юаней, что в 1,5 раза больше по сравнению с периодом Восьмой пятилетки. Были завершены такие крупные инфраструктурные проекты, как железная дорога Цзиньвэнь, скоростные автомагистрали Шанхай–Ханчжоу–Нинбо и Шансань, стандартная морская дамба Цяньли, электростанция Бэйлунь (фаза II), гидроэлектростанция Тяньхуанпин и аэропорт Сяошань в Ханчжоу. Протяжённость скоростных автомагистралей в провинции увеличилась с 94 км до 627 км, железных дорог – с 921 км до 1185 км, грузооборот крупных портов увеличился с 110 млн т до 196 млн т².

В ходе реализации Девятого пятилетнего плана социально-экономических преобразований на территории провинции Чжэцзян продолжались модернизационные реформы в сельском хозяйстве, подверглась дальнейшей трансформации индустриальная сфера, за счёт привлечения внутренних и внешних инвестиций ускорились позитивные изменения в региональной инфраструктуре, была расширена транспортно-логистическая сеть и улучшена пропускная способность портовых городов.

Заключение

Таким образом, история региональной политики одной из восточных провинций Китая – провинции Чжэцзян – в переходный период регионального развития КНР от стратегии несбалансированности к стратегии скоординированности характеризуется реализацией множества социально-экономических мероприятий. В соответствии с положениями Восьмого (1991–1995) и Девятого (1996–2000) пятилетних планов в провинции Чжэцзян

¹ Отчёт о работе Народного правительства провинции Чжэцзян за 2000 г. (浙江省人民政府2000年工作报告 (一)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.zj.gov.cn/art/2006/1/10/art_1546443_22504474.html (дата обращения: 09.06.2022).

² Отчёт о работе Народного правительства провинции Чжэцзян за 2001 г. (浙江省人民政府2001年工作报告 (一)). [Электронный ресурс]. URL: https://www.zj.gov.cn/art/2006/1/10/art_1546442_22504567.html (дата обращения: 15.06.2022).

были разработаны проекты социально-экономических преобразований, составивших основу региональной политики в восточной, западной и центральной частях провинции. Ретроспективный метод исследования и введение в научный оборот новых исторических документов по региональной истории КНР позволили выявить 2 основных этапа в развитии провинции Чжэцзян в 1990-е гг.: 1990–1995 и 1996–1999 гг., когда, несмотря на трудности в реализации региональной политики по сокращению количества мелких государственных предприятий, привлечению иностранных инвестиций, в целом темпы экономического роста провинции Чжэцзян соответствовали поставленным задачам китайского правительства по построению «социализма с китайской спецификой» и модернизации регионов Китая.

Рассматривая историю реализации региональной политики КНР по отношению к восточным провинциям на примере провинции Чжэцзян, стоит отметить, что цели перехода от несбалансированного регионального развития к скоординированному пространственным преобразованиям в 1990-е гг. подразумевали устойчивое, стабильное соразвитие городских и сельских районов данного региона; трансформации традиционных отраслей промышленного производства, внедрения инновационных научно-технологических достижений в народное хозяйство Чжэцзян; строительство развитой региональной инфраструктуры; активное привлечение иностранных инвестиций и расширение территории «открытости» для внешнего мира в Восточном регионе КНР.

Дата поступления в редакцию 03.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Го Чжаньхэн. Трансформация и развитие: исследование некоторых экономических вопросов в провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2014. 358 с. (на кит. яз.: 郭占恒. 转型与发展: 浙江经济若干问题研究. 杭州: 浙江大学出版社, 2014. 358 页).
2. Гу Инчунь, Ян Цзяньхуа. Тенденция к сбалансированности: оценка социального развития в провинции Чжэцзян в 1995–1996 гг. // Академический журнал провинции Чжэцзян. 1996. № 6. С. 40–45. (на кит. яз.: 谷迎春, 杨建华. 走向均衡: 1995–1996 浙江省社会发展评估 // 浙江学刊. 1996. № 6. 页. 40–45).
3. История Китайской Народной Республики: 1949–2019. Пекин: Современное издательство Китая, 2019. 194 с. (на кит. яз.: 中华人民共和国大间史: 1949-2019. 北京当代中国出版社, 2019. 194 页).
4. Модель развития туризма в провинции Чжэцзян. Пекин: Туристическое издательство, 2011. 285 с. (旅游业发展的浙江模式. 北京: 中国旅游出版社, 2011. 285 页) (на кит.яз.)
5. Региональное развитие провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство «Просвещение» провинции Чжэцзян, 2008. 243 с. (на кит. яз.: 区域发展看浙江. 杭州: 浙江教育出版社, 2008. 243 页).
6. Фань Цинъюй. 40 лет «реформ и открытости» в серии исследований провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство «Просвещение» провинции Чжэцзян, 2018. 304 с. (на кит. яз.: 范庆瑜. 浙江改革开放40年研究系列-地方篇. 杭州: 浙江教育出版社, 2018. 304 页).
7. Чжан Бинь. История развития отрасли образования в провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство «Просвещение» провинции Чжэцзян, 2008. 98 с. (на кит. яз.: 张彬. 浙江教育发展史. 杭州: 浙江教育出版社, 2008. 1042页).
8. Чжань Чжанмин. Исследование практического развития и углубления реформ на территории уездов провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство торгово-промышленного университета провинции Чжэцзян, 2020. 422 с. (на кит. яз.: 占张明. 新时代浙江省深化改革与县域发展实践研究. 杭州: 浙江工商大学出版社, 2020. 422 页).
9. Чжань Чжанмин. Сравнительное исследование развития уездов в провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2014. 263 с. (на кит. яз.: 占张明. 浙江省县域发展比较研究. 杭州: 浙江大学出版社, 2014. 263 页).
10. 20 лет развития и финансовой реформы в провинции Чжэцзян. Ханчжоу: Издательство Чжэцзянского университета, 2014. 263 с. (на кит. яз.: 浙江金融改革发展二十年. 杭州: 浙江大学出版社, 2018. 332 页).

REFERENCES

1. Go Chzhan'hjen. *Transformacija i razvitie: issledovanie nekotoryh jekonomicheskikh voprosov v provincii Chzhjeczjan* [Transformation and Development: A Study of Some Economic Issues in Zhejiang Province]. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2014. 358 p.
2. Gu Inchun', Jan Czjan'hua [Trend towards balance: an assessment of social development in Zhejiang Province in 1995–1996]. In: *Akademicheskij zhurnal provincii Chzhjeczjan* [Academic Journal of Zhejiang Province]. 1996, no. 6, pp. 40–45.
3. *Istorija Kitajskoj Narodnoj Respubliki: 1949–2019* [History of the People's Republic of China: 1949–2019]. Beijing: The Modern Publishing House of China, 2019. 194 p.
4. *Model razvitija turizma v provincii Chzhjeczjan* [Model of tourism development in Zhejiang province]. Beijing: Travel Publishing House, 2011. 285 p.
5. *Regionalnoe razvitie provincii Chzhjeczjan* [Regional development of Zhejiang province]. Hangzhou: Zhejiang Province Enlightenment Publishing House, 2008. 98 p.
6. Fan' Cinjuj. *40 let «reform i otkrytosti» v serii issledovanij provincii Chzhjeczjan* [40 Years of «Reform and Opening Up» in Zhejiang Provincial Study Series]. Hangzhou: Zhejiang Province Enlightenment Publishing House, 2018. 304 p.
7. Chzhan Bin'. *Istorija razvitija otrasli obrazovanija v provincii Chzhjeczjan* [The history of the development of the education industry in Zhejiang Province]. Hangzhou: Zhejiang Province Enlightenment Publishing House, 2008. 98 p.
8. Chzhan' Chzhanmin. *Issledovanie prakticheskogo razvitija i uglubljenja reform na territorii uezdov provincii Chzhjeczjan* [Research on the practical development and deepening of reforms in the counties of Zhejiang Province]. Zhan Zhangming. Research on the practical development and deepening of reforms in the counties of Zhejiang Province. Hangzhou: Zhejiang Provincial University of Commerce and Industry Press, 2020. 422 p.
9. Chzhan' Chzhanmin. *Sravnitelnoe issledovanie razvitija uezdov v provincii Chzhjeczjan* [A comparative study of the development of counties in Zhejiang Province]. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2014. 263 p.
10. *20 let razvitija i finansovoj reformy v provincii Chzhjeczjan* [20 years of development and financial reform in Zhejiang Province]. Hangzhou: Zhejiang University Press, 2014. 263 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Макеева Светлана Борисовна – кандидат исторических наук, заведующий отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;
e-mail: msbmag9581@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana B. Makeeva – Cand. Sci. (History), Department Head, Department of Historical and Regional Demography, Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: msbmag9581@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Макеева С. Б. История реализации региональной политики в китайских восточных провинциях в 1990-е гг. (на примере провинции Чжэцзян) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-107-114

FOR CITATION

Makeeva S. B. History of regional policy implementation in Chinese eastern provinces in 1990s (using the example of Zhejiang province). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 107–114.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-107-114

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 930

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-115-122

ОЦЕНКИ ТРУДОВ М. Н. ПОКРОВСКОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 60-Х – НАЧАЛА 90-Х ГГ. XX В.

Гресь Е. В.

Московский государственный областной педагогический университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Рассмотреть взгляды на труды М. Н. Покровского в период второй половины 1960-х – начала 1990-х гг. Выделить ключевые особенности оценок творчества М. Н. Покровского в указанный период.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют материалы сравнительного анализа оценок творчества М. Н. Покровского в исторической науке второй половины 60-х – начала 90-х гг. XX в.

Результаты. По итогам исследования автором сделан вывод о трансформациях оценок М. Н. Покровского в исторической науке в изучаемый период, вскрыты причины этих трансформаций.

Теоретическая и/или практическая значимость. Материалы исследования могут быть использованы специалистами в области историографии, школьными учителями при подготовке к урокам.

Ключевые слова: М. Н. Покровский, школа М. Н. Покровского, историческая школа, советская историография

EVALUATION OF THE WORKS OF M. N. POKROVSKY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY OF THE SECOND HALF OF THE 60S – EARLY 90S OF THE 20TH CENTURY

E. Gres

Moscow Region State Pedagogical University

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim. To examine the views on the works of M. N. Pokrovsky of the Soviet period of the second half of the 1960s – early 1990s; to highlight the key features of the evaluation of M. N. Pokrovsky's work in this period.

Methodology. The main content of the study is the materials of a comparative analysis of the assessments of M. N. Pokrovsky's creativity in historical science of the second half of the 60s – early 90s of the 20th century.

Results. Based on the results of the study, the author concludes about the transformations of M. N. Pokrovsky's works' assessments in historical science during the period under study, the reasons for these transformations are revealed.

Research implications. The research materials can be used by specialists in the field of historiography, as well as by school teachers in preparation for lessons.

Keywords: M. N. Pokrovsky, M. N. Pokrovsky school, historical school, Soviet historiography

Введение

Интерес к истории обостряется в период кризисных и переломных моментов развития, когда историки начинают искать ответы на вопросы и проблемы современности в историческом опыте. Нередко в такие моменты происходит переосмысление исторических событий, а творчество и личный опыт историков рассматриваются сквозь призму современных проблем.

Период 70–90-х гг. XX в. – это завершающий этап советского периода в истории России, это время перехода от традиционного развития СССР к радикальным рыночным реформам, поиска решений, диссидентства и пересмотра политической концепции. Это период, в ходе которого наша страна прошла путь от расцвета Советской власти до её уничтожения. Несомненно, все эти аспекты оказали непосредственное влияние на историографические подходы советских историков.

Оценка трудов М. Н. Покровского в советской историографии

М. Н. Покровский является одной из неоднозначных фигур в отечественной истории и историографии. Его творческая деятельность как историка и методолога исторической науки прошла сложный путь от признания и восхищения до запрета и уничтожения. В период становления Советской власти М. Н. Покровский получает признание не только среди историков. Его труды высоко оценивает В. И. Ленин, активно развивается «историческая школа Покровского». Однако во второй половине 1930-х гг. историческая

концепция М. Н. Покровского подверглась резкой критике и, в конечном счёте, была предана забвению. Это произошло не только с ведома, но и по инициативе высшего политического руководства СССР, ведущие позиции в котором занимал И. В. Сталин. Под давлением официальных властей ученики Покровского отвернулись от своего учителя и выступили с рядом публикаций, обличающих его творчество как антисоветское, антимарксистское и антиленинское. На долгие годы о Покровском как об историке было забыто, и лишь в период прихода к власти Н. С. Хрущёва труды М. Н. Покровского были реабилитированы на государственном уровне.

Не следует забывать, что жизнь и творчество советских учёных первого поколения представляют большой научный интерес не только с точки зрения прикладного изучения с целью обосновать правильность решения проблем развития сегодняшней исторической мысли. Исследование исторической науки периода конца 1920-х – 1930-х гг. позволяет по-новому поставить некоторые вопросы теории и методики историографических исследований, возвращает нас к подзабытой сегодня, но по-прежнему актуальной проблеме периодизации советской историографии.

Однако при рассмотрении творчества М. Н. Покровского необходимо отметить, что оно получало неоднозначную оценку и в дореволюционный период. Причина крылась в самом подходе М. Н. Покровского к периодизации отечественной истории. Он рассматривал историю

с позиций классовой борьбы, при этом, как отмечается в статьях А. Кизеветтера [9], посвящённым оценке творчества Покровского, историк использовал такие термины, как «пролетариат» и «буржуазия» при характеристике периодов истории, когда этих понятий не существовало. Это, по мнению А. Кизеветтера, ставило историю в обслуживающее положение по отношению к политике. Однако выделение этих недостатков не мешало А. Кизеветтеру оценивать М. Н. Покровского как достойного профессионала. Это одно из важнейших отличий от той критики, которая была обрушена на труды историка в 30-х гг. XX в.

Учебник М. Н. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке» стал первым российским учебником истории, который выдержал 15 переизданий и долгое время являлся единственным официальным учебником по истории России.

Высокую оценку деятельность Покровского как историка получила и в трудах А. И. Гуковского. Анализируя работу Покровского над «Русской историей с древнейших времён» А. И. Гуковский отмечает, какой колоссальный труд был вложен в эту работу, ведь Покровский по требованиям издательства сдавал не менее 3 печатных листов текста в месяц, чтобы придерживаться этого темпа Покровский не только проводил в Парижской национальной библиотеке весь день, но и продолжал работу дома [4].

Ещё в 1966 г. А. И. Гуковский отмечал, что в советский период незаслуженно забыты труды Покровского как археографа, однако в статье «Археография» в «Советской исторической энциклопедии» ни слова не сказано о нём, тогда как именно Покровский стоял у истоков советской археографии. Однако, забыв о вкладе Покровского в становление и развитие советской археографии, в ней не забыли выступить с критикой школы Покровского. А. И. Гуковский в своей статье обращает внимание на необосно-

ванность обвинения Покровского в хрестоматийной публикации документов [5, с. 66]. Необходимо отметить, что в советской историографии архивной деятельности Покровского действительно уделяется незаслуженно мало внимания. А ведь именно он возглавлял Центрархив в 1920–1932 гг.

Роль М. Н. Покровского в изучении истории революции раскрывается в работах Е. Н. Городецкого [3]. Городецкий отмечает, что хоть Покровскому и не удалось выпустить единую монографию, аккумулирующую все его публикации по истории Октябрьской Революции, историк осветил важнейшие моменты этого исторического периода. Особо отмечена роль в советской историографии коллективной монографии «Очерки по истории Октябрьской революции» (1927 г.) и сборника статей «Октябрьская революция» (1929 г.). Научным руководителем работ был М. Н. Покровский [3, с. 264].

Заслуги М. Н. Покровского как историка объективно очень велики, однако неоднозначность его подхода к периодизации истории и многих исторических фактов вызывала спорную оценку и в советский период, когда имя Покровского вернулось в ряды признанных историков.

В советской историографии 1960–1980-х гг. оценка творчества Покровского приобретает более объективный характер. С одной стороны, М. Н. Покровский стал одним из первых историков, глубоко исследовавших роль В. И. Ленина в истории. Теория торгового капитала, стоящая в основе исторической концепции Покровского, была призвана, по мнению учёного, конкретизировать теоретические положения марксизма применительно к отечественной истории.

Эволюция исторических взглядов Покровского раскрывается в работах К. К. Когонашвили [10], О. Д. Соколова [11], А. А. Чернобаева [14] и т. д.

В диссертации К. К. Когонашвили подробно исследуется деятельность Покровского как педагога-историка, ха-

рактируется развитие методологии и концепции его исследований, даётся характеристика конкретно-исторических взглядов учёного.

Глубокий анализ работ М. Н. Покровского проводит Л. В. Черепнин [13]. Отмечая недостатки исторической концепции М. Н. Покровского, Л. В. Черепнин отмечает, что в основе заблуждений лежит теория торгового капитала, работы Покровского лишены чёткой теоретической базы, в них не приводятся конкретные трактовки понимания общественных формаций, а при исследовании закономерности их сменяемости делается ошибочный вывод о ведущей роли торгового капитала, подменяя тем самым роль промышленного капитализма в процессе разложения феодальных отношений. Ещё одним существенным недостатком, по мнению Л. В. Черепнина, является занижение Покровским роли национального фактора, национальных традиций в историческом развитии. Однако, как и многие другие авторы этого периода, Л. В. Черепнин, выделяя отдельные недостатки, в целом не умаляет роль Покровского в истории России. Он обращает внимание читателя на то, что труды Покровского стали достижением советской историографии, служат важным источником познания ленинской концепции и позволяют проследить развитие марксистской науки. Отмечает Черепнин и выдающиеся заслуги Покровского в борьбе с буржуазной историографией.

Характеризуя вклад Покровского в развитие российской истории, Черепнин не призывает его идеализировать, он говорит о необходимости восприятия творчества Покровского как наследия великой эпохи, позволяющем осознать противоречивость, многогранность и методологическую сложность исторической науки того времени. Он отмечает, что анализ работ Покровского позволяет сформировать предпосылки для недопущения исторических ошибок того периода.

Важную роль в историографии работ Покровского играют труды О. Д. Соколова [11]. В 1970 г. была опубликована книга «М. Н. Покровский и советская историческая наука», в которой, как и в публикациях Л. В. Черепнина, большое внимание уделяется историографической деятельности М. Н. Покровского. Соколов раскрывает эволюцию исторических взглядов Покровского, даёт оценку вкладу Покровского в развитие марксистской исторической науки, в подготовку историков-марксистов.

О. Д. Соколов не возвеличивает Покровского, но и не занижает его роли в развитии советской историографии. Автор пытается найти причину ошибочных воззрений Покровского и противоречий в изложении исторических событий.

Соколов отмечает, что исторические взгляды Покровского формировались под влиянием двух различных методологий: социологического подхода к истории учителя Покровского – В. О. Ключевского и марксистско-ленинской методологии. В. И. Ленин поставил перед Покровским задачу по написанию курса русской истории, с которой историк блестяще справился. Соколов отмечает, что порой именно недостаточно обоснованные и недостаточно удачные научные разработки Покровского наиболее полно позволяют понять всю сложность процесса становления и распространения марксистского направления в русской историографии [11].

Эта проблема находит отражение и в трудах А. А. Чернобаева, который в своей статье «М. Н. Покровский – учёный и революционер» раскрывает влияние догматизма и субъективизма, а также ограниченности использования источников на изложение исторических фактов [14, с. 8]. Статья А. А. Чернобаева была опубликована в 1988 г., в этот период критика советского строя становится более явной и открытой. Если в более ранних публикациях заблуждения Покровского рассматривались как следствие его собственных заблуждений, как ошибочность

его ключевой концепции, то в работах конца 1980-х – начало 1990-х гг. авторы [10–11; 13] отмечают, что Покровский пытался подвести исторические факты под марксистско-ленинскую идеологию.

Примером может служить нивелирование Покровским роли религии в историческом развитии России. Эта позиция историка была близка и созвучна атеизму автора. Показательным в этом плане выступает иллюстрация Крещения Руси. Для Покровского как историка этот исторический факт не представляет знаменательного события, он не видит разницы между язычеством и новой верой: с приходом христианства жертвоприношения стали передаваться не напрямую, духам, а отдавались духовенству, чтобы те ублажили высшие силы. Многие историографы [1; 14 и др.] полагают, что именно Покровскому принадлежит зарождение советской исторической традиции по принижению роли православия в истории России.

Во второй половине 1980-х гг. советские историки подходят к исследованию материалов ранее находившихся в «спехране», намечается отход от принципов марксистско-ленинской теории.

А. А. Чернобаев отмечает, что критику работ Покровского можно разделить на 2 направления:

1. объективная критика его заблуждений и ошибочных методологических подходов;

2. очернительство и обвинение в антимарксистской и антиленинской направленности его работ [14, с. 11].

Анализируя деятельность Покровского как историка Чернобаев опирается как на работы самого историка, так и на труды О. Д. Соколова [11], А. А. Говоркова [2], С. М. Дубровского [6–7], Е. А. Луцко-го, Л. В. Черепнина [13].

А. А. Чернобаев справедливо замечает, что даже в 1980-е гг. творчество Покровского не всегда оценивалось объективно. Как и в более ранние периоды среди исследователей его творчества не

нашлось единого мнения. Были те, кто анализировал его работы с позиций исторического опыта, но были и те, кто опирался на обличительные статьи 1930-х гг. В качестве примера можно привести статью «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского», которая вошла в опубликованный в 1987 г. сборник научных трудов академика Н. М. Дружинина «Социально-экономическая история России». Впервые эта статья публиковалась в 1939 г., и как отмечает А. А. Чернобаев, пронизана духом очернительства [14].

В своих работах, посвящённых творчеству Покровского, Чернобаев не соглашается с теми, кто предлагает воспринимать деятельность Покровского как давно свершившийся факт, представляющий возможный интерес лишь для узких специалистов. В период перестройки работы Покровского, по утверждению Чернобаева, не теряют своей актуальности, они позволяют людям черпать исторические знания, изучать марксизм во всей его полноте и многогранности и служат инструментом обновления советского общества.

Актуальность наследия историографической деятельности Покровского раскрывается и в работах А. Н. Артизова, который писал: «Критика Покровского способствовала преодолению нигилизма по отношению к дореволюционному историографическому наследию, активизировала разработку многих научных проблем, помогла советским учёным написать патриотические по звучанию исторические учебники, в которых были отражены последние к тому времени достижения отечественной историографии» [1, с. 114].

В 90-е гг. XX в. в историографии появляются и несколько неожиданные взгляды на концепцию торгового капитала Покровского. Так, Б. Ю. Кагарлицкий отметил роль теории торгового капитала в развитии рыночных отношений и вхождении России в мировую экономику [8].

По утверждению Кагарлицкого, Покровский опередил своё время, и его теория представляет предельный интерес в период ломки общественных устоев, и именно в трудах Покровского необходимо вести поиск новых путей развития. Кагарлицкий вслед за Покровским утверждает, что именно торговый капитал служит связующим звеном между центром и периферией. Но, увлекаясь трактовкой положений методологии Покровского, Кагарлицкий не подтверждает свои идеи историческими фактами. Однако именно он положил начало нового подхода исследований работ Покровского, нового этапа, который продолжается и сегодня.

Заключение

М. Н. Покровскому посвящена обширная историография. Многогранность, быстрая трансформация взглядов историка привели к тому, что и оценки его творчества легко и радикально трансформировались. Нельзя не отметить и роль марксистско-ленинской идеологии, а также изменившегося отношения Советского руководства к трудам М. Н. Покровского, которые спровоцировали необъективную и беспочвенную критику, пик которой пришёлся на 1930-е гг.

В исследуемый же период советской историографии – 70-е – начало 90-х гг. XX в. – оценка трудов Покровского становится более объективной. Историки отмечают заблуждения, а порой и искажения исторических фактов, присущие Покровскому, но в целом признают его роль в развитии советской истории, археологии, историографии. В публикациях завершающего этапа перестроечного периода ярче прослеживается выделение влияния марксистско-ленинской идеологии на ошибки исторической методологии Покровского. Постепенно рождаются новые подходы, и вот уже теория торгового капитала Покровского рассматривается как основа вхождения России в глобальную капиталистическую экономику.

Как видим, оценки творческого наследия Покровского находились в прямой зависимости от изменения вектора государственной идеологии в области исторической политики. Одно неоспоримо, что становление советской моноконцепции отечественной истории шло не мимо работ М. Н. Покровского, а непосредственно через всё его творчество [12].

Дата поступления в редакцию 24.11.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Артизов А. Н. М. Н. Покровский как историк отечественной исторической науки // История СССР. 1985. № 2. С. 112–118.
2. Говорков А. А. М. Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1976. 263 с.
3. Городецкий Е. Н. Советская историография Великого Октября. 1917 – середина 30-х годов. М.: Наука, 1981. 367 с.
4. Гуковский А. И. Как создавалась «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского // Вопросы истории. 1968. № 9. С. 130–142.
5. Гуковский А. И. Спорные вопросы советской археологии // Вопросы истории. 1966. № 5. С. 65–76.
6. Дубровский С. М. Академик М. Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 3–31.
7. Дубровский С. М. М. Н. Покровский и его роль в марксистской разработке истории России // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. III / гл. ред. М. В. Нечкина. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 218–236.
8. Кагарлицкий Б. Ю. Разгадка сфинкса. Забытая история Михаила Покровского // Русская жизнь. 2008. № 33. С. 98–102.
9. Кизеветтер А. Царствование Александра I в новом освещении // Русская мысль. 1908. Кн. I–II. С. 99–118.

10. Когонашвили К. К. Педагогическая деятельность и историко-методические взгляды М. Н. Покровского: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1969. 20 с.
11. Соколов О. Д. М. Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970. 276 с.
12. Фукс А. Н. Русская история в самом сжатом очерке М. Н. Покровского как историографический источник // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2010. № 3. С. 13–21.
13. Черепнин Л. В. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. IV. М., 1966. С. 180–198.
14. Чернобаев А. А. М. Н. Покровский – учёный и революционер // Вопросы истории. 1988. № 8. С. 3–23.

REFERENCES

1. Artizov A. N. [M. N. Pokrovsky as a historian of domestic historical science]. In: *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1985, no. 2, pp. 112–118.
2. Govorkov A. A. *Pokrovskiy o predmete zarazheniya nauki* [M. N. Pokrovsky on the subject of historical science]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 1976. 263 p.
3. Gorodetsky E. N. *Sovetskaya istoriografiya Velikogo Oktyabrya. 1917 – seredina 30-kh godov* [Soviet historiography of the Great October Revolution. 1917 – mid 30s]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 367 p.
4. Gukovsky A. I. [How «Russian history with the teachers of the times» by M. N. Pokrovsky was created]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1968, no. 9, pp. 130–142.
5. Gukovsky A. I. [Controversial issues of Soviet archeography]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1966, no. 5, pp. 65–76.
6. Dubrovsky S. M. [Academician M. N. Pokrovsky and his role in the development of Soviet historical science]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1962, no. 3, pp. 3–31.
7. Dubrovsky S. M. [M. N. Pokrovsky and his role in the Marxist development of the history of Russia]. In: Nechkina M. V., ed. *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. T. III* [Essays on the history of historical science in the USSR. Vol. III]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1963, pp. 218–236.
8. Kagarlitsky B. Yu. [The clue to the sphinx. The Forgotten History of Mikhail Pokrovsky]. In: *Russkaya zhizn* [Russian Life], 2008, no. 3, pp. 98–102.
9. Kizeveter A. [The reign of Alexander I in a new light]. In: *Russkaya mysl* [Russian Thought], 1908, book I–II, pp. 99–118.
10. Kogonashvili K. K. *Pedagogicheskaya deyatel'nost' i istoriko-metodicheskiye vzglyady M. N. Pokrovskogo: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk* [Pedagogical activity and historical and methodological views of M. N. Pokrovsky: Cand. Sci. thesis in Pedagogic sciences]. Moscow, 1969. 20 p.
11. Sokolov O. D. *Pokrovskiy i sovetskaya istoricheskaya nauka* [M. N. Pokrovsky and Soviet historical science]. Moscow, Mysl Publ., 1970. 276 p.
12. Fuchs A. N. [“Russian history in the most concise essay” by M. N. Pokrovsky as a historiographic source]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2010, no. 3, pp. 13–21.
13. Cherepnin L. V. *Ocherki istorii istoricheskoy nauki v SSSR. T. IV* [Essays on the history of historical science in the USSR. Vol. IV]. Moscow, 1966, pp. 180–198.
14. Chernobaev A. A. [M. N. Pokrovsky – scientist and revolutionary]. In: *Voprosy istorii* [Questions of history], 1988, no. 8, pp. 3–23.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гресь Евгений Викторович – аспирант кафедры методики преподавания истории, политологии и права Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: gres.jenya@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Gres – Postgraduate student, Department of Methods of Teaching History, Political Science and Law, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: gres.jenya@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гресь Е. В. Оценки трудов М. Н. Покровского в советской историографии второй половины 60-х – начала 90-х гг. XX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 115–122.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-115-122

FOR CITATION

Gres E. V. Evaluation of the works of M. N. Pokrovsky in soviet historiography of the second half of the 60s – early 90s of the 20th century. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 115–122.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-115-122

УДК 930.23/930.24

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-123-134

ФЕНОМЕН ДВОЕВЛАСТИЯ В РОССИИ В 1917 Г. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Яковлев Н. А.*Московский государственный областной педагогический университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проанализировать, представленное в англоязычной историографии объяснение сложившегося в России в 1917 г. феномена политического двоевластия, обобщив и сопоставив позиции различных научных направлений.

Процедура и методы. С помощью сравнительно-исторического метода, принципов объективизма и историзма исследованы представленные в зарубежной историографии концепции причин появления и эволюции политического двоевластия в России в 1917 г.

Результаты. Сопоставлены точки зрения и подходы к проблеме феномена двоевластия в России в 1917 г. двух основных англоязычных научных направлений – «тоталитаристского» и «ревизионистского». Выявлены их различия и схожести в вопросах причин появления, содержания, хронологии двоевластия в России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ англоязычных исследований, посвящённых проблемам организации власти в 1917 г. позволяет сопоставить точки зрения представителей различных научных направлений, что, в свою очередь, даёт возможность устранить разночтение понятия «двоевластия», дать хронологию его эволюции и представить историографию по данной тематике в полном объёме.

Ключевые слова: двоевластие, Временное правительство, Петроградский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, англоязычная историография

THE PHENOMENON OF DUAL POWER IN RUSSIA 1917 IN ENGLISH-LANGUAGE HISTORIOGRAPHY

N. Yakovlev*Moscow Region State Pedagogical University**ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyze the explanation presented in English-language historiography of the political dual power phenomenon that developed in Russia in 1917, summarizing and comparing the positions of various scientific directions.

Methodology. Based on the comparative historical method and the principles of objectivism and historicism, to investigate the concepts presented in foreign historiography of the causes of the emergence and evolution of political dual power in Russia in 1917.

Results. The author compares points of view and approaches to the problem of the dual power phenomenon in Russia in 1917 of two main English scientific directions – “totalitarian” and “revisionist”.

Their differences and similarities in the issues of the reasons for the appearance, content, and chronology of dual power in Russia in 1917 are revealed.

Research implications. The analysis of English-language studies (“totalitarian” and “revisionist” scientific directions) devoted to the problems of the organization of power in 1917 makes it possible to compare the points of view of representatives of various scientific directions, which in turn makes it possible to eliminate the discrepancy in the concept of “dual power”, to give a chronology of its evolution and to present historiography on this topic in full.

Keywords: Dual power, Provisional Government, Petrograd Soviet of Workers’, Soldiers’ and Peasants’ Deputies, English-language historiography

Введение

Зарубежные историки признают факт существования в России политического двоевластия 1917 г., хотя само его определение достаточно противоречиво. Особенностью зарубежной историографии по революционному периоду является то, что она возникла как рефлексия на холодную войну, т. е. имела конкретное политическое основание – необходимость изучения истории СССР как геополитического противника для выработки адекватной стратегии борьбы с ним. Но зарубежная историография неоднородна, представители, например, англоязычной историографии – последователи либо т. н. тоталитарного или т. н. ревизионистского направлений – предлагают своё толкование феномена политического «двоевластия» в России 1917 г., причин его появления, хронологии, последствий и проч. Сопоставление различных научных позиций даёт возможность для более углублённого и всестороннего анализа проблемы.

Актуальность заявленной темы для исследования заключается в том, что сегодня, в условиях так называемых «войн памяти», важно обращение к зарубежной историографии, освещающей не только вопросы истории России, но и эволюции российской власти, особенно в условиях интегрального социально-политического кризиса. Подобное обращение даст возможность всесторонне изучить позиции исследователей различных научных направлений.

Предметом статьи выступают работы англоязычных исследователей, изучаю-

щих в конце XX – начале XXI вв. особенности феномена двоевластия в условиях русской революции 1917 г.

Цель статьи – исследовать генезис взглядов англоязычных исследователей по проблеме организации власти после свержения монархии в России в 1917 г.

Для достижения поставленной цели необходимо выяснить отличия в подходах представителей различных научных направлений, их мотивацию в отстаивании своих позиций, а также обоснование критики последних со стороны оппонентов.

Для ответа на главный вопрос «Как интерпретировать систему двоевластия: в виде противостояния, борьбы или как компромисса?» необходимо выстроить чёткое представление о причинах политического двоевластия, его периодизацию и эволюцию.

Исследование поставленных вопросов проводилось в соответствии с принципами историзма и системного метода, что позволило осуществить всесторонний научный анализ заявленной к рассмотрению проблемы в целом.

Тоталитарное направление

Основные теоретические аспекты тоталитарной модели интерпретации всей истории СССР, а также революционного периода в целом и феномена двоевластия в частности были разработаны и обоснованы известным американским политологом и историком Х. Арендтом [1].

Самый маститый среди «тоталитаристов» Р. Пайпс признавал двоевластие как объективную реальность русской революции. По его мнению, оно сложи-

лось спонтанно и стало возможным с появлением двух революционных акторов – Петросовета и Временного комитета государственной думы (ВКГД) [9, с. 224]. Поэтому закономерно и утверждение Пайпса об окончании двоевластия в октябре 1917 г., а не раньше (например, в июле), поскольку именно в тот период Временное правительство было свергнуто, а власть в свои руки взял Совет. Пайпс акцентировал внимание на том, что последнее событие выглядело не как революционное действие, а, скорее, как логическое завершение истории двоевластия, порождённого Февральской революцией, чей потенциал был к этому времени исчерпан [10, с. 122].

По мнению Пайпса, двоевластие стало возможно вследствие 2 причин. Во-первых, лидеры прогрессивного блока Думы давно претендовали на государственную власть. Однако в силу неожиданности и стихийности начала революции в вопросе организации новой власти они проявили колебание, заняв в результате выжидательную позицию, что подтверждалось и целью создания ВКГД. Однако логика развития революции, так или иначе, заставила бы ВКГД заняться организацией власти.

Во-вторых, триггером революции был бунт воинских частей, который слился с демонстрациями рабочих. Без выступления солдат революции не было бы – такая позиция и Пайпса. Необходимо признать, что Петросовет как властный орган смог самоорганизоваться быстрее, чем ВКГД, что проявилось в издании Приказа № 1 по Петроградскому гарнизону. Цель приказа – подчинение войск Петросовету для недопущения контрреволюции. Этот приказ заставил ВКГД активизироваться (что выражалось в давлении на Николая II с целью добиться его отречения от престола). В результате, либеральные представители Думы смогли сформировать Временное правительство, которое имело некоторую легитимность в силу причастности его министров к Думе и

их известности в стране, но это правительство не имело силовой поддержки гарнизона в той степени, которую имел Петросовет. Таким образом, Временное правительство изначально оказалось в «подвешенном» состоянии, и именно поэтому его создателям пришлось идти на компромисс с Исполкомом Петросовета. Причину отказа Исполкома от формирования Временного правительства Пайпс видел в трусости его руководителей и нежелании взять на себя ответственность [9, с. 221, 224, 226, 230; 10, с. 52].

Систему двоевластия Р. Пайпс характеризует как нечто подобное взаимодействию исполнительной и законодательной власти, где Временное правительство – исполнительная власть, а Петросовет – законодательная. Однако это взаимодействие заключало в себе неустранимое противоречие, которое неизбежно вело и привело к революционной, а не эволюционной трансформации двоевластия в новую политическую систему – Совет. Это противоречие заключалось в разных представлениях о целях либералов во Временном правительстве и социалистов – в Петросовете: первые считали необходимым остановить ход политических событий на рубеже 27 февраля 1917 г.; для вторых февральские события рассматривались лишь как ступень к «настоящей», т. е. социалистической, революции [10, с. 122].

Пайпс не обращался к вопросу периодизации двоевластия, но исходя из его концепции, можно выделить 2 периода:

1. *27 февраля – сентябрь 1917 г.* (получение большевиками большинства в Моссовете и Петросовете). На данном временном отрезке двоевластие – компромисс между Временным правительством и Советами, который характеризуется отсутствием открыто враждебным противостоянием между двумя революционными акторами;

2. *сентябрь – 25–26 октября 1917 г.* (со стороны Временного правительства период характеризовался как время «без-

власть»). Власть, по мнению Пайпса, перестала существовать даже в том ограниченном смысле. Всё было готово для «контрреволюции слева» [10, с. 94]. Время двоевластия закончилось с падением Временного правительства.

Ещё один представитель тоталитарного направления, американский историк М. Малиа, также представлял двоевластие как объективную реальность революции 1917 г. По мнению М. Малиа, двоевластие возникло 2 марта с момента образования Временного правительства, действовавшего параллельно с более авторитетным в политической среде Советом [7, с. 313]. На практике это вылилось в то, что в «авангарде революции 1917 г., в отличие от 1905 г., с самого начала оказались социалисты, а не либералы» [7, с. 314]. М. Малиа оценивал Совет как структуру расплывчатую и изменчивую, и как следствие подобной ситуации – советская власть не смогла быть организационно оформлена «в государственную общность» с присущей последней управленческой структурой и системой принуждения [8, с. 115]. Малиа считает уязвимой и власть Временного правительства. Слабость последнего выражалась в его «временности», т. е. власть Временного правительства не была самодостаточной, а была зависима от другого актора – Совета. На практике это выражалось в том, что осуществление правительством своих функций находилось в зависимости от «доброй воли Совета» [8, с. 116].

Таким образом, система двоевластия в интерпретации М. Малиа заключается, с одной стороны в том, что Совет хотя и обладал властью, но не представлял собой государственной управленческой структуры. С другой стороны, Временное правительство, зависимое от Совета, не являлось полноценным правительством, обладающим всей полнотой государственной власти. Фактически Малиа придерживается точки зрения Троцкого на двоевластие – как двоебезвластие [13, с. 61–69].

М. Малиа выделяет 4 этапа двоевластия:

1. *февраль – апрель 1917 г.* – сближение позиций либералов и социалистов. Кадеты пытались не допустить радикализации ситуации, рассчитывая сосредоточить все усилия на достижении победы в войне [8, с. 116];

2. *апрель – июль 1917 г.* – появление ленинской «концепции двоевластия», основное содержание которой сводится к «борьбе пролетариата и буржуазии» и «углублению революционного кризиса». Этот период характеризуется стремительной радикализацией политической ситуации, предопределённой тем, что министр обороны – социалист А. Ф. Керенский – предпринял «демократическое наступление» на фронте, рассчитывая продемонстрировать «жизнеспособность» революционной России. С другой стороны, радикализация усилилась и из-за попытки большевиков захватить власть в июле 1917 г. [8, с. 117];

3. *июль – август 1917 г.* – рост «правой реакции» («корниловщина»), которая имела целью «покончить с двоевластием, раздавить Совет и продолжить войну» [8, с. 117]. Оценивая обстановку, сложившуюся в России в начале июля 1917 г., М. Малиа вполне закономерно приходит к выводу, что и речи не могло быть об устройстве в 1917 г. конституционного строя [7, с. 314].

4. *сентябрь – октябрь 1917 г.* – завершение двоевластия, предопределённое ростом влияния большевиков, организацией ими вооружённого восстания, используя возможности Петросовета. В этот период власть Временного правительства была только «на бумаге». И перед большевиками не существовало преград для установления полного контроля над Советом, а затем и всей полноты власти [8, с. 117].

Периодизация, предложенная Малиа, логична, обоснована, непротиворечива и объективно отражает ход исторических событий, выражает их сущность. Побе-

ду большевиков над Временным правительством Малиа считает закономерной, т. к. осенью 1917 г. не было сил, которые обладали бы реальной властью, только большевистская партия (хотя и малочисленная на тот момент) оказалась в состоянии подобрать власть и выстроить государство нового типа [8, с. 122].

Американский историк А. Улам также придерживался концепции «двоебезвластия». Возникновение 2 центров власти (Временного правительства и Петросовета) он считал «результатом... импровизаций» [14, с. 288]. Беря в кавычки слово «правительство», Улам подчёркивал отсутствие у него способности что-либо решать в период двоевластия, указывая на то, что после падения самодержавия образовался вакуум, сохранившийся до октября 1917 г. – Россия на протяжении 8 месяцев оставалась без центрального правительства.

Система двоебезвластия имела следующую характеристику: с одной стороны – политически беспомощное Временное правительство [11, с. 291], а с другой – Совет («воплощение» власти простых людей), «под внешним глянцем» которого скрывалась слабость и недееспособность [14, с. 291–292]. А. Улам намеренно не употребляет термин «двоевластие». В его интерпретации радикально настроенные представители интеллигентских кругов предложили своё видение «формы правительства», которая нашла поддержку в среде умеренных социалистов (эсеров и меньшевиков), а именно либерально настроенные представители российского общества должны взять власть в свои руки и сформировать правительство. А так называемая «революционная демократия» (Совет) откажется от участия в этих структурах [14, с. 294]. Причину отказа Совета сформировать правительство (т. е. взять власть в ходе правительственных кризисов) Улам усматривал в отсутствии среди меньшевиков и эсеров харизматической личности. Ни одна из социалистических партий, кроме

большевиков, не способна возглавить необходимые стране перемены по причине отсутствия лидера [14, с. 307].

А. Улам предлагал и обосновывал своё видение хронологии «двоебезвластия» – со 2 марта по 25 октября 1917 г.

Лакмусом современных представлений английских сторонников тоталитарного направления историографии об организации власти в России 1917 г. стал сборник: «Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции» [4]. Его концептуальный подход соответствует представлениям современного английского научного истеблишмента о революционном процессе в России 1917 г. Реперными точками сборника выступают: германское финансирование большевиков; июльские события 1917 г. как первая попытка большевиков взять власть; октябрь 1917 г., прервавший успешный эволюционный путь развития России и погрузивший страну «в мрачные глубины тирании и массовых убийств» [4, с. 30].

Британский историк Д. Кроуфорд, написавший статью, посвящённую политическим проблемам 1917 г., считал возникновение двоевластия результатом складывания в России 2 центров власти:

1. Дума – либералы, цензовые слои общества;

2. Совет – социалисты, толпа, хаос.

Кроуфорд, размышляя о путях преодоления сложившегося в России политического двоевластия, выдвигал тезис о необходимости компромисса между Думой, Временным правительством и Советом. Исследователь акцентировал внимание на роли А. Ф. Керенского в этом процессе, поскольку последний одновременно был и заместителем председателя Петросовета и членом ВКГД. В интерпретации Кроуфорда двоевластие – компромисс, качественно отличающийся от ленинской позиции (противостояние и борьба пролетариата и буржуазии). Суть компромисса, по мнению Кроуфорда, в том, что «ВКГД вполне мог предъявить свои претензии на власть. Но его члены счи-

тали, что удержать власть во время революции в России 1917 г. возможно только сохранив благосклонное отношение к себе А. Ф. Керенского, премьера Временного правительства. Петросовет со своей стороны прекрасно понимал, что не в состоянии сформировать однородное правительство, т. к. его, Совета, власть распространялась не далее Петрограда, и среди его членов не было харизматичных личностей, способных возглавить то или иное министерство» [4, с. 103].

Заслуживает внимания позиция британского исследователя Д. Ливена: двоевластие возникло вследствие необходимости выбора тактики действий думских лидеров по отношению к возникшему Совету: или противостоять радикализированным солдатским и рабочим массам с опасностью для собственной жизни и с растратой уважения к Государственной думе среди населения столицы, или силой взять под контроль революционные силы [6, с. 406].

Думские лидеры выбрали второй вариант развития событий – пошли на компромисс с Петросоветом, как впрочем, и лидеры Петросовета. Результатом этого выбора и стало двоевластие. Отметим, что Ливен инициативу в формировании двоевластия отдаёт Думе, а не Петросовету.

Английский исследователь О. Файджес считал, что двоевластие существовало с 27 февраля по октябрь 1917 г. Власть Думы, создавшей Временное правительство, не была легитимной, т. к. не обладала формальной законностью. Реальной силой оставалось насилие [17, с. 219]. Исследователь считал Петросовет реальным соперником Думы в претензиях на власть. Более того, ВКГД сформировался в качестве реакции Думы на организацию Совета. Слабость в своих силах и неуверенность в ходе развития событий выражались в самом названии Временного комитета Думы (отсутствовал даже намёк на борьбу с царским режимом или противостоянии ему). Наоборот, Комитет заявлял о помощи царскому правительству в

восстановлении порядка. Только 1 марта представители Думы решились на какие-то действия, когда поняли, что власть ускользает из рук [17, с. 220]. Особенностью системы двоевластия Файджес считает то, что ВКГД представлял собой формальную власть и был далёк от того, что происходило на улицах. Петросовет, наоборот, был ближе к революционно настроенным слоям населения, но не обладал официальными полномочиями [17, с. 220]. Таким образом, причина двоевластия сводится к отсутствию у ВКГД легитимности при наличии легальности, а у Петросовета наоборот – отсутствие легальности при наличии легитимности.

Обоюдная слабость 2 центров власти и логика обуздания революционной стихии толкали их к сотрудничеству, а не к борьбе за доминирование. Тезис Файджеса о возникновении двоевластия 27 февраля представляется нам не совсем обоснованным, т. к. на тот момент Николай II ещё не заявил о сложении полномочий. Безусловно, возникли 2 центра власти, но – потенциальных, т. к. на 27 февраля способность влиять и управлять революцией у них была минимальной. Если Петросовет как орган самоорганизации масс ещё мог бы претендовать на статус властного центра уже 27 февраля, то ВКГД, в силу его выжидательной позиции, – не мог. По нашему мнению, 27 февраля возникли лишь предпосылки двоевластия, но в реальность оно оформилось только 3 марта (в день отказа от престола Великого князя Михаила Александровича). Период с 27 февраля по 3 марта целесообразнее считать лишь началом революции (совместные действия Петросовета и ВКГД против самодержавия, ликвидация монархии).

Таким образом, представители тоталитарного направления по-разному интерпретируют отдельные аспекты двоевластия. Однако они единодушны в хронологических рамках до октября 1917 г. – и это, на наш взгляд, не противоречит ходу исторического процесса.

Ревизионистское направление

Идеологической основой ревизионистского направления в исторической науке стал тезис исследователя Р. Арона о возможном сопоставлении капитализма и социализма в рамках общей теории модернизации [2].

В итоге ревизионизм как направление изменил предмет исторических исследований. Если для тоталитарного направления предметом исследования выступали политика, идеология, правящий режим, то в ревизионизме – общественные силы, т. е., генезис советского общества толковался как результат деятельности «снизу», а не «сверху», как проявление жизнедеятельности общества, а не вмешательства государства.

Американский историк А. Рабинович, признанный специалист исследования «революции снизу», не выделял двоевластие в отдельную тему. Главной целью для исследователя было воссоздание во всей возможной полноте именно «революции снизу» [11, с. 13]. Исходя из заявленной цели, организация и деятельность Совета оставалась для А. Рабиновича главным движущим фактором революции 1917 г. По его мнению, власть Совета к июлю 1917 г. стала преобладать над властью Временного правительства, что выражалось в создании Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного Комитета Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Именно этим объясняются и июльские события, когда большевики рискнули перехватить инициативу в борьбе за власть, благодаря «революции снизу». Автор не исследовал глубоко и всесторонне генезис двоевластия, однако отмечал, что причина появления последнего заключалась в догматическом следовании лидеров Петросовета ортодоксальной теоретической установке о том, что за «буржуазной революцией» (т. е. за свержением самодержавия) должен начаться и эволюционировать, неопределённый, правда, по

времени, буржуазно-демократический период управления страной [11, с. 19].

Хронологически начало двоевластия А. Рабинович связывал с возвращением В. И. Ленина в Россию (апрель 1917 г.) и публикацией его «Апрельских тезисов». Закономерен и вывод Рабиновича о генезисе революции: Временное правительство не было в состоянии предоставить населению России ни мира, ни земли, чего мог сделать только Совет, который и считался по-настоящему революционной формой правительства [11, с. 20]. Таким образом, А. Рабинович в причинах появления проблемы двоевластия усматривает и субъектный фактор – роль Ленина.

В контексте генезиса двоевластия такой подход означает, что субъективная интерпретация Лениным революционных событий 1917 г. создала историографическую реальность не соответствующую реальности исторической. Мы имеем в виду тот факт, что с 27 февраля и по 7 июля при существовании 2 центров власти, явного и открытого противостояния между Советом и Временным правительством не существовало. Кроме того, лакмусом реального влияния Совета на политическую ситуацию в России, т. е. осуществления им властных полномочий, был факт подчинения во время апрельского кризиса протестующих военнотружеников только приказу Петросовета, а не Временного правительства [11, с. 23]. Июльский «разгром» большевиков, свидетельствовал о коренной смене ситуации. Однако этот «разгром» не имел катастрофических последствий – уголовное дело о «предателях большевиках» так и не было завершено, судебные решения по уголовным делам в отношении арестованных большевиков отсутствовали. Более того, во время Корниловского дела Керенский обратился за помощью именно к «предателям» – большевикам. Таким образом, по сути, в июле 1917 г. система двоевластия – онтологическое противостояние 2 центров власти – их конкуренция продолжала существовать [11, с. 81–82].

По мнению американского исследователя Л. Хеймсона (США), основу двоевластия («как прототип, если не первый эксперимент двоевластия») составила предварительная договоренность периода 1915–1916 гг. между лидерами Центрального промышленного комитета (ЦПК) и его Рабочей группой, а также либеральными элементами ценового общества (вообще) и рабочим движением (в частности) о совместных действиях против царского режима, и в конечном счёте – коалиция в революции 1917 г. [3, с. 135; 18, с. 101–109].

Таким образом, отсчёт двоевластия хронологически Хеймсон ведёт с 1915 г. И в основе двоевластия находится не конфронтация, а договоренность между буржуазией и пролетариатом.

Л. Хеймсон опровергает тезис советской историографии о предательстве интересов пролетариата руководителями Петросовета (последнее «выражалось» в их нежелании взять власть, т. е. создать Советское правительство) [18]. Он считал, что даже факт поддержки Советом Временного правительства в рамках формулы «постольку-поскольку» в принципе является признанием последнего, хоть и в определённой степени и до определённого времени. Это давало Хеймсону право считать Петросовет государственным органом, равным по статусу Временному правительству, и легитимизировать контроль Совета над политической властью и – через поддержку Советом требований рабочих – над предпринимательскими кругами [18]. Таким образом, Совет и Временное правительство являлись не только равными органами по уровню власти, но, более того, Совет контролировали Временное правительство. С одной стороны, причина двоевластия заключалась в самоорганизации снизу – Совет, а с другой – в организации сверху – Временный комитет государственной Думы Петросовета [3, с. 138; 18].

Историк Ш. Фицпатрик не оспаривает факт существования двоевластия в революции 1917 г., но оговаривается,

что феномен двоевластия – Временное правительство и Петросовет – сложился спонтанно, и правительству пришлось признать данный факт, т. к. иного выбора у него не было [16, с. 94]. По её мнению, «двоевластие» свидетельствует о наличии в революции 2 ипостасей: революции элиты и революции народа.

По мнению исследователя, «в институциональном плане» революцию элиты представляло Временное правительство, а революцию народа – Петроградский совет [16, с. 83]. Фицпатрик считает также, что Временному правительству и Совету следовало дополнять друг друга, а не соперничать в борьбе за власть, чтобы «двоевластие» могло служить источником силы, а не слабости революции [16, с. 83–84]. Действительно, до сентября 1917 г. социалисты в Петрограде и Москве поддерживали Временное правительство, а Временное правительство нуждалось в опоре на массы через Совет. Фактически это был симбиоз 2 центров власти [16, с. 88]. То, как «двоевластие» интерпретируется – борьба 2 центров власти – Фицпатрик считает иллюзией, т. к. двоевластие напоминало скорее безвластие. Причина последнего крылась в том, что русская революция эволюционировала в сторону радикализма, а революция элиты, стремясь защитить право собственности, закон, скатывалась на «консервативные позиции» [16, с. 84].

Хронология «двоевластия» у Фицпатрика представлена следующим образом: начало – 2 марта 1917 г., завершение – июльские события. Отметим, что хронология Фицпатрика схожа с Ленинской хронологией «двоевластия», но качественно отличается по содержанию. Если у Ленина конец «двоевластия» – это победа буржуазии, то у Фицпатрика – это провал «буржуазно-социалистического консенсуса», который заключался с одной стороны в радикализме «левых» сил (о чем свидетельствовали июльские события); а с другой – в радикализме «правых» сил, выразившимся в «Корниловском деле».

Результатом провала «буржуазно-социалистического консенсуса» явилось резкое падение авторитета Временного правительства.

По мнению Э. Карра, двоевластие имело эволюционную природу в силу обстоятельств, связанных с движущими силами революции, революционными центрами – Временным правительством и Петросоветом [5]. С одной стороны, власть Временного правительства опиралась на широкие слои буржуазии и чиновничества, потерявших веру в систему самодержавного управления, первый состав Временного правительства – представители этих социальных слоев [5, с. 75]. С другой стороны, «революционные» (т. е. социалистические) партии не участвовали непосредственно в осуществлении революции. Они не ожидали её и вначале революции находились в полной растерянности [5, с. 75].

Карр придерживался концепции доминирования либеральных групп населения в февральских событиях 1917 г. Вполне закономерно и его утверждение о стихийном характере процесса создания Петросовета, который «вначале... не стремился к власти» [5, с. 75]. Причину последнего Карр усматривал в отсутствии компетенции и неготовности к управлению, а также в том, что Россия, как считали лидеры Совета, созрела только для буржуазно-демократической, а не социалистической революции [5, с. 75]. Главное противоречие системы двоевластия, по мнению Карра, заключалось в том, что хотя Совет был согласен добровольно передать власть Временному правительству, однако факт, что решения Совета признавались революционно настроенным населением, наделял последнего, вне зависимости от него самого, властью. И власть Совета уже нельзя было игнорировать [5, с. 75]. Таким образом, Карр считает стихийность системообразующим фактором двоевластия.

Для создания объективного представления о системе двоевластия необходи-

мо рассмотреть организацию власти не только в Петрограде, но и в Москве, в крупнейших губернских центрах [3]. Так, американский историк Энн О’Доннел исследовал двоевластие в Москве и пришёл к заключению, что фактически в городе было безвластие. В 1917 г. во второй российской столице не существовало вообще какой-либо организованной власти. Действовали 3 городских Совета (отдельно – для рабочих, солдат, крестьян), на заседания продолжали собираться городская дума и комитет общественных организаций. «Все эти институты должны были заниматься муниципальными вопросами и управлением, – отмечал Э. О’Доннел [3, с. 36]. Однако все усилия этих структур были направлены на политическое противостояние, а не на решение конкретных дел. Ещё хуже обстояли дела в губернских центрах [12]. Таким образом, по мере удаления от центра революции – Петрограда, даже на уровне Москвы резкий рост количества органов власти свидетельствовал не о стабилизации управления, а о глубине его кризиса.

Квинтэссенцией концепции ревизионизма о революционном процессе 1917 г. стали материалы международной конференции, прошедшей в Санкт-Петербурге в 2017 г. [15]. Касательно возникновения системы двоевластия общим мнением стал тезис, что Февральская революция была комбинацией 2 революций: восстанием низов против верхов и революцией либералов против правительства [15, с. 112]. Нарратив выступлений даёт возможность говорить о 3 точках зрения на генезис революционного процесса:

1. *революция либералов против правительства*: главная роль при падении самодержавия принадлежала думским лидерам и либеральным кругам (А. Дикинс (Великобритания) [15, с. 33], А. Рабинович и Ц. Хасегава (США) [15, с. 89, 115]). Ц. Хасегава, например, вообще отрицает существование системы двоевластия, считая, что вся полнота власти была сосредоточена у Временного пра-

вительства, а Петросовет никогда не был революционной властью [15, с. 117];

2. *восстание низов против верхов*: в революционном процессе доминировали стихийные антиправительственные выступления рабочих и солдат под руководством левых партий – (Л. Сигельбаум (США) [15, с. 95–96] и Р. Суни (США) [15, с. 102–106], М. Стокдейл (США) [15, с. 97–101]). Главный тезис сторонников этой точки зрения заключается в следующем: если бы не левые партии и народные восстания, то либералы и лидеры Думы заключили бы сделку с Николаем II;

3. главную роль в падении самодержавия сыграло высшее военное руководство, а роль массовых волнений рабочих второстепенна (П. Кенез и Дж. Санборн (США) [15, с. 55, 92]. Однако триггером революции все без исключения считают или забастовочное движение 23 февраля, или переход на сторону народа армии 27 февраля.

Заключение

В англоязычной историографии к вопросу двоевластия наблюдается комплексный подход, подразумевающий то, что главными дискуссионными вопросами рассматриваемой тематики оставались характеристика причин складывания двоевластия, его хронологические рамки и его роль в русской революции.

Для тоталитарного направления зарубежной историографии общими являются идеи о необходимости рассматривать двоевластие как объективную реальность русской революции, при том, что оно – результат спонтанности политической ситуации, неожиданных политических действий. Представители данного научно-исследовательского направления акцентируют внимание на том, что двоевластие сложилось в результате того, что Совет имел возможность, но не стремился, а Временное правительство хотело, но не могло создать полнокровные центральные властные структуры; а также на том, что двоевластие – противоречие, ко-

торое неизбежно вело к революционным трансформациям общества. Хронологические рамки периода двоевластия для «тоталитаристов» однозначны – конец февраля/начало марта – октябрь 1917 г.

Сторонники ревизионистского направления историографии, хотя и не оспаривают самого факта существования двоевластия, не рассматривают его как отдельную проблему. Именно поэтому для большинства представителей «ревизионизма» при характеристике причин и содержания двоевластия важны мотивы и принципы, определяющие взгляд и оценку исследователя на русскую революцию 1917 г. в целом. То же самое и при обосновании хронологии: для кого-то из исследователей нижняя граница этого явления – март 1917 г., для кого-то – даже 1915 г. Тот же принцип и в отношении верхней границы: часть сторонников «ревизионизма» считают октябрь, часть – июль 1917 г. Все – в зависимости от подхода к хронологии русской революции в целом.

Такие историографические тенденции закономерны, т. к. интерпретации периода двоевластия наблюдается прямая зависимость от политических процессов.

Необходимо также отметить, что в проанализированной нами литературе не рассматривались возможности перспективы существования симбиоза власти либералов и социалистов. Никто из англоязычных исследователей не поддерживал (и не опровергал) того факта, что противостояние Совета и Временного правительства неизбежно вело или к «правой» или «левой» диктатуре. Тогда как бесспорен факт, что начиная с сентября 1917 г. наблюдался рост противостояния между Советом и Временным правительством, которое, в конце концов, вылилось в гражданскую войну. Проблема двоевластия сохранилась внутри генезиса революционного процесса в России, в особенностях политической ситуации, позиции политических деятелей и политических партий.

Дата поступления в редакцию 08.12.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Арендт Х. О революции / пер. с англ. И. Косича. М.: Европа, 2011. 456 с.
2. Арон Р. Избранное: Измерения исторического сознания / пер. И. А. Гобозов. М.: РОССПЭН, 2004. 527 с.
3. Города империи в годы Великой войны и революции: сб. статей / ред. А. Миллер, Д. Чёрный. СПб.: Нестор-история, 2017. 520 с.
4. Историческая неизбежность? Ключевые события русской революции / пер. с англ. Л. Виноградова. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 414 с.
5. Карр Э. История Советской России. Кн. 1: Большевистская революция. 1917–1923 / ред. А. П. Ненароков. М.: Прогресс, 1990. 771 с.
6. Ливен Д. Навстречу огню. Империя, война и конец царской России / пер. с англ. П. С. Бавина. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 431 с.
7. Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира / пер. с англ. Е. С. Володиной. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 405 с.
8. Малиа М. Советская трагедия: История социализма в России 1917–1991 / пер. с англ. А. В. Юрасовского, А. В. Юрасовской. М.: РОССПЭН, 2002. 584 с.
9. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. Агония старого режима (1905–1917). М.: Захаров, 2005. 480 с.
10. Пайпс Р. Русская революция. Кн. 2. Большевики в борьбе за власть (1917–1918). М.: Захаров, 2005. 720 с.
11. Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М.: Прогресс, 1989. 416 с.
12. Рейли Д. Саратовская губерния в 1917 году: события, партии, люди / пер. с англ. Р. М. Базылевой. Саратов: Колледж, 1994. 120 с.
13. Троцкий Л. Д. Сочинения. Т. 3. 1917. Ч. 1. От февраля до Октября. М.; Л., 1924. 466 с.
14. Улам А. Б. Большевики: причины и последствия переворота 1917 года / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрополиграф, 2004. 510 с.
15. Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии: сб. докладов межд. науч. конф. / отв. ред. В. В. Калашников. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2017. 380 с.
16. Фицпатрик Ш. Русская революция / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 320 с.
17. Figs O. A people's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924. London: Pimlico, 1996. 923 p.
18. Haimson L, Petruha R. Two strike waves in Imperial Russia // Strikes, Wars and Revolution in an International Perspective. Cambridge University Press, 1989. P. 101–166.

REFERENCES

1. Arendt Ch. *On Revolution* (Rus. ed.: Kosich I., transl. *O revolyuzii*. Moscow, Europe Publ., 2011. 456 p.)
2. Aron R. *Dimensions de la conscience historique* (Rus. ed.: Gobozov I. A., transl. *Izbrannoe: Izmereniya istoricheskogo soznaniya*. Moscow, Progress Publ., 2004. 527 p.)
3. Miller A., Cherny D., eds. *Goroda v imperii v godyu Velikoi voyny i revolyuzii* [Cities of the Empire during the Great War and Revolution: Collection of articles]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 520 p.
4. Brenton T., ed. *Historically inevitable? Turning points of Russian revolution* (Rus. ed.: Vinogradova L., transl. *Istoricheskaya neisbezhnost? Klyuchevye sobytiya russkoi revolyuzii*. Moscow, Alpina nonfiction Publ., 2017. 414 p.)
5. Karr E. *The History of Soviet Russia. Book 1. The Bolshevik Revolution. 1917–1923* (Rus. ed.: Nenarokov A.P., transl. *Istoriya Sovetskoi Rossii Kn. 1. Bolshevistskaya revolyuziya 1917–1923*. Moscow, Progress Publ., 1990. 771 p.)
6. Lieven D. *Towards the flame. Empire, war and the end of Tsarist Russia* (Rus. ed.: Bavina P. S., transl. *Navstrechu ognyu. Imperiya, voyna i konec zarskoi Rossii*. Moscow, Politicheskaya Encyclopedia Publ., 2017. 431 p.)
7. Malia M. *Lokomotivy istorii: Revolyuzii i stanovlenie sovremennogo mira* [History's Locomotives: Revolutions and the Making of the Modern World]. Moscow, Politicheskaya Encyclopedia Publ., 2015. 405 p.

8. Malia M. *Sovetskaya tragediya: Istoriya sozializma v Rossii 1917–1991* [The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia 1917–1991]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 584 p.
9. Paips R. *Russkaya revolyuziya. Kn. 1. Agoniya starogo rezhima (1905–1917)* [The Russian Revolution. Book 1. The Agony of the Old regime (1905–1917)]. Moscow, Zacharov Publ., 2005. 480 p.
10. Paips R. *Russkaya revolyuziya. Kn. 2. Bolsheviki v borbe za vlast (1917–1918)* [The Russian Revolution. Book 2. The Bolsheviks in the struggle for power (1917–1918)]. Moscow, Zacharov Publ., 2005. 720 p.
11. Rabinovich A. *Bolsheviki prihodiat k vlasti: Revolyuziya 1917 goda v Petrograde* [The Bolsheviks come to power: The 1917 Revolution in Petrograd]. Moscow, Progress Publ., 1989. 416 p.
12. Raleigh D. *Saratov province in 1917: events, parties, people* (Rus. ed.: Bazyleva M., transl. *Saratovskaya guberniya v 1917 godu: sobatiya, partii, lyudi*. Saratov, College Publ., 1994. 120 p.)
13. Trotsky L. *Sochineniya. T. 3. 1917. Ch. 1. Ot Fevralya do Oktjabrya* [Works. Vol. 3. 1917. Part 1. From February to October.]. Moscow; Leningrad, 1924. 466 p.
14. Ulam A. B. *The Bolsheviks* (Rus. ed.: Igorevsky L. A., transl. *Bolsheviki: prichiny i posledstviya perevora 1917 goda*. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 510 p.)
15. Kalashnikov V. V., ed. *Fevralskaya revolyuziya 1917 goda: problemi istorii i istoriografii* [The February Revolution of 1917: problems of History and historiography]. St. Petersburg, SPbSETU «LETI» Publ., 2017. 380 p.
16. Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution* (Rus. ed.: Edelman N., transl. *Russkaya revolyuziya*. Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 2018. 320 p.)
17. Figes O. *A people's Tragedy: The Russian Revolution 1891–1924*. London, Pimlico Publ., 1996. 923 p.
18. Haimson L, Petruha R. Two strike waves in Imperial Russia. In: *Strikes, Wars and Revolution in an International Perspective*. Cambridge University Press, 1989, pp. 101–166.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Николай Александрович – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного педагогического университета;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Yakovlev – Postgraduate student, Department of the History of Russia of the Middle Ages and the New Age, Moscow Region State Pedagogical University;
e-mail: mars1972.mars1973@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев Н. А. Феномен двоевластия в России в 1917 г. в англоязычной историографии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 123–134.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-123-134

FOR CITATION

Yakovlev N. A. The phenomenon of dual power in Russia 1917 in English-language historiography. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 123–134.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-123-134

УДК 327.82

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147

ГУМАНИТАРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ: ОСНОВНЫЕ УРОВНИ, АКТОРЫ И ИХ МОТИВЫ

Ковба Д. М.

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук
620108, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Изучение феномена современной гуманитарной дипломатии через призму его структуры.

Процедура и методы. Основу исследования составляет комплекс методов и подходов (анализ, синтез, классифицирование, изучение и обобщение данных), позволяющий исследовать феномен гуманитарной дипломатии. Учитывая полимодальный характер последней, её анализ происходит через призму многоуровневой структуры.

Результаты. Сделан вывод о том, что гуманитарная дипломатия представляет собой структурно сложный феномен, исследование которого целесообразно проводить на мировом, региональном, национальном уровнях, либо изучать конкретный кейс проведения гуманитарной операции. Выделены основные акторы каждого уровня дипломатии (международные правительственные и неправительственные организации на глобальном уровне, региональные межправительственные сети сотрудничества на среднем уровне и государственные агентства и ведомства на национальном уровне). Установлено, что мотивы гуманитарной дипломатии зависят от типа акторов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлена общая структура современной гуманитарной дипломатии; показано, что в настоящее время активно формируются структуры и дискурсы, альтернативные западному подходу к гуманитарной дипломатии. Результаты данного исследования могут быть использованы при разработке учебных курсов по мировой политике и международным отношениям.

Ключевые слова: гуманитарная дипломатия, гуманитарная помощь, мотивы оказания помощи, гуманитарный дискурс, уровни гуманитарной дипломатии

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 20-014-00033 «Концепция полимодальной гуманитарной дипломатии: реализация, инструменты и цивилизационные модели».

MODERN HUMANITARIAN DIPLOMACY: MAIN LEVELS, ACTORS AND THEIR MOTIVATIONS

D. Kovba

*Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
ul. S. Kovalevskoy 16, Ekaterinburg 620108, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the phenomenon of modern humanitarian diplomacy through the prism of its structure.

Methodology. The basis of the study is a set of methods and approaches (analysis, synthesis, classification, study, and generalization of data), which allows us to explore the phenomenon of humanitarian diplomacy. Given the polymodal nature of the latter, its analysis occurs through the prism of a multilevel structure.

Results. It is concluded that humanitarian diplomacy is a structurally complex phenomenon, the study of which should be carried out at the global, regional, national levels, or a specific case of a humanitarian operation should be studied. The main actors of each level of diplomacy are identified (international governmental and non-governmental organizations at the global level, regional inter-governmental cooperation networks at the middle level, and government agencies and departments at the national level). It has been established that the motives of humanitarian diplomacy depend on the type of actors.

Research implications. The general structure of modern humanitarian diplomacy is presented. It is shown that structures and discourses that are alternative to the Western approach to humanitarian diplomacy are being actively formed at present. The results of this study can be used in the development of courses on world politics and international relations.

Keywords: humanitarian diplomacy, humanitarian assistance, motives for providing assistance, humanitarian discourse, levels of humanitarian diplomacy.

Acknowledgment. This research was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework no. 20-014-00033 «The concept of polymodal humanitarian diplomacy: implementation, tools and civilizational models».

Введение

На современном этапе развития системы международных отношений не теряет актуальности гуманитарная повестка дня. Несмотря на глобальную тенденцию снижения насилия и роста общественного осуждения его различных форм – войн, убийств, геноцида, жестокого обращения с детьми¹, – данные проблемы не уходят в прошлое. Помимо социальных угроз, большую опасность представляют физические (связанные с природными процессами, географическими факторами) и биологические угрозы (распространение вирусных, бактери-

альных заболеваний, патогенов неясного генеза) [4, с. 14]. Данные обстоятельства обуславливают необходимость развития и совершенствования инструментов гуманитарной дипломатии и гуманитарной помощи.

Интенсификация гуманитарной деятельности актуализирует задачу теоретического осмысления происходящих процессов, при этом усложнение области исследования обуславливается двумя основными факторами.

Во-первых, несмотря на повсеместное распространение практики оказания помощи и принятия государственными и негосударственными акторами ряда соответствующих обязательств, до сих пор не достигнут консенсус относительно

¹ Пинкер С. Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше / пер. с англ. Г. Бородиной, С. Кузнецовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 960 с.

определения понятий гуманитарного дискурса. Так, словосочетание «гуманитарная дипломатия» (ГД) вошло в научную терминологию в начале 2000-х гг., когда происходило активное развитие новых областей дипломатической деятельности (сотрудничество и помощь в области изменения климата, здоровья населения, экологических угроз, бедности и др.), дополнивших арсенал традиционных дипломатических практик [7, с. 171]. Первая книга, посвящённая данной проблематике, была выпущена лишь в 2007 г. [19]. Начиная с этого времени, понятие «гуманитарная дипломатия» стало всё чаще использоваться рядом гуманитарных организаций (например, таких как Международный комитет Красного Креста – МККК), а также национальными агентствами и министерствами (развития, иностранных дел, обороны и др.), в состав которых входят департаменты гуманитарной помощи и сотрудничества. Одновременно с этим существует разница в интерпретациях и использовании данного термина [19, с. 1213]. Как будет продемонстрировано в статье, его смысловое содержание во многом зависит от специфики актора, использующего это понятие.

Во-вторых, происходит постоянное усложнение гуманитарного ландшафта (ГД), которое, в отличие от традиционной дипломатии, не является прерогативой государств. Помимо двусторонних форматов отношений всё чаще практикуются многосторонние форматы. В связи с этим исследователи характеризуют современную дипломатию как «многофункциональную», «многоотраслевую», «сетевую» и т. п. [19, с. 1213]. В настоящее время в дипломатические отношения всё чаще вовлекаются представители СМИ, коммерческие структуры, неправительственные организации и частные лица. Структурные изменения происходят и на государственном уровне: создаются новые департаменты и министерства, нацеленные на решение долгосрочных

стратегических и краткосрочных задач. В связи с этим утверждается, что современная гуманитарная дипломатия носит полимодальный характер (данная особенность указывает на многоуровневую и многоотраслевую специфику отношений) [6, с. 125].

ГД достаточно активно исследуется в зарубежной и отечественной литературе. Поскольку одним из самых заметных и известных акторов исследуемой области является МККК, достаточно большой массив работ посвящён изучению деятельности данной гуманитарной организации. Например, в одной из последних работ изучается моральная сторона работы организации, соблюдение ею баланса нейтральности и предвзятости [14]. Российские авторы также активно обращаются к данной проблематике [2; 11 и др.].

«Оксфордский справочник современной дипломатии» не обошёл вниманием исследуемый феномен: Я. Эгеланн, занимавший пост директора неправительственной организации «Human Rights Watch», рассмотрел ряд определений гуманитарной дипломатии и, опираясь на личный опыт, описал гуманитарную деятельность в период войн и стихийных бедствий, а также указал на ряд хронических проблем, с которыми сталкиваются гуманитарные организации [16]. Активно исследуются теоретические аспекты новых форм гуманитарной дипломатии, раскрываются особенности и структура последних [13; 19].

Одной из значимых работ отечественных исследователей является монография «Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования» [5], в которой на первый план выносятся комплексные проблемы реагирования на кризисные ситуации и вопросы обеспечения гуманитарной безопасности. Помимо этого учёных интересует специфика ГД правительственных и неправительственных организаций, отдельных государств. Так, изучаются гуманитарные практики

Европейского Союза, связанные «с человеческим фактором и утверждением принципов прав человека, толерантности и культуры мира» [1, с. 191], гуманитарная дипломатия Турции [17], России (применительно к РФ чаще всего встречаются такие формулировки, как «гуманитарное сотрудничество», «гуманитарное партнерство» [9]) и других стран. Особый интерес представляют исследования, в которых выделяются цивилизационные модели гуманитарной дипломатии отдельных регионов [10].

Цель настоящего исследования – изучение феномена современной гуманитарной дипломатии через призму его структуры. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выделить основные уровни, на которых практикуется ГД; 2) выявить ключевых акторов каждого уровня; 3) определить основные мотивы этих акторов.

Помимо общенаучных методов исследования (анализ, синтез, классифицирование, изучение и обобщение данных) будем использовать философскую концепцию конвенционализма, согласно которой представление о сути ГД является продуктом соглашения между представителями различных институтов и научных школ. Поскольку существует множество классификаций ГД, в зависимости от типа акторов, целей, масштабов деятельности и пр., отметим, что в данном исследовании указанная проблема рассматривается через призму многоуровневой структуры – мировой, региональной и национальной. На каждом из уровней *доминирующим* будет определённый тип актора, хотя участвовать в сетевых отношениях могут все типы акторов. Помимо них существует так называемая полевая дипломатия («in the field») – самый нижний уровень пирамиды гуманитарных акторов, работающих непосредственно в месте возникновения чрезвычайных ситуаций. Однако в последнем случае чаще всего происходит координация действий специалистов национальных агентств, а

также международных, межправительственных организаций, т. е. акторов более высоких уровней. Отметим, что существующие отношения полимодального типа между гуманитарными акторами образуют настолько сложные сети взаимодействий, что представлять схематические отношения между ними имеет смысл только при разборе конкретного кейса, поэтому методологическое упрощение уровней ГД является оправданным для данного исследования.

Гуманитарная дипломатия на мировом уровне

Ключевыми акторами глобального уровня являются международные правительственные (ООН, в частности, её структура Управление по координации гуманитарных вопросов – УКГВ; ОБСЕ, ОЭСР), а также крупнейшие международные неправительственные гуманитарные организации различных типов (правовые, медицинские, религиозные и т. д.). Считается, что механизмы ООН играют центральную роль в сложившейся международной гуманитарной «архитектуре» [3, с. 263]. Они были созданы для координации усилий межправительственных и неправительственных организаций и поддержания связей с соответствующими структурами конкретных государств. Исходя из этого, сложившийся порядок вещей расценивается как иерархический [3, с. 263]. Как указано на официальном сайте организации, ООН является основным поставщиком помощи при чрезвычайных ситуациях и с целью долгосрочного содействия, а также защитником пострадавшего населения¹.

Наиболее значимой среди неправительственных международных организаций является МККК. Не будем подробно раскрывать суть его работы, т. к. она достаточно изучена; отметим лишь, что, по

¹ ООН. Координация гуманитарной деятельности // ООН: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/assistance/index.shtml#ocha> (дата обращения: 08.05.2022).

мнению специалистов данной организации, ГД МККК носит исключительно гуманитарный характер и основывается на принципах беспристрастности и нейтральности¹. Более того, цель ГД МККК расценивают как довольно «ограниченную» и «узкую», направленную на предотвращение и облегчение страданий, вызванных вооружёнными конфликтами, предоставление помощи жертвам, информирование сторон конфликта и т. п. По сравнению с этой целью, цели ГД государств значительно шире; они вытекают, прежде всего, из их национальных интересов.

Среди прочих гуманитарных организаций стоит упомянуть «Врачей без границ», Oxfam, Caritas и World Vision International. Так, «Врачи без границ» – международная независимая медицинская гуманитарная организация, целью которой является оказание помощи людям, пострадавшим в результате чрезвычайной ситуации (конфликта, стихийного бедствия, эпидемии), а также тем, кто по какой-либо причине не имеет доступа к системе здравоохранения². Утверждается, что мотивом деятельности данной организации является гуманизм, при этом соблюдаются принципы беспристрастности и нейтральности. Отдельно подчёркивается, что члены организации обязуются соблюдать профессиональный этический кодекс и сохранять независимость от политических, религиозных или экономических сил.

Ещё одним известным глобальным международным движением является Oxfam (Оксфордский комитет помощи голодающим) – объединение, работающее более чем в 70 странах мира. Его миссией является борьба с неравенством, бедностью и несправедливостью³. По

данным на 2022 г., функционирует 21 филиал, деятельность которых координируется Международным секретариатом Oxfam. Среди проблем, над которыми работают члены организации, выделяются: помощь при конфликтах и катастрофах, социальное неравенство, гендерная справедливость и права женщин, вода и санитария, обеспечение едой. Утверждается, что члены Oxfam придерживаются принципов соблюдения прав человека, гуманизма и социальной справедливости.

Традиционно функцию оказания помощи и облегчения страданий людей выполняют религиозные организации различного масштаба и вероисповедания. Примерами влиятельных международных религиозных организаций являются Caritas и World Vision International. Так, Caritas – международная благотворительная католическая организация, целью которой является социальное служение, оказание гуманитарной помощи и содействие человеческому развитию; согласно официальным заявлениям помощь предоставляется вне зависимости от религиозной, этической принадлежности и других особенностей⁴. Головной офис организации находится в Риме, где происходит координация операций в случае возникновения чрезвычайных ситуаций, а также согласуется политика в целях развития. Caritas имеет обширную сеть национальных организаций (более 150) на глобальном и региональном уровнях. Целью деятельности международной религиозной организации World Vision International является предоставление гуманитарной помощи в чрезвычайных ситуациях и программы развития регионов⁵, при этом основной категорией получателей помощи являются дети.

¹ Harroff-Tavel M. The humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross // ICRC: [сайт]. URL: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/humanitarian-diplomacy-icrc.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

² Врачи без границ. О нас // Médecins Sans Frontières: [сайт]. URL: <https://www.msf.org/who-we-are> (дата обращения: 03.05.2022).

³ Оксфам. Во что мы верим // Oxfam: [сайт].

URL: <https://www.oxfam.org/en/what-we-do/about/what-we-believe> (дата обращения: 03.05.2022).

⁴ Caritas – who we are // Caritas: [сайт]. URL: <https://www.caritas.org/who-we-are> (дата обращения: 03.05.2022).

⁵ Our Vision Statement // World Vision International: [сайт]. URL: <https://www.wvi.org/our-vision-and-values> (дата обращения: 04.05.2022).

Обзор уставных документов и информации, представленной на официальных сайтах вышеперечисленных организаций, позволяет сделать вывод о том, что декларируемой целью их деятельности является удовлетворение гуманитарных потребностей людей, пострадавших от чрезвычайных ситуаций или относящихся к уязвимым категориям населения. Одним из основных принципов деятельности организаций является беспристрастное оказание помощи. Данная позиция разделяется многими западными исследователями. Крупнейшие международные гуманитарные организации – МККК и ЮНИСЕФ – являются приверженцами «универсального» и «общечеловеческого» подхода к ГД [13, с. 142]. Основным мотивом деятельности гуманитарных работников является *защита и помощь*, что накладывает отпечаток на специфику их деятельности: практикуемая ими ГД чаще всего преследует оперативные, а не стратегические цели. Гуманитарные работники, как правило, решают краткосрочные и повседневные вопросы (переговоры о доступе к месту конфликта, доставка помощи и т. п.) [13, с. 244]. В целом, частью гуманитарного дискурса западных международных организаций являются такие понятия, как гуманитарные принципы, гуманитарный императив, уважение к международному гуманитарному праву, защита общечеловеческих ценностей, беспристрастность и гуманизм.

Вместе с тем некоторые исследователи практикуют критический подход к оценке мотивов и оснований деятельности ряда международных неправительственных организаций. Утверждается, что влияние таких организаций «почти полностью проистекает из их якобы беспристрастных..., гуманитарных, благотворительных или альтруистических мотивов»; одновременно с этим их претензии на легитимность нередко оспариваются [20, с. 637]. Например, в одном из исследований критически осмысливается история ГД

МККК. Утверждается, что, несмотря на заявления об использовании дипломатии как нейтрального инструмента для защиты людей и ведения переговоров от имени уязвимых категорий населения, гуманитарная логика нередко использовалась для достижения «параллельных и этически неоднозначных целей... в частности, речь идёт о колониальных бизнес-проектах отца основателя Красного Креста Анри Дюнане» [14]. Обвинения в отсутствии беспристрастности время от времени становятся частью повестки дня мировых СМИ. Одним из примеров является заявление службы безопасности Израиля о том, что международная благотворительная организация World Vision спонсировала боевиков исламской группировки¹. Кроме того, государства в пределах своих границ имеют гораздо больше рычагов влияния, чем деятельность международных организаций, чьим основным капиталом являются их репутация беспристрастного посредника и широкая общественная поддержка их деятельности.

Гуманитарная дипломатия на региональном уровне

Несмотря на то, что основные роли в глобальном масштабе традиционно играют западные акторы, в настоящее время государства, имеющие иную цивилизационную принадлежность, прилагают усилия для формирования сетей сотрудничества в области ГД [3, с. 263]. Данная тенденция объясняется 2 основными факторами: во-первых, попытками государств определённого региона «коллективно отстоять свой суверенитет в гуманитарной сфере» [5, с. 52]; во-вторых, тем, что географически близкие государства нередко страдают от одних и тех же проблем, поэтому коллективный ответ является более чем оправданным.

¹ Израиль обвинил христианскую организацию в Газе в финансировании боевиков // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20160804/1473595883.html> (дата обращения: 11.05.2022).

Таким образом, помимо региональных отделений крупнейших международных организаций на данном уровне всё больший вес приобретают региональные гуманитарные структуры, одним из ярких примеров которых является система ГД, сложившаяся в Юго-Восточной Азии.

Государства – члены Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) вынуждены регулярно бороться со стихийными бедствиями (засухами, наводнениями, оползнями, землетрясениями и другими катаклизмами природного характера). Относительная аполитичность данных проблем способствовала активному развитию гуманитарного сотрудничества, более тесной внутрирегиональной интеграции и институционализации.

Толчком к развитию ГД в регионе стали произошедшие в 2004 г. землетрясение и цунами в Индийском океане, приведшие к гибели сотен тысяч человек и масштабному социально-экономическому кризису. Для преодоления последствий катастрофы была создана «Основная группа по цунами», деятельность которой была охарактеризована как «новый стиль дипломатии» [15, с. 191]. Работа этой группы заложила основы многостороннего сотрудничества государств и вскрыла ряд проблем в области реагирования на стихийные бедствия. Позднее, в 2008 г., подобный формат был использован для реагирования на циклон Нургис. В отличие от предыдущего эпизода, АСЕАН сыграла более активную роль в чрезвычайной ситуации: она выступила платформой, связующей национальное правительство и международное сообщество. В 2009 г. вступило в силу «Соглашение АСЕАН по управлению стихийными бедствиями и экстренному реагированию», при этом основным институтом, призванным осуществлять координацию при оказании гуманитарной помощи в случае стихийных бедствий стал «Центр АНА»¹. Дальнейшее развитие региональ-

ных механизмов ГД произошло в 2016 г., когда была подписана «Декларация АСЕАН о едином ответе АСЕАН».

Исследователи по-разному оценивают эффективность сложившейся системы ГД. Так, с одной стороны, различные вызовы (стихийные бедствия, вынужденная миграция населения) часто имеют трансграничный характер, что делает национальные ответы неэффективными; с другой стороны, становление региональной системы происходит довольно медленно. Помимо этого, возникают риски запутывания (например, вероятность дублирования функций различных агентств) и усложнения координации и без того непростой системы оказания помощи [12]. Тем не менее с течением времени система реагирования на стихийные бедствия в АСЕАН становится всё более отлаженной и развитой, что позволяет признать состоятельность сложившихся региональных механизмов.

Спецификой ГД АСЕАН является то, что наибольшую институционализацию и развитие она получила в области реагирования на стихийные бедствия; при этом механизмы ответа на биологический тип угроз (пандемия COVID-19) и социальный (антропогенные кризисы) развиты слабее [3, с. 265]. Это объясняется тем, что страны – члены АСЕАН придерживаются принципов невмешательства во внутренние дела, уважения суверенитета и не хотят участвовать в решении «политически чувствительных» вопросов.

К. М. Табаринцева-Романова выделяет так называемую «средиземноморскую» модель ГД. По мнению исследователя, у стран региона есть общие задачи: получение доступа к пресной воде, истощение почвы и др. [10, с. 391]. Утверждается, что основными акторами ГД региона, «наряду со специализированными евро-средиземноморскими организациями... является Средиземноморская конференция обществ Красного Креста

¹ ASEAN Humanitarian Assistance Centre Launched // ASEAN: [сайт]. URL: <https://asean.org/asean-humanitarian-assistance-centre-launched> (дата обращения: 12.05.2022).

itarian-assistance-centre-launched (дата обращения: 12.05.2022).

и Красного Полумесяца» [10, с. 392]. При этом задачу повышения эффективности реализуемых проектов должен решать Центр сотрудничества в Средиземноморье. Его деятельность связана со следующими проблемными областями: помощь мигрантам, защита окружающей среды, реагирование на кризисы, проблемы молодёжи, международное гуманитарное право.

По сравнению с системой ГД АСЕАН, нельзя сказать, что «средиземноморская» модель является такой же устоявшейся – скорее, здесь имеют место традиционные для западного мира схемы взаимодействия (например, посредством взаимодействия ООН, ЕС и МККК) для решения общих проблем, стоящих перед государствами региона.

Помимо АСЕАН, альтернативой западным структурам ГД могут стать государства группы БРИКС, страны арабо-исламского мира и Латино-Карибской Америки [5, с. 50]. Так, утверждается, что для стран арабо-исламского мира характерно представление о «гуманитарной солидарности», подразумевающей отход от идеи беспристрастности и нейтральности; в то время как Латино-Карибской Америке присущи такие черты, как «замыкание региона на себя» и усиление регионального сотрудничества в ответ на кризисы [5, с. 51].

Таким образом, есть основания говорить, что в ближайшем будущем продолжится развитие региональных институтов ГД, которые будут играть всё более самостоятельную роль на международной арене.

Гуманитарная дипломатия на национальном уровне

Основным актором данного уровня является государство, что накладывает отпечаток на практику ГД. Последняя осуществляется с обязательным учётом национальных интересов. При этом традиционный для неправительственных организаций мотив гуманности в данном

случае отходит на второй план. Правительства и квазигосударственные структуры имеют в своём распоряжении гражданские и военные ресурсы, которые можно использовать в случае возникновения чрезвычайной ситуации внутри страны или за рубежом. Как правило, порядок мобилизации данных ресурсов чётко прописан в планах национальной безопасности, документах по управлению чрезвычайными ситуациями. Обращение к официальным каналам традиционной дипломатии происходит при возникновении серьёзного бедствия с международными последствиями. В этом случае координацию операции осуществляет министерство иностранных дел [19, с. 1220]. Понимание и интерпретация концепта ГД, а также устоявшиеся практики зависят от специфики конкретного государства.

В качестве примеров рассмотрим понимание ГД в Турции и России. Так, драйвером ГД Турции является правительство. При этом квазигосударственные и неправительственные организации склонны ориентироваться на государственные цели при оказании гуманитарной помощи. Самой значимой квазигосударственной организацией страны является Турецкий Красный Полумесяц (часть движения Международной конференции Красного Креста и Красного Полумесяца), миссией которого является «оказание помощи уязвимым и нуждающимся посредством мобилизации ресурсов и сил сообщества для защиты человеческого достоинства..., а также для улучшения способности сообщества справляться со стихийными бедствиями» [17, с. 127]. Примечателен тот факт, что при принятии решений о предоставлении международной гуманитарной помощи Турецкий Красный Полумесяц следует указаниям правительства данной страны. Среди неправительственных организаций наибольший вес имеет «Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи ИНН». Утверждается, что,

несмотря на заявления о беспристрастности, большая часть помощи направляется для разрешения кризисов, жертвами которых становится мусульманское население во всём мире [17, с. 127].

Турецкий гуманитарный дискурс имеет свою специфику: термину «гуманитарная помощь» обычно присуще своё прямое значение, и помощь оказывается только при стихийных бедствиях (т. е. не подразумевается любая помощь в благотворительных целях). Слово сочетание «международная гуманитарная помощь» используется в том же смысле, что и «помощь в целях развития». Интересно, что турецкая интеллигенция нередко употребляет термины «гуманитарный подход», «гуманитарная интервенция», «гуманитарная помощь» в ироническом ключе, подразумевая ряд военных гуманитарных и миротворческих интервенций под руководством западных держав [17, с. 130]. Что касается мотивов ГД Турции, то, помимо соображений гуманности, имеют место следующие основания:

- создание репутации страны, заботящейся о страдающем и обездоленном населении других государств;

- укрепление позиций правящей партии (Партии справедливости и развития); поддержка партийной риторики оказания помощи связана, во-первых, с географическим положением и опытом переживания природных и техногенных катастроф населением страны; во-вторых, с исламскими традициями финансовых пожертвований; в-третьих, с ностальгией по статусу «великой Османской империи» [17, с. 136];

- обеспечение национальной безопасности (например, предотвращение притока беженцев и стабилизация региона);

- коммерческие мотивы (гуманитарная помощь создаёт дружелюбный имидж и открывает возможности успешного ведения бизнеса за рубежом).

Российский гуманитарный дискурс также имеет свою специфику: в ряде отечественных научных публикаций авто-

ры не разграничивают понятия «гуманитарная дипломатия» и «гуманитарное сотрудничество», при этом первое считается разновидностью политической коммуникации [3, с. 19]. Кроме того, если на Западе под гуманитарным сотрудничеством и гуманитарной дипломатией чаще всего подразумевается помощь в случае возникновения стихийных бедствий, конфликтов или иных кризисов, то отечественное понимание термина шире: помимо гуманитарной помощи и помощи в целях развития, может идти речь о дипломатии в области культуры, образования, науки, религии, спорта [7, с. 170]. Например, К. Г. Муратшина и Н. В. Мамин пишут, что «к гуманитарной сфере в двусторонних отношениях относятся контакты в образовании, науке, культуре, спорте, туризме, работе с молодёжью, информации и массовых коммуникациях» [9, с. 65]. Е. С. Громогласова считает ГД неотъемлемым элементом международного гуманитарного сотрудничества России; при этом исследователь утверждает, что практиковать ГД начали в 90-е гг. XX в. в таких сферах, как диалог гражданских обществ, межцивилизационный диалог, культурное сотрудничество, содействие развитию и оказание гуманитарной помощи [5, с. 46].

Необходимость следования концепции национальной безопасности и защиты национальных интересов, безусловно, накладывает отпечаток на специфику ГД России. Так, одним из её важнейших направлений является работа с соотечественниками, проживающими за рубежом. Особое внимание уделяется вопросам продвижения русского языка и русской культуры, программам обмена, совместным учебным программам, предоставлению стипендий и грантов для специалистов и студентов из стран бывшего Советского Союза. Приведём пример проекта, получившего поддержку «Фонда президентских грантов». Из названия проекта – «Гуманитарная дипломатия и укрепление сотрудничества

с Национальными Обществами Красного Креста и Красного Полумесяца»¹ – можно было бы предположить, что его содержанием должны быть помощь уязвимым категориям граждан и помощь в случае чрезвычайных ситуаций. Однако акцент сделан на продвижении русского языка, на преодолении препятствий для успешного участия русскоязычных лидеров общественных организаций в международном диалоге, а также на занятии Российским Красным Крестом лидирующего положения среди русскоговорящих Национальных обществ МККК².

Помимо этого Россия укрепляет свои позиции в качестве донора помощи развития и гуманитарной помощи. При этом приоритетными регионами для оказания помощи считаются постсоветские страны, некоторые развивающиеся государства Азии и Америки, а также бедные африканские страны.

Таким образом, национальная специфика и национальные интересы накладывают отпечаток на подходы к ГД. Последнюю зачастую рассматривают как компонент стратегии национальной безопасности и национальных интересов. Вместе с тем нередко ситуации, когда необходимость оказания помощи идёт вразрез с интересами государства. В связи с этим исследователи предлагают различать практику гуманитарной дипломатии (как действия, предпринимаемые для обеспечения максимальной поддержки гуманитарных операций и гуманитарных целей) и гуманитарную деятельность как компонент дипломатической стратегии (использование гуманитарной помощи для защиты и продвижения государственных интересов) [18, с. 664]. Кейс Австралии является иллюстрацией кон-

фликта практики ГД и других интересов: щедрость данной страны при предоставлении виз беженцам традиционно являлась частью её международного имиджа. Например, власти страны выдали около 12 000 виз беженцам, спасавшимся от гражданской войны в Сирии. Вместе с тем Австралия придерживалась строгой политики для лиц, незаконно прибывающих по морю в поисках убежища. Эти люди направлялись в специальные лагеря для содержания под стражей вместо рассмотрения их ходатайств об убежище [18, с. 666]. В данном случае налицо конфликт между обеспечением безопасности страны и соображениями гуманности. Подобная дилемма может возникнуть при предоставлении помощи населению одной страны в ущерб другой и восприниматься как выражение пристрастности. Кроме того, наложение гуманитарных переговоров на политические потенциально может снизить эффективность спасательных операций [8, с. 459].

Заключение

Таким образом, понимание сути ГД зависит от типа актора. В общем и целом, в настоящее время она представляет собой целый комплекс различных направлений деятельности, основное из которых – оказание помощи жертвам стихийных бедствий, конфликтов или иных чрезвычайных ситуаций и переговоры по обеспечению доступа к пострадавшим. Другими направлениями могут быть информационные и просветительские мероприятия, сотрудничество для достижения целей устойчивого развития, защита прав уязвимых категорий населения (беженцев, мигрантов, детей и др.). В зависимости от широты понимания термина практика ГД может включать в себя программы сотрудничества в области образования, науки, культуры, спорта, медицины и т. д.

Выход за рамки помощи в чрезвычайных ситуациях действительно имеет смысл: по меткому замечанию Я. Эге-

¹ Гуманитарная дипломатия и укрепление сотрудничества с Национальными Обществами Красного Креста и Красного Полумесяца // Фонд президентских грантов: [сайт]. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/item?id=44c03b7f-0bed-46a9-9fe5-8f34273aff2f> (дата обращения: 19.05.2022).

² Там же.

ланна, «спасительная помощь – это лишь “временный пластырь” и выражение солидарности и сострадания к нуждающимся» [16]. Экстренная помощь чаще всего лишь смягчает последствия кризиса, но не направлена на решение его причины, поэтому гуманитарным акторам важно сотрудничать в направлении достижения целей устойчивого развития, вносить вклад в укрепление безопасной и благополучной среды.

В данной статье было продемонстрировано, насколько структурно сложным является современный гуманитарный ландшафт, на котором появляется всё большее количество негосударственных и государственных акторов. Нередко

так называемые новые доноры (отдельные государства или объединения государств) меняют традиционные представления об оказании помощи.

Было показано, что общие проблемы, стоящие перед государствами конкретного региона, влияют на складывающуюся там систему ГД. Однако, помимо необходимости решить насущные задачи, мотивы гуманитарных акторов могут быть самые разнообразные – от формирования благоприятного имиджа и обеспечения безопасности до достижения специфических политических и экономических целей.

Дата поступления в редакцию 04.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Богатырева О. Н., Козыкина Н. В., Табаринцева-Романова К. М. Гуманитарная дипломатия Европейского Союза в XXI веке // Научный диалог. 2018. № 4. С. 191–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-191-204
2. Богатырева О. Н. Устойчивое гуманитарное воздействие как стратегическая цель деятельности Международного комитета Красного Креста // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2020. № 6. С. 31–40. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-31-40
3. Богатырева О. Н., Ковба Д. М., Табаринцева-Романова К. М. Многосторонняя гуманитарная дипломатия: универсальный и региональный опыт: монография. М.: Наука, 2021. 282 с.
4. Гласер М. А., Новик Н. Н. Гуманитарная безопасность в ЮВА: специфика, проблемы, подходы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 2. С. 12–26.
5. Громогласова Е. С. Гуманитарная дипломатия в современных международных отношениях: опыт системного исследования. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 124 с.
6. Ковба Д. М. «Animal diplomacy» как направление полимодальной дипломатии // Дискурс-Пи. 2020. № 3. С. 122–139. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10308
7. Ковба Д. М. Гуманитарное измерение дипломатии: проблема категоризации и анализ // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2020. Т. 20. № 11. С. 169–174.
8. Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: между политикой и гуманизмом // VII Информационная школа молодого учёного: сб. науч. трудов / ред. П. П. Трескова. Екатеринбург: Центр. науч. биб-ка УрО РАН, 2019. С. 456–460.
9. Муратшина К. Г., Мамин Н. В. Институты гуманитарного сотрудничества России и Киргизии // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2022. Т. 6. № 1. С. 65–80.
10. Табаринцева-Романова К. М. Средиземноморская цивилизационная модель гуманитарной дипломатии // Дипломатическая служба. 2021. № 4. С. 387–403. DOI: 10.33920/vne-01-2104-05
11. Табаринцева-Романова К. М. Гуманитарная дипломатия Международного Комитета Красного Креста: реализация ЦУР ООН в области экологии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 4. С. 39–54.
12. Caballero-Anthony M. Negotiating governance on non-traditional security in Southeast Asia and beyond. New York: Columbia University Press, 2018. 336 p.
13. Clark M. Humanitarian multi-track diplomacy: Conceptualizing the Definitive, Particular, and Critical Role of Diplomatic Function in Humanitarian Action. University of Groningen, 2018. 308 p.
14. Constantinou C. Humanitarian diplomacy as moral history // Peacebuilding. 2022. DOI: 10.1080/21647259.2022.2059963

15. Cook A. D. Humanitarian diplomacy in ASEAN // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2021. Vol. 6. Iss. 3. P. 188–201. DOI: 10.1177/20578911211019247
16. Egeland J. Humanitarian Diplomacy // *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*. 2013. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199588862.013.0020
17. Guo X. Turkey's International Humanitarian Assistance during the AKP Era: Key Actors, Concepts and Motivations // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2020. Vol. 14. Iss. 1. P. 121–140. DOI: 10.1080/25765949.2020.1728974
18. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy // *Australian Journal of International Affairs*. 2016. Vol. 70 (6). P. 657–669. DOI: 10.1080/10357718.2016.1220495
19. Rügner P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition // *International Review of the Red Cross*. 2011. Iss. 93. P. 1211–1237. DOI: 10.1017/s1816383112000574
20. Warnecke A. Can Intergovernmental Organizations Be Peacebuilders in Intra-State War? // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2020. Vol. 14. P. 634–653. DOI: 10.1080/17502977.2020.1794132

REFERENCES

1. Bogatyreva O. N., Kozykina N. V., Tabarintseva-Romanova K. M. [Humanitarian Diplomacy of European Union in the 21st Century]. In: *Nauchnyi dialog* [Scientific dialogue], 2018, no. 4, pp. 191–204. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-4-191-204.
2. Bogatyreva O. N. [Sustainable Humanitarian Impact as a Strategic Orientation of the International Committee of the Red Cross]. In: *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnalu»* [Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal], 2020, no. 6, pp. 31–40. DOI: 10.34076/2219-6838-2020-6-31-40
3. Bogatyreva O. N., Kovba D. M., Tabarintseva-Romanova K. M. *Mnogostoronnjaja gumanitarnaja diplomatija: universalnyj i regionalnyj opyt* [Multilateral Humanitarian Diplomacy: Universal and Regional Experience]. Moscow, Nauka Publ., 2021. 282 p.
4. Glaser M. A., Novik N. N. [Humanitarian Security in Southeast Asia: Specificity, Problems, Approaches]. In: *Jugo-Vostochnaja Azija: aktualnye problemy razvitiya* [Southeast Asia: Current Development Issues], 2020, no. 2, pp. 12–26.
5. Gromoglasova E. S. *Gumanitarnaja diplomatija v sovremennyh mezhdunarodnyh otnoshenijah: opyt sistemnogo issledovanija* [Humanitarian diplomacy in modern international relations: experience of systematic research]. Moscow, IMEMO RAN Publ., 2018. 124 p.
6. Kovba D. M. [“Animal diplomacy” as a direction of multimodal diplomacy]. In: *Nauchnyj zhurnal «Diskurs-Pi»* [Scientific Journal «Discourse-P»], 2020, no. 3, pp. 122–139. DOI: 10.24411/1817-9568-2020-10308
7. Kovba D. M. [The Humanitarian Dimension of Diplomacy: the Problem of Categorization and Analysis]. In: *Vestnik Kyrgyzsko-rossijskogo slavyanskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2020, vol. 20, no. 11, pp. 169–174.
8. Kovba D. M. [Humanitarian diplomacy: between politics and humanism]. In: Treskova P. P., ed. *VII Informacionnaja shkola mladogo uchenogo* [7th Information School of a Young Scientist]. Yekaterinburg, Tsentr. nauch. bib-ka UrO RAN Publ., 2019, pp. 456–460.
9. Muratshina K. G., Mamin N. V. [Institutional structure of Russian-Kyrgyz humanitarian cooperation]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of the Udmurt University. Sociology. Political science. International relationships], 2022, vol. 6, no. 1, pp. 65–80. DOI: <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-65-80>
10. Tabarintseva-Romanova K. M. [Mediterranean civilizational model of humanitarian diplomacy]. In: *Diplomaticheskaja sluzhba* [Diplomatic Service], 2021, no. 4, pp. 387–403. DOI: 10.33920/vne-01-2104-05
11. Tabarintseva-Romanova K. M. [Humanitarian diplomacy of the International Committee of the Red Cross: implementation of the UN SDGs in the field of ecology]. In: *Vestnik Diplomaticheskaj akademii MID Rossii. Rossija i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World], 2020, no. 4, pp. 39–54.
12. Caballero-Anthony M. *Negotiating governance on non-traditional security in Southeast Asia and beyond*. New York, Columbia University Press, 2018. 336 p.

13. Clark M. *Humanitarian multi-track diplomacy: Conceptualizing the Definitive, Particular, and Critical Role of Diplomatic Function in Humanitarian Action*. University of Groningen, 2018. 308 p.
14. Constantinou C. Humanitarian diplomacy as moral history. In: *Peacebuilding*, 2022. DOI: 10.1080/21647259.2022.2059963
15. Cook A. D. Humanitarian diplomacy in ASEAN. In: *Asian Journal of Comparative Politics*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 188–201. DOI: 10.1177/20578911211019247
16. Egeland J. Humanitarian Diplomacy. In: *The Oxford Handbook of Modern Diplomacy*, 2013. DOI: 10.1093/oxford hb/9780199588862.013.0020
17. Guo X. Turkey's International Humanitarian Assistance during the AKP Era: Key Actors, Concepts and Motivations. In: *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, 2020, vol. 14, no. 1, pp. 121–140. DOI: 10.1080/25765949.2020.1728974
18. O'Hagan J. Australia and the promise and the perils of humanitarian diplomacy. In: *Australian Journal of International Affairs*, 2016, vol. 70 (6), pp. 657–669. DOI: 10.1080/10357718.2016.1220495
19. Rignier P. The emerging concept of humanitarian diplomacy: identification of a community of practice and prospects for international recognition. In: *International Review of the Red Cross*, 2011, no. 93, pp. 1211–1237. DOI: 10.1017/s1816383112000574
20. Warnecke A. Can Intergovernmental Organizations Be Peacebuilders in Intra-State War? In: *Journal of Intervention and Statebuilding*, 2020, vol. 14, pp. 634–653. DOI: 10.1080/17502977.2020.1794132

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ковба Дарья Михайловна – кандидат политических наук, научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук;
e-mail: dmkovaljova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria M. Kovba – Cand. Sci. (Political sciences), Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: dmkovaljova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ковба Д. М. Гуманитарная дипломатия: основные уровни, акторы и их мотивы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 135–147.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147

FOR CITATION

Kovba D. M. Modern humanitarian diplomacy: main levels, actors and their motivations. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 135–147.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-135-147

УДК 3(091).(049.32).

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-148-154

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ЛАЗАРЕВА Л. Н. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХОД, ИТОГИ. М.: ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, 2021. 309 С.

Телицын В. Л.

Институт всеобщей истории Российской академии наук

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а, Российская Федерация

BOOK REVIEW:

LAZAREVA L. N. ECONOMIC REFORM OF 1965: PREREQUISITES, PROGRESS, RESULTS. MOSCOW: INFORMATION AND PUBLISHING DEPARTMENT OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY, 2021. 309 P.

V. Telitsyn

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Leninskii pr-t 32a, Moscow 119334, Russian Federation

О реформах А. Н. Косыгина (председателя Совета министров СССР в 1964–1980 гг.) на сегодняшний день написано и сказано много. Но интерес к теме не иссякает, что подтверждается появлением новых и оригинальных научных исследований, в которых эти реформы анализируются с учётом вводимых в научный оборот ранее неизвестных документальных источников. Не составляет исключения и монография Л. Н. Лазаревой.

Вполне оправдан вопрос автора: почему у специалистов сохраняется интерес к экономической реформе 1965 г. (косыгинской реформе), ушедшей в прошлое, в историю, вместе со страной? И сама же Л. Н. Лазарева отвечает: жизнь показывает, что вопросы, поставленные тогда, в 1960-е гг., и сегодня не теряют своей актуальности [с. 4], не только потому, что «смерть требует процедуры вскрытия, и гибель страны (Советского Союза – В. Т.) –

не исключение»¹, а ещё и потому, что поиск экономической модели, позволяющей эффективно управлять национальным хозяйством государства – процесс перманентный: вопросы, связанные с эволюцией экономики нельзя решить раз и навсегда, но их можно и нужно решать постоянно и ежедневно.

Л. Н. Лазарева начинает монографию со степени изученности темы, историография которой насчитывает сотни работ. Проблемы хозяйственного механизма и возможные пути их преодоления выявлялись и изучались в первую очередь современниками и свидетелями происходящих процессов и в экономике, и в обществе, прекрасно разбирались в особенностях политики директивного планирования. Да, для большинства исследователей анализ был очерчен (и сдер-

¹ Ален Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. С. 8.

живался) жёсткими рамками идеологии, но, как считает автор, без предубеждения и предвзятости. Другой вопрос в том, насколько для советского времени оставались актуальными попытки суммировать итоги косыгинских преобразований? Не превалировал ли в исследованиях 1970-х – начала 1980-х гг. только чисто академический (теоретический), далекий от реальности, интерес?

Всплеск интереса к косыгинской попытке изменить модель экономики связан с реформами 1985–1991 гг. Но «связан» достаточно специфически. Л. Н. Лазарева считает, что, будучи опытными управленцами и осторожными политиками, Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин не рискнули пойти по рыночному пути, а решили продолжить поиск эффективного ответа на вызовы повседневной реальности. Так ли это? Если принять во внимание, что ставка в 1970-х – начале 1980-х гг. делалась на нефтедоллары, то, конечно же, нет, ни о какой эффективности ответа на вызов «трансформирующейся реальности» речь вообще не шла.

Действительно, и с этим не поспоришь, итогом горбачёвских реформ стало исчезновение с политической карты мира Советского Союза.

Но только ли горбачёвские реформы привели к гибели страны? Ряд авторов считает, что дело в интегральном кризисе, охватившем все сферы власти, общества и экономики. Причём кризис этот – процесс длительный, не сиюминутный, остро проявившийся в 1950-е гг.¹, а косыгинские реформы – одна из попыток, причём очень серьёзная, повлиять на ситуацию, сложившуюся в национальной экономике.

Благодаря историческому 1991 г., исследовательская мысль уже не сдерживалась жёсткими идеологическими правилами, а «архивная революция» расширила источниковую базу исследований [с. 7], в

т. ч. и по истории косыгинских реформ. И данный факт дал возможность автору рецензируемой монографии быть по возможности скрупулёзной и объективной в своих обобщениях и оценках, привлекая к исследованию все доступные документальные источники.

Итак, «откуда», по мнению автора монографии, «есть пошла» экономическая реформа председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, о которой было заявлено осенью 1965 г.?

Во-первых, корнями она уходит во времена 1917 г., т. е. прихода к власти большевиков, стремившихся реализовать марксистские идеи экономического развития государства и общества и постоянно сталкивавшихся с противоречиями между теорией и практикой. Тем самым автор опровергает миф о горбачевских реформах как первоисточнике всего государственного зла.

Именно со времени зарождения Советского государства Л. Н. Лазарева начинает «сбор анамнеза» о состоянии советской экономики. И диагноз её неутешителен. По её мнению, во-первых, «несвоевременность революции, несговорчивость большевиков, бескомпромиссно отстаивающих именно своё видение “пути в социализм”» [с. 19], от себя добавим – и «военный коммунизм», породивший Гражданскую войну, – всё это запустило процесс деформации марксистской модели социалистической экономики.

Во-вторых, Л. Н. Лазарева старается разобраться с глубинным содержанием и такого очень сложного в истории России (а были ли в её истории простые периоды?) явления, как новая экономическая политика. Автора интересует позиция (применительно к изучению косыгинских реформ) ряда исследователей о том, что НЭП (время экономических реформ) «не сломали, а он сам сломался, т. к. был слишком противоречивой и неустойчивой системой» [с. 21].

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.

Но о том, был ли «сломан» НЭП или он сам «сломался», Л. Н. Лазарева не даёт однозначного ответа [с. 21], поскольку для неё более важен иной сюжет – выстраивание экономической модели мобилизационного типа, процесса, точка отсчёта которого приходится на время сворачивания НЭПа (конец 1920-х гг.).

В-третьих, внимание автора уделено и 1930-м гг., когда в ходе процесса «великого перелома» не только аграрного сектора, но и всей национальной экономики сложился «костяк» советской экономической модели, «сильная сторона» которой – победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а «слабая» – приоритетное развитие сектора «А» (производство средств производства) за счёт развития сектора «Б» (производство предметов потребления) [с. 32].

В-четвёртых, после Великой Отечественной войны парадигма развития экономики определилась, прежде всего, представлениями И. В. Сталина [с. 49]: сначала – обеспечение экономической независимости страны (непреложное требование). Подобный подход, по мнению автора монографии, суживал, при ограниченности ресурсов, поле выбора эволюции экономической модели [с. 50].

Л. Н. Лазарева полагает, что формирование сталинской модели было выбором в сложных условиях конца 1920-х гг. По нашему мнению, надо определиться в другом: был ли этот выбор предопределён сложными социально-экономическими условиями существования страны, или, вопреки сложным условиям, ставка на данную модель была предопределена исходя из приоритетов идеологии над экономикой?

Ведь автор монографии сама признаёт, что несовершенство экономической модели не было секретом для советского руководства, сознательно подчинявших экономическую эффективность решению политических задач.

Экономическая модель мобилизационного типа не могла существовать

вечно, её отставание от потребностей времени стало заметно уже со второй половины 1950-х гг. По мнению Л. Н. Лазаревой, именно тогда хозяйственниками-практиками был нащупан «противовес» экстенсивному пути, и на интенсивный путь национальное хозяйство разворачивали «перекосы модели». Поэтому за снижением розничных цен следовало снижение оптовых цен, которое, благодаря показателю «снижение себестоимости», нацеливало трудовой коллектив на борьбу с издержками и повышение производительности труда. К тому же рыночный сектор (артели, потребкооперация и пр.), подчинённый плановому, помогал ему, разделяя задачи, позволяя гибче реагировать на изменение спроса потребителей, внося разнообразия в ассортимент [с. 86]. И с этим подходом стоит согласиться, что подтверждается разработками современных исследователей первых экономических преобразований второй половины 1950-х гг.¹ А может быть, всё проще? А может быть, только во второй половине 1950-х гг. и можно было вслух и безбоязненно говорить о проблемах национальной экономики?

Автор монографии права в том, что советское общество, победившее в страшной войне, а потом, восстановив (правильнее будет сказать – восстанавливая) национальное хозяйство, мечтало о спокойной и благоустроенной жизни.

Однако мечтам этим «противостояли» 2 фактора:

1. В условиях жёсткой централизации системы и потребительского дефицита товаров и услуг шёл процесс осознания управленцами специфических интересов своей социальной группы [с. 87]. Автор, правда, считает, что этот фактор формировал запрос на корректировку управленческой модели. Но решает ли корректировка вопрос дефицита?

¹ Попов Г. Эволюция советского экономического развития 1950–1960 годов. Ч. 1: Реформы Маленкова // Вести Экономика. 2020. 18 января.

2. Политические лидеры Советского Союза социализм видели по-разному. Это формировало и разные запросы на управленческую модель [с. 87]. Подтверждение своей гипотезы автор не приводит. И у читателя сразу возникает вопрос: этот тезис – для второй половины 1950-х – середины 1960-х гг.? Или всё же для времени бухаринского лозунга «Обогащайтесь»?

Советские лидеры второй половины 1950-х – 1960-х гг. попытались реформировать сталинскую управленческую модель. Но, по мнению автора, поиск хрущёвского десятилетия сосредоточился на решении проблемы «баланса полномочий Центра и регионов, попытки нащупать возможность оптимизации управления путём частичного делегирования прав на уровень хозяйствующих субъектов, а также «оптимизации» планирования» [с. 120], т. е. вопрос шёл не о реформировании самих экономических механизмов, а некоей «надстройки», состояние которой, конечно же, влияло на национальную экономику, но второстепенно. Свидетельство тому – новые проблемы экономического порядка, проявившиеся в хрущёвское время.

Таким образом, анализ генезиса «дефектов» советской экономической модели, формировавших запрос на её корректировку, а также причин замыслов, хода реализации косыгинской реформы и значение полученных в итоге результатов [с. 9], – всё это является основным объектом исследования Л. Н. Лазаревой.

Но «корректировка дефектов» должна иметь теоретическую базу, в данном случае – экономические законы.

Вернёмся назад, к историографии: «Прописку в советской науке получила концепция, согласно которой экономические законы социализма носят объективный характер. Их нельзя “создавать” и “преобразовывать” усилиями и волей государства. Но их необходимо познавать и стремиться использовать при достижении конкретных народнохозяйственных

целей. Именно это *прозрение* и сделало возможным косыгинскую экономическую реформу» [с. 7].

Стоило бы термин «прозрение» заключить в кавычки, никакого прозрения не было, так же как и не было никаких «экономических законов социализма», и/или «экономических законов капитализма». Два этих формационных штампа существовали лишь для того, чтобы чисто идеологически развести реальность советскую от реальности несоветской и не дать возможности уяснить простую истину – есть законы экономики как таковые, и главный из них – материальная заинтересованность как основной фактор эволюции национального хозяйства.

Думается, что автор рецензируемой монографии подспудно и сам так считает, принимая во внимание его обращение к капитальному исследованию «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.»: «...Идеология и психология догоняющего развития в равной степени заставляла различные, сметавшие друг друга режимы делать упор именно на экономике, выпячивая эту проблему и форсируя её решение при недооценке и даже полном забвении других сторон и факторов модернизационного комплекса, особенно “ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того неуловимого и неосязаемого”, без которого модернизация не может быть успешной. Чутунный бог советской тяжёлой индустрии и нечистый на руку бог Гермес постсоветского монетаризма 90-х гг. прошлого столетия в равной мере не оправдали возлагавшихся на них надежд. Исторически детерминированное нежелание и неумение “верхов” решать проблемы модернизации в системе, а также в постоянном контакте с обществом, породили в России феномен подмены реформ социальным экспериментированием...» [с. 8].

Руководствуясь выдуманной экономической социализма и «отключив», например, функции регулятора у закона стоимости,

СССР вынужден был брать управление на себя, контролируя выполнение плана в натуральных и денежных показателях, рациональное использование фондов, выдачу зарплаты, своевременное внесение платежей в бюджет, использование бюджетных средств и кредитов, – такова позиция Л. Н. Лазаревой [с. 70]. И с этим стоит согласиться – патернализм превращался в фетиш.

Устали от «борьбы в осаждённой крепости» и общество, и «капитаны производства» [с. 73]. Только этим можно объяснить претензии последних и к качеству планирования, и к плохой логистике [с. 74], и многим иным структурным составляющим экономического процесса. Что не могло не сказаться на показателях их деятельности, на тех секторах экономики, за которые они отвечали.

И здесь Л. Н. Лазарева выдвигает очень важный тезис. Она считает, что с ростом экономики¹ появляется проблема так называемого «информационного бутылочного горлышка»: вырабатывать адекватные решения и исполнять их становилось всё сложнее, а обеспечивать передачу информации «верхним эшелонам» (и не только им) было необходимо, причём информацию, как правило, искажённую, не соответствующую действительности [с. 75].

В результате, как подчёркивает автор монографии, информационное «бутылочное горлышко» деформировало сталинскую модель, запускало негативные процессы, грозящие отбросить СССР с достигнутых уже рубежей [с. 76]. С другой стороны, особенностью советской системы было то, что экономика, политика и идеология были переплетены в единый клубок. Что это означало? Что любая реформа в СССР, хоть в чём-то способная посягнуть на «священные» идеологические постулаты – плановость, коллективизм, отказ от материальной заинтересованности – обречена на провал (даже

если её первые шаги удачны, даже если ей «рулит» премьер). Поэтому поиск реформатора А. Н. Косыгина зашёл в тупик ещё на стадии самой подготовки реформы [с. 148], и премьер принял решение не тянуть больше с реформой и дорабатывать её «на ходу» [с. 173].

Конечно, парадоксально, но иного и не могло быть.

Уже на стадии дискуссий были выявлены «несовместимые совместимости». А. Н. Косыгин сделал ставку на сочетании материального стимулирования с директивным планированием и расширением самостоятельности хозяйственного субъекта. С точки зрения марксизма, всё правильно – «закон единства и борьбы противоположностей», но на практике всё обернулось полным крахом.

Из анализа документов следует, что именно переход на новые методы хозяйствования и экономического стимулирования были тем краеугольным камнем, на котором базировался в СССР план восьмой пятилетки (1966–1970 гг.). На новые методы хозяйствования возлагалась задача заставить советских управленцев «лучше хозяйствовать», вскрыть внутренние ресурсы предприятий, сформировать запрос на внедрение инноваций, поднять производительность труда и сделать науку «непосредственной производительной силой» и проч. На это делалась ставка, когда в план восьмой пятилетки закладывались столь амбициозные цели [с. 200].

Но для этого необходимо было «поступить идеологическими принципами», на что ни сам Косыгин, ни кто-то другой из первых эшелонов пойти не мог. Сказав «а», Косыгин не нашёл в себе силы сказать «б». Получилось, как при НЭПе: сделав один шаг, реформатор остановился, побоявшись «обрушения всей советской системы», и реформа «приказала долго жить».

Позиция, занятая советскими партийными лидерами на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС, свидетельствовала о

¹ Прим: не совсем понятно, в чём он усматривался, но стоит уважать авторскую позицию.

том, что на реформах «поставлен крест» [с. 201]. Но один «штришок»: *официально* её (косыгинскую реформу) никогда и никто «не сворачивал». Постепенно её перестали вспоминать, «и она “ушла”» [с. 4].

«Моментом истины» остаётся вопрос: косыгинская реформа – «упущенный шанс или последний клапан?»¹. И в заключении исследования, суммируя все доступные ей материалы, Л. Н. Лазарева тоже задаётся теми же «извечными» вопросами: была ли реформа Косыгина точкой бифуркации советской экономики? Могла ли эта хозяйственная модель вообще измениться? Кто виноват – «лошадь или жокей» (т. е. «социально-экономическая модель развития» или «правлящая элита»)?

Можно утверждать, что основной цели реформы А. Н. Косыгину достичь не удалось. Но то, что реформа завершилась ничем – тоже нельзя сказать. Уровень жизни советских граждан вырос, по основным показателям план восьмой пятилетки (едва ли не единственный случай в истории советской экономики) был выполнен, – такова позиция Л. Н. Лазаревой, которая также считает: утверждать, что советская экономическая модель не была реформируема, проведённый нами анализ не даёт оснований. А что касается недостатков реформирования, сбоев, незавершённости и проч., то если пользо-

ваться образом, удачно применённым к советской системе П. Грегори, «лошадь и жокей», то, скорее, дело было, все-таки, в «в жокее» [с. 286–288].

У отечественных исследователей не бывает простых и однозначных ответов на сложные и противоречивые вопросы. И монография Л. Н. Лазаревой – не исключение. Исследования – поиск ответов на вопрос: может ли быть эффективна плановая, и не только, экономика для решения мобилизационных (в широком смысле слова) задач? – продолжают, как в отечественной, так и в зарубежной историографии [с. 288].

Бесспорно, исследование Л. Н. Лазаревой займёт своё место в процессе ликвидации научных лакун истории СССР/России. Несмотря на поставленные автором сложнейшие вопросы экономического развития СССР, на обилие цифрового/статистического материала, на двойной подтекст партийно-советских документов, привлекаемых исследователем, монография Л. Н. Лазаревой читается на одном дыхании. Автору удалось, сочетая документальный материал и живой язык, представить историю косыгинской реформы в динамике, а не в статике, как это было принято ранее. Авторский подход профессионален, хотя и не со всеми обобщениями можно согласиться. Но позиция автора – это позиция автора, тем более что косыгинская реформа – это наше совсем недалёкое прошлое.

Дата поступления в редакцию 30.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: sociopolitical and economic problems», Institute of World history of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Телицын В. Л. Рецензия на книгу: «Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: Информационно-издательское управление Московского государственного управления, 2021. 309 с.» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 148–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-148-154

FOR CITATION

Telitsyn V. L. Book review: «Lazareva L. N. Economic reform of 1965: prerequisites, progress, results. Moscow, Information and Publishing Department of Moscow Region State University, 2021. 309 p.». In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 148–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-148-154

Для заметок

[illegible]

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным педагогическим университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru) и Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки (www.istpolitmgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023. № 1

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная верстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты:

www.istpolitmgou.ru;
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 9,75, уч.-изд. л. 12,25.

Подписано в печать: 14.02.2023. Выход в свет: 07.03.2023. Заказ № 2023/02-06.

Отпечатано в МГОПУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А